

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

=====

Родился 3 июня 1953 года в столице Киргизии Фрунзе (ныне Бишкек). Мать Суворова - Мария Тихоновна - служащая энергоучастка Фрунзенского Отделения железной дороги. Отец - Суворов Василий Ильич - работал на этом же участке электромонтером, где и познакомился со своей будущей женой, но вскоре был призван в милицию, - сначала в конную, потом в железнодорожную, позже в отдельный дивизион по охране правительства Киргизской ССР, откуда в звании старшины и вышел на пенсию.

Саша был первым ребенком в семье, потом родились еще двое - сестра и брат. Ребенок родился, как казалось, нормальным, однако на четвертом году жизни обнаружилось резкое ухудшение зрения. Хождения и разъезды по врачам ни к чему не привели. Более того, один профессор в Алма-Ате предсказал и наступление глухоты, что произошло на десятом году жизни ребенка, в 1962 году. Сестра и брат тоже больные, у обоих ослабленная нервная система, хоть они и зрячеслышащие. Когда уже все трое появились на свет, выяснилось, что мать и отец были трюродными братом и сестрой. Отец и мать не знали об этом с самого начала потому, что их родители умерли от голода в период сплошной коллективизации, оба воспитывались в детских домах.

Причины падения зрения и слуха у Саши остались неизвестны. Предполагается какое-то изменение наследственности (мутация) во внутриутробный период развития. Последствия мутации сказались не сразу, но ребенок, видимо, родился уже с ослабленной нервной системой. Возможно, мутация как-то связана и с близкородственным характером брака родителей.

Мать и отец работали, получали мало, семья еле сводила концы с концами, перебивалась от получки до получки, поэтому детей приходилось отдавать в ясли очень рано. Саша попал туда в трехмесячном возрасте. С трех лет - детский сад, обычный, от железной дороги, да и специальных дошкольных учреждений для слепых детей в то время не существовало. В семилетнем возрасте, в 1960 году, Саша пошел в республиканскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей, в которой успел получить начальное четырехклассное образование, несмотря на прогрессирующее с третьего класса падение слуха.

Отношения со сверстниками у Саши не сложились. Ни в детском саду, ни в школе слепых друзей он не имел, больше тянулся ко взрослым, а в школе слепых с головой ушел в чтение брайлевских книг, какие попадутся. Уже во втором классе был таким заядлым читателем, что книги у него отбирали, чтобы не читал на уроках и по ночам. Мальчик раздражал одноклассников склонностью играть - фантазируя вслух - в одиночку, с чем даже пытались бороться, устраивали разборки на пионерских собраниях, от которых он прятался где только мог (например, в подвале в завалах ненужной, исписанной брайлевской бумаги).

Все это не могло не сказаться отрицательно на и без того слабой нервной системе, и летом между вторым и третьим классом слух начал падать. Врачи говорили, что единственная возможность спасти слух - не нервничать, быть как можно более спокойным. Но уже развился невроз, поводов для всяких бурных переживаний хватало, - иногда, вероятно, и выдуманных поводов. Словом, глухота стала фактом.

Решающую роль в первоначальном духовном развитии мальчика сыграла мать. В грудном возрасте, по ее словам, ребенок не слезал с ее рук, неохотно шел даже к отцу, а на чужих ру-

ках поднимал отчаянный рев. Мать рассказывала ему сказки, читала детские книжки, включала музыку (пластинки, радио). Мать любила и умела петь, и мальчик научился у нее многим песням, разучивая слова по дороге в детский сад и обратно, Впервые услышав духовой оркестр на торжественном собрании по случаю дня железнодорожника, мальчик на всю жизнь сохранил любовь к этой музыке. Кроме того, где-то недалеко находилось кладбище, часто проходили похоронные процессии с духовыми оркестрами, и ребенок наслушался в раннем детстве траурных маршей. Из-за оркестра он всегда рвался на праздничные демонстрации. В детском саду думали, что растет второй Чайковский, в школе слепых мальчик начинал учиться игре на баяне, но наступившая вскоре глухота все это перечеркнула.

После падения слуха у сына Мария Тихоновна стала искать школу, где он мог бы продолжать учиться, несмотря на глухоту и слепоту. Школа такая нашлась в городе Загорске Московской Области, куда Саша и приехал 13 сентября 1964 года. К тому времени Загорский детдом существовал чуть меньше года. Традиций не было, все было впервые, все было экспериментальным, коллектив педагогов состоял из энтузиастов, исключительно добрых и самоотверженных людей, и первым впечатлением мальчика в новой школе было ощущение никогда раньше неизвестной ему по прежним детским заведениям концентрации доброты. С самого начала возникло положительное отношение к новой школе, которое сохранилось до конца, хотя и там, конечно, не обходилось без конфликтов, иногда довольно острых, но они, как говорится, погоду не делали. Погоду делало ощущение преобладающей доброты и доверие, в общем и целом, к окружающим людям.

В загорске Саша Суворов проучился до 9 февраля 1971 года. Он познакомился там с замечательными людьми, сыгравшими значительную роль в его последующей судьбе - заведующим лабораторией обучения и изучения слепоглухонемых детей Научно-Исследовательского Института Дефектологии Академии Педагогических Наук СССР Александром Ивановичем Мещеряковым, его заместителем Раисой Афанасьевной Мареевой, с директором (с 1968 года) детдома Альвином Валентиновичем Апраушевым, со многими другими. Встречался он и с наезжавшей в детдом первой советской нормально развитой слепоглухой женщиной, автором известной книги "Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир", - Ольгой Ивановной Скороходовой, - но близок с ней Суворов не был: к ней не подпускали более старшие ребята.

В Загорске же Суворов впервые встретился и с человеком, сыгравшим решающую роль в его духовном, мировоззренческом становлении, - доктором философских наук Эвальдом Васильевичем Ильенковым. Это был гениальный мыслитель и добрейший человек, привязавшийся к Суворову как к родному сыну, сумевший духовно во многом перевоплотиться в Суворова, и Суворов впоследствии всегда с гордостью называл его своим духовным отцом. Общение с Ильенковым, чтение его трудов определили характер теоретического мышления Суворова, его мировоззрение, всю его жизненную позицию.

9 февраля 1971 года Суворов с тремя другими воспитанниками Загорского детдома - Натальей Корнеевой, Юрием Лернером и Сергеем Сироткиным, - переезжает в Москву, в экспериментальную группу при лаборатории А.И. Мещерякова, для подготовки в Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. Это был первый и, насколько известно, пока единственный в мире эксперимент по обучению в ВУЗе целой группы слепоглухих. В этом эксперименте были крайне заинтересованы

психологи (в мае 1971 года А.И. Мещеряков защитился и стал доктором психологических наук). Всю четверку и приняли на Факультет Психологии, где в то время деканом был крупнейший советский психолог, академик Алексей Николаевич Леонтьев. Суворов предпочел бы учиться в литературном институте, он с детства пробовал писать стихи, изучал теорию литературы, читал литературную критику. Но постепенно он увлекся и психологией, научился видеть красоту научной мысли, теоретических построений. Художественным (поэтическим) творчеством занимался для себя, но это сказывалось и на его научных текстах, которые неизбежно становились публицистическими, с чем Суворов ничего не мог и не хотел поделать, - он всегда считал это не слабостью, а силой научного текста, ориентируясь и здесь на Ильенкова, который был блестящим публицистом, и самые строгие в научном отношении его работы доставляют эстетическое наслаждение. Не случайно темой студенческих и первых научных работ Суворова стало воображение, - сначала его теоретические проблемы, а затем его формирование у детей, особенно у слепоглухих.

В 1977 году четверка закончила университет, и все четверо были приняты в качестве младших научных сотрудников в Научно-Исследовательский Институт Общей и Педагогической Психологии Академии Педагогических Наук СССР. После смерти Мещерякова 30 октября 1974 года эксперимент по обучению слепоглухих студентов возглавил Э.В. Ильенков. Институтом руководил друг Ильенкова, известный психолог, ныне вице-президент Российской Академии Образования, Василий Васильевич Давыдов, и все четверо попали в лабораторию другого друга Ильенкова, тоже известного философа и психолога, ныне академика, - Феликса Трофимовича Михайлова. Лаборатория была ведущей в институте, теоретической, а не экспериментальной, так и называлась: лаборатория теоретических проблем психологии деятельности.

Суворов быстро понял, что традиционный путь профессионального теоретика для него закрыт: нужно работать в основном в Ленинской Библиотеке, а там без зрения и слуха нечего делать, по брайлю же всего необходимого не перепечатаешь. Поэтому 22 марта 1981 года Суворов поехал в Загорск, чтобы хоть как-то, хоть чем-то способствовать развитию слепоглухонемых детей, заодно мечтая выполнить и завещание Мещерякова и Ильенкова (который умер 21 марта 1979 года). С тех пор вся жизнь Суворова, вся его судьба как ученого, поэта и общественного деятеля, связана с детьми.

15 января 1975 года на квартире у Ильенкова Суворов познакомился еще с одним человеком, сыгравшим в его жизни значительную роль - Борисом Михайловичем Бим-Бадом. Бим-Бад не жалел на Суворова времени, они встречались регулярно раз в неделю, Суворов читал Бим-Баду свои стихи, курсовые и позже годовые работы (отчеты о своих научных исследованиях для института), другие рукописи. Бим-Бад внимательно слушал и по ходу чтения очень тактично, ненавязчиво советовал, что и почему нужно исправить, работал и над устной речью Суворова, исправляя ударения. Когда Суворов подружился с детьми, он обсуждал с Бим-Бадом дневники своего с ними общения, и Бим-Бад - историк педагогики по профессии - иногда подсказывал Суворову, как преодолеть те или иные возникавшие трудности. Главным советом было - идти от ребенка, изучать его интересы, помогать ему в решении стоящих перед ним проблем, а не торопиться "впихивать" в ребенка свое. Суворов обязан Бим-Баду всем своим литературным профессионализмом, а так же в значительной степени теоретическим и педагогическим. Позже Бим-Бад занялся организацией Университета Российской Академии Образования, стал его ректором, академиком, и хотя по

занятости так же интенсивно общаться с Суворовым уже не может, продолжает помогать Суворову, предоставляя ему, например, возможность читать лекционные курсы у себя в университете и печатать книги в университетском издательстве. В конце лета 1995 года этим издательством выпущена в свет первая книга Суворова - "Школа Взаимной Человечности". в которой обобщен опыт дружбы Суворова с детьми, - как инвалидами, так и здоровыми, особенно в различных детских лагерях.

Первые годы работы в Загорске Суворов потратил на изучение проблем детского развития в самом тесном общении с детьми, а не только (и не столько) по той или иной специальной литературе. Он осознал, что главный дефицит слепоглухих ребят, задерживающий их развитие, - это дефицит общения.

Еще со студенческих лет благодаря Ильенкову Суворов был связан с разновозрастными коммунарскими и пионерскими отрядами. Познакомившись осенью 1985 года с одним таким отрядом "Трубачи", возникшим на физическом факультете Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А.И. Герцена, Суворов получил приглашение в пионерский лагерь "Салют", где члены этого отряда работали в качестве вожатых и кружководов в летние каникулы. В июле 1987 года Суворов провел в этом лагере целый месяц один, то есть без специального сопровождения и перевода, и результатом этого своеобразного эксперимента на самом себе стала идея привезти в "Салют" слепоглухих детей из Загорска. Первая такая поездка состоялась в августе 1988 года, и с тех пор эти поездки стали организовываться ежегодно, с 1991 года - по три - четыре в год.

В связи с кризисом Всесоюзной Пионерской Организации, в результате которого Пионерские Штабы разного уровня оказались не у дел, начались поиски тех, кому пионеры могли бы помогать реально, в решении реальных проблем, а не в изучении "законов пионерской жизни". Далеко за нуждающимися в такой помощи ходить не приходилось: дети-инвалиды, сироты, одинокие старики и взрослые инвалиды... Бывшие Пионерские Штабы стали помогать этим людям, взяли над ними шефство, стали с ними общаться, играть, помогать в быту. В такой переориентации ребятам, конечно, помогли взрослые, - руководители штабов, - но и сами ребята, когда их спрашивали, чем бы они хотели заниматься, в значительной своей части отвечали, что хотели бы помогать тем, кто в помощи действительно нуждается. Так возникло движение "Детский Орден Милосердия", в которое сразу же включился со своими ребятами, больными и здоровыми, и Суворов. Движение было оформлено как одна из программ Центрального Совета СПО - ФДО (Союза Пионерских Организаций - Федерации Детских Организаций). Координатором этой программы сразу же стала Галина Владимировна Никанорова, с которой у Суворова установились достаточно тесные деловые и дружеские отношения. За участие в этом движении Суворов был дважды награжден: 30 мая 1993 - на областном фестивале творчества детей-инвалидов - посвящен в Рыцари Свердловского Областного Детского Ордена Милосердия (руководители - супруги Владимир Александрович и Нина Олеговна Поспеловы; там Суворов получил диплом и эмблему этой организации в виде металлического креста с головками девочки и мальчика по верхним углам креста, с буквой М - милосердие - на пересечении перекладин), - и 7 января 1995 года на рождественской елке в Кремле (диплом и медаль "Орден Милосердия" от комитета "Дети России"; перед этим проводился всероссийский конкурс "Добрая дюжина", и в числе двенадцати самых добрых дети назвали Так же Суворова).

Неоднократно Суворов выезжал за границу. В 1980 году, в конце июля, Суворов участвовал в работе Второго Всемирного Конгресса слепоглухих, посвященного столетию со дня рождения Элен Келлер. Конгресс проходил в Ганновере (ФРГ). На конг-

рессе Суворов сделал доклад о проблемах высшего образования слепоглухих, об опыте обучения четверки и ее интеграции в обычном обществе. Доклад был прочитан на одном из пленарных заседаний, встречен с большим интересом, и суворов был избран председателем одной из секций конгресса. Доклад был опубликован в материалах конгресса на английском языке.

В 1988 году, в середине декабря - Международный Конгресс "Шахматы и Дети" в Мадриде (Испания). Там Суворов участвовал в работе круглого стола (секции) "шахматы и дети-инвалиды". На этом круглом столе выступил с сообщением о разработанной им методике обучения детей - относительно здоровых и инвалидов - азам шахматной игры. Сообщение вызвало большой интерес, но нигде опубликовано не было, так как было Суворовым сымпровизировано, а текст написать он так и не удосужился. Главным образом в Мадриде Суворов занимался изучением испанского опыта реабилитации сенсорных инвалидов (слепых, глухих и особенно слепоглухих), встречался с генеральным секретарем Всемирной организации слепых Педро Зуритой, с испанским высокообразованным слепоглухим Даниэлем Альваресом и его женой Асунсьон, которые возглавили в Испании реабилитационную работу со слепоглухими - детьми и взрослыми. Впечатления от этой поездки Суворов описал в публицистическом очерке "Соревнование проиграно", который включил в готовящуюся к печати книгу "Проблемы конкретной человечности" (издательство "Педагогика-Пресс").

В конце сентября - начале октября 1989 года Суворов участвовал в работе Четвертого Имени Элен Келлер Всемирного Конгресса Слепоглухих в Стокгольме (Швеция). Для конгресса он написал статью о взаимоотношениях слепоглухих и зрячеслышащих, об острых проблемах в общении между ними. Статья была переведена на английский язык и опубликована в материалах конгресса. Однако у Суворова не было специально прикрепленного сопровождающего-переводчика, что сильно затруднило общение Суворова с другими делегатами конгресса. Эта проблема стала фатальной и во всех последующих поездках Суворова за рубеж.

Основной доклад в Стокгольме делал президент Американской ассоциации слепоглухих Родерик Макдональд. Доклад его был посвящен специфике слепоглухоты, из констатации которой автор делал вывод о возникающей особой культуре слепоглухих. Доклад так и назывался: "Слепоглухота: возникающая культура". Этот доклад по возвращении в СССР был для Суворова переведен на русский язык и переписан рельефно-точечным шрифтом Брайля. Суворов увидел в нем возможность развернутого проблемного обзора и в конце 1989 - начале 1990 написал большую работу "Культура слепоглухих и общечеловеческая культура", так же вошедшую впоследствии в книгу "Проблемы конкретной человечности". Текстом Макдональда Суворов воспользовался как своеобразной анкетой, по каждому пункту которой изложил свою точку зрения. Таким образом, получился своеобразный заочный диалог. Но основного тезиса Р. Макдональда о якобы возникающей малой культуре слепоглухих Суворов не принял. Полностью признавая и даже заостряя специфику слепоглухоты, Суворов вслед за своим учителем Э.В. Ильенковым настойчиво аргументировал тезис о том, что эта специфика сводится к предельно острой постановке и своеобразному решению общечеловеческих проблем. Тезис об особой "слепоглухой" культуре Суворов воспринял как изоляционистский, то есть обосновывающий изоляцию слепоглухих от остального мира - вместо интеграции в этом мире. Поэтому Суворов настаивал, что речь идет о модификации, преломлении общечеловеческой культуры в ситуации слепоглухоты, а не о возникновении какой-то отдельной "слепоглухой" культуры. Именно против отдельности культуры слепоглухих, против культурного обособле-

ния, изоляции слепоглухих, Суворов и возражал с особой настойчивостью.

В конце декабря 1989 - в течение января 1990 года состоялась поездка по США, целью которой было ознакомление с работой с глухими, слепыми и слепоглухими в США. Удалось посетить Вашингтон, Нью-Йорк, Бостон, Сан-Диего. В Вашингтоне состоялись встречи с Родериком Макдональдом и другими слепоглухими, посетить университет глухих имени Галаудета, где учатся и слепоглухие студенты. Под Нью-Йорком делегация посетила национальный реабилитационный центр взрослых слепоглухих имени Элен Келлер, где удалось встретиться и побеседовать с одним из руководителей центра, слепоглухим поэтом и главным редактором выпускаемого в центре информационного бюллетеня, Робертом Смитдасом (первая встреча Суворова со Смитдасом состоялась еще в Ганновере). В Бостоне делегация посетила знаменитую школу Перкинса (для слепых, при которой существует особое отделение для слепоглухих детей). В Сан-Диего делегация посетила калифорнийский университет, где прошло семинарское общение с местными психологами и философами. Суворов как раз работал над проблемным обзором "Культура слепоглухих" и общечеловеческая культура", и впечатления от первой поездки в США сильно этот обзор обогатили.

В октябре 1990 - такая же поездка в США. Города те же, кроме Сан-Диего, плюс Овербрук (под Филадельфией) - там школа слепых, и Рочестер - там национальный технологический институт глухих. Были попытки договориться с американцами о сотрудничестве, Суворов рвался активно в этих переговорах участвовать, но отсутствие специального сопровождающего-переводчика, трудности общения, неполная (мягко говоря) информированность о ходе переговоров, привели к тому, что Суворов чувствовал себя участником какой-то чужой, не своей "игры". Более того, он чувствовал себя как бы "лишним чемоданом". Эти ощущения обострялись от поездки к поездке, причиняя Суворову острую душевную боль, порождая конфликты с членами делегаций.

В том, что поездки в Стокгольм и США состоялись - заслуга вице-президента Академии Наук СССР Евгения Павловича Велихова. По инициативе Е.П. Велихова состоялась и третья поездка в США, где Суворову 19 мая 1991 года присвоили степень Почетного Международного Доктора Гуманитарных Наук Саскуаханского Университета (штат Пенсильвания), - в знак признания, как было сформулировано в дипломе, всего жизненного подвига Суворова.

В начале августа 1993 года Суворов ездил и на европейскую Конференцию Слепоглухих в Потсдам (ФРГ). Туда он написал доклад "Проблемы интеграции слепоглухих", а фактически прочитал и позже написал и выслал другой - "Что такое "сверхинтеграция"". Оба доклада были опубликованы в материалах конференции, а так же в отечественной периодической печати (газета "Первое сентября", журналы "Голос" и "Время колокольчиков").

Однако, как уже говорилось, начиная со Стокгольма, переводом Суворов обеспечивался "по остаточному принципу". активно участвовать в работе не мог, с чем было связано чувство неудовлетворенности, ощущение себя в качестве лишнего "багажного места". Не зная английского языка, не будучи в состоянии сколько-нибудь активно, без полноценного перевода, участвовать в международном движении слепоглухих, Суворов от этой деятельности после Потсдама отошел.

В начале 1996 года Суворов получил приглашение на такую же конференцию слепоглухих, как и потсдамская, которая должна состояться в июле 1997 в Испании. На этот раз предусмотрен специальный сопровождающий-переводчик - Татьяна Шерстюк. Но состоится ли поездка, неизвестно. Все упирается в финан-

сирование, и не только поездки самого Суворова, но и специалистов института коррекционной педагогики, работающих со слепоглухими детьми в России. Участие в конференции одного Суворова было бы неэффективно; специалисты тоже получили приглашения, они участвовали в потсдамской конференции. Словом, возможна вторая поездка в Мадрид, новая встреча с Даниэлем Альваресом, но удастся ли эту возможность реализовать?..

31 мая 1994 года Суворов защитил кандидатскую диссертацию по теме "Саморазвитие Личности в Экстремальной Ситуации слепоглухоты". В подготовке и организации защиты Суворову помогла Лаборатория Психологии Общения, Развития и Социореабилитации Личности (заведующий - Действительный Член Российской Академии Образования, Действительный Член Международной Психологической Академии Алексей Александрович Бодалев). В период подготовки к защите Суворову деятельно помогали Доктор Психологических наук Вилен Эммануилович Чудновский (консультант, и на защите - неофициальный оппонент), Доктор Психологических Наук Юлия Борисовна Некрасова (на защите - главный официальный оппонент), Кандидат философских Наук, психотерапевт, ученица Ю.Б. Некрасовой, - Наталья Львовна Карпова. Со всеми этими людьми Суворов и связал свою дальнейшую научную судьбу, перейдя осенью 1994 года в лабораторию А.А. Бодалева, обретя в ней наконец настоящий, очень сплоченный, одержимый работой научный коллектив.

В настоящее время Суворов - Научный Сотрудник Психологического Института Российской Академии Образования, Почетный Международный Доктор Гуманитарных Наук Саскуаханского Университета (Штат Пенсильвания, США), Доктор Психологических Наук (защита состоялась 21 мая 1996, тема диссертации - "Человечность как фактор саморазвития личности"; степень и новая должность в институте оформляется). В подготовке второй защиты, кроме перечисленных выше людей, благодаря которым состоялась кандидатская защита, Суворову деятельно помогали доктор философских наук Виктор Тимофеевич Ганжин, а также Ирина Владимировна Саломатина - научный сотрудник Института Коррекционной Педагогики РАО, член Строительно-Педагогического Объединения "Радуга", не раз выручавшего Суворова в критические моменты его жизни. И.В. Саломатина - научный сотрудник Института коррекционной педагогики РАО, именно она пытается реализовать поездку на конференцию в Испании. Она же нашла Суворову для этой поездки и специального сопровождающего-переводчика.

Работой Суворов загружен до предела, очень этим счастлив, так как чувствует себя по-настоящему нужным.

(Текст написан самим Суворовым.)

13 июня 1996

**ДОКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
А.В. СУВОРОВ**

СЛЕПОГЛУХОЙ В МИРЕ ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИХ

=====

ОТ АВТОРА

=====

Предлагаемая книга представляет собой часть большого исследования "Проблемы Конкретной Человечности". Для издания в "Логосе" отобраны три раздела, особо насыщенные практическими соображениями, как инвалиду жить в "большом мире" в окружении самых разных людей, и больных, и здоровых, и инвалидов, и не-инвалидов, - а не в какой-либо специальной, искусственно созданной среде.

Книга открывается монтажными листами фильма "Прикосновение", транслировавшегося по Центральному Телевидению СССР в 1988 - 1989 годах. Текст фонограммы фильма сохранен без изменения. Из содержания кадров по возможности удалены все чисто технические термины, адресованные оператору, снимавшему фильм. Непосредственно в текст монтажных листов вмонтированы позднейшие комментарии главного героя фильма, дающие дополнительную информацию, поясняющие прямую речь в фонограмме фильма. Автор считает, что выносить комментарии в конец фильма нецелесообразно, - читателю пришлось бы листать книгу, отыскивая пояснения, а так они сразу к его услугам. Комментарии отделены от текста фильма длинными чертами перед и после комментария: перед комментарием черта начинается с начала строки, а после комментария сдвинута к концу строки. Так будет удобнее читать. К тому же, по существу, сам фильм и комментарии к нему составляют одно целое.

"Прикосновение" - это своеобразное введение в проблематику книги, очень эмоциональное. Автор надеется, что, читая "Прикосновение", читатель не только сориентируется в основной тематике книги, но и настроится на нее психологически. К "Прикосновению" приложено письмо духовного отца автора - известного мыслителя Эвальда Васильевича Ильенкова. В этом письме речь идет о том, есть ли в жизни и психологии инвалида какие-то принципиальные особенности, делающие его совершенно другим существом по сравнению с не-инвалидами, - а так же о том, каким уровнем самосознания должен обладать каждый человек, и особенно инвалид, чтобы выдержать напряжение противоречий нашей очень нелегкой жизни.

Второй раздел, по которому и названа книга, - "Слепoglухой в Мире Зрячеслышащих". Здесь описывается опыт автора по выживанию среди зрячеслышащих, особенно среди совершенно незнакомых, в первый и последний раз встреченных людей, с которыми автор случайно сталкивался на улице, в транспорте, в разного рода общественных местах. Автор пытается ответить на вопрос, как, при всей обусловленной инвалидностью (слепоглухотой) неизбежной зависимости, можно тем не менее жить самостоятельно. Для этого прежде всего нужно научиться верить, доверяться людям, буквально первому встречному, уметь вступать с ним в общение и организовывать себе его помощь, без которой все равно не обойтись. Просьбы о помощи должны быть легко выполнимыми, не обременительными для окружающих. Помощники поэтому сменяются: один, например, помог дойти до остановки; другой помог сесть на нужный автобус; третий помог выйти на нужной остановке; четвертый помог дойти до места, если вы сами дорогу не знаете, а если знаете, но на пути крупная транспортная магистраль, - помог эту магистраль перейти. Такой сознательный переход из рук в руки, такую смену помощников, совершенно случайных, попавшихся по дороге, автор назвал "Конвейером доброты". Автор рассказывает, как он сам для себя организовывал такой "конвейер", какие при этом возникали сложности, как они преодолевались. Анализируются проблемы психологии первого встречного, впервые в жизни встретившегося на улице со слепоглухим, которому, в пред-

тавлении этого первого встречного, положено бы сидеть дома и не высовываться без родственников и друзей. Каждый инвалид сам должен налаживать, организовывать свой "конвейер доброты", исходя из своих трудностей, но никакой "конвейер доброты" невозможен, если бояться людей, не доверять им, в каждом заранее видеть бандита и грабителя. А что греха таить, очень многие инвалиды именно так и воспринимают первых встречных, и их ближайшие родственники и знакомые такую установку всячески поддерживают. Автор пытается разобраться, в каких случаях можно доверяться практически любому человеку, а в каких нет. Все описанные приемы организации "конвейера доброты" - ни в коем случае не истина в последней инстанции, у каждого могут быть свои, но автор надеется, что, познакомившись с его опытом, читатель-инвалид сможет разработать свою конструкцию "конвейера доброты", избежав многих ошибок, разочарований, сложностей, неизбежных, если все делать от начала до конца самому, не опираясь ни на чей опыт. Автор писал не руководство, а только исповедь, делился личным, накопленным за десятилетия, опытом, и очень надеется, что этот опыт хоть немного облегчит жизнь другим. Многие из этого опыта можно бы использовать и в разного рода спецшколах для детей-инвалидов, в реабилитационных центрах для взрослых. Материалы этого раздела могли бы помочь в разработке методик реабилитационной работы с инвалидами, как детьми, так и взрослыми.

В третьем разделе книги - ""Культура слепоглухих" и общечеловеческая культура" - специально обсуждается, настолько ли инвалиды, особенно слепоглухие, отличаются от здоровых, чтобы ставить вопрос о создании (или возникновении) какой-то особой инвалидной "культуры", принципиально отличающейся от общечеловеческой. Это - заочный диалог с президентом Американской Ассоциации Слепоглухих Родериком Макдональдом, как раз стоящим на позициях, что у слепоглухих, как и у других инвалидов, возникает своя культура. Работа о "двух культурах" представляет собой проблемный обзор очень широкого диапазона, от психологической допустимости осознательного контакта до овладения различными языками и алфавитными средствами общения, от развлечений инвалидов до их уровня духовности и материальной обеспеченности. Диапазон этот предложен самим заочным оппонентом автора, работой которого ("Слепоглухота: возникающая культура") автор пользуется как своеобразной анкетой, чтобы самому высказаться по всем перечисленным в той работе вопросам. Автор очень постарался уйти от полемики, от какого бы то ни было неуважительного тона, во многом со своим оппонентом соглашается, а если нет, то старается доброжелательно и аргументированно изложить свое. Каждый может согласиться с любым из нас или с обоими вместе, поскольку мы во многом единомышленники. Во многом, но в главном радикально расходимся: автор считает, что никакой инвалидной культуры нет и она не нужна, а есть и нужна модификация общечеловеческой культуры применительно к ситуации инвалидности. Инвалиды - не какой-то особый "народ", а самые обычные люди, попавшие в необычно сложные, экстремальные условия существования, и эти условия диктуют некоторое видоизменение общечеловеческой культуры, цель которого - как раз приобщиться к этой общечеловеческой культуре с наибольшей возможной полнотой, а ни в коем случае не заменить ее какой-то особой "малой культурой". Автор принципиально стоит на позициях самой широкой интеграции инвалидов в остальном человечестве, и прежде всего духовной интеграции, и поэтому против всего, что хоть в малейшей степени воздвигает какие бы то ни было барьеры между инвалидами и остальными людьми. В то же время автор категорически против игнорирования самого факта инвалидности, против того, чтобы "делать вид", будто инвалидности нет, будто инвалид - не инвалид, будто ему

не труднее во многом, чем более здоровым людям. Любую инвалидность надо изучать, раз уж она есть, но с тем, чтобы вопреки инвалидности прорваться к людям, найти лазейки, которые помогли бы устранить социальные и психологические последствия инвалидности в максимально возможной мере. Я инвалид, это факт, с этим фактом приходится считаться и мне и окружающим меня людям, приходится его учитывать, и в том числе приходится заменять недоступные мне из-за инвалидности способы приобщения к общечеловеческой культуре какими-то другими, доступными. Но речь идет именно о создании как можно более эффективных способов приобщения к общечеловеческой культуре, о поиске доступных инвалиду путей к человеческой полноценности, а не о замыкании в каком-то особом мирке, не об отгораживании от человечества какой-то особой инвалидной культурой.

Когда в США я пытался доходчивее объяснить свою позицию, я прибегал к такому сравнению: плывет огромный корабль, на нем все человечество, но некоторые пассажиры оказываются по тем или иным причинам за бортом. И вот, что лучше - постараться их всех выловить и вернуть на борт так или иначе, или поместить в отдельную шлюпку, которую и буксировать? Корабль - общечеловеческая культура, а шлюпка - особая инвалидная, - слепая, глухая, слепоглухая, безногая, безрукая... Где вам лучше, дорогой читатель, - на корабле или в шлюпке? Выбирайте. Дело хозяйское. А я для себя давным-давно выбрал: мне лучше на корабле. Я всю жизнь карабкался на этот корабль, уж как мог, и мне всю жизнь в этом помогали. Надеюсь, можно сказать - вскарабкался, и постараюсь опять за бортом не очутиться. В шлюпке тесно и скучно. В большой компании веселей.

Желаю вскарабкаться и вам! А тем не-инвалидам, которые помогают нам карабкаться на большой корабль, желаю всяческой удачи, низко кланяюсь им за их самоотверженность, и надеюсь, что моя скромная книжка в их нелегком труде спасателей хоть немножко поможет.

В заключение хочу воспользоваться случаем, чтобы сердечно поблагодарить всех, кто так или иначе способствовал рождению этой книги. И прежде всего назову Ирину Владимировну Саломатину, члена Строительно-педагогического объединения "Радуга", научного сотрудника Института коррекционной педагогики Российской академии образования. Ирина Владимировна организовала ввод моей книги в компьютер, когда я еще не умел обращаться с компьютерной техникой, приспособленной для слепых, так как не имел возможности регулярно ездить в Республиканский центр компьютерных технологий. Наличие книги на дискете сделало возможным сдать ее в таком виде в издательство, а затем, когда я начал овладевать специально приспособленным компьютером, - произвести авторскую правку текста.

Очень благодарен я и всему коллективу Республиканского центра компьютерных технологий во главе с Генеральным директором Сергеем Николаевичем Ваньшиным. Благодаря всегдашней готовности сотрудников Центра пойти навстречу, оказать любую посильную помощь, я не только смог выправить и эту книгу, и всю рукопись "Проблем конкретной человечности", но и в кратчайшие сроки написать (от начала до конца на компьютере) докторскую диссертацию.

Александр Суворов.

17 июня 1996

**А.Арлаускас
А.Суворов
ПРИКОСНОВЕНИЕ**

=====
(МОНТАЖНЫЕ ЛИСТЫ ФИЛЬМА)
=====

Фильм "Прикосновение", вышедший на экраны Центрального телевидения СССР в 1988 году, был замечен зрителем. Он производил огромное впечатление своим зрительным рядом. Однако ради усиления художественного воздействия фильма режиссер Альгис Арлаускас не хотел, чтобы я читал свой текст. Речь моя должна была звучать естественно, как обычно; при начитке фонограммы я должен был импровизировать более или менее близко к тексту. Мне запретили при записи фонограмм пользоваться слуховым аппаратом, который давал хоть и слабый, но все же фон. Это сильно затруднило мой речевой самоконтроль. В итоге на непривычное мне ухо моя фонограмма оказалась малопривлекательной. Как говорила мне одна зрительница, приходилось выбирать: либо смотреть, либо вслушиваться. Это в кинотеатре. А по телевизору моя речь оказалась практически совсем неразборчивой.

Поэтому меня неоднократно просили опубликовать сценарий фильма. Были так же предложения всю мою речь вывести в титры. Ну, титры зависят не от меня, а монтажные листы фильма я решил попробовать опубликовать с необходимым уже моим комментарием к ним.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Содержание кадра. Очень крупно - полевые цветы, трава, гроздь ярко-красных ягод. По первому плану из-под камеры появляется маленькая детская ручонка. Она пытается сбить ягоду; потом срывает одну из них. Камера передвигается влево и...

Бежит сквозь траву; в кадре - мелькание стеблей и цветов. Камера как бы падает в траву и поворачивается к небу. Синева в обрамлении цветов и стеблей. Картинка становится черно-белой. Титр (красный на черном фоне):

ПРИКОСНОВЕНИЕ

На фоне черноты появляется мужская ладонь. Она достает фотографию номер один. На ней - упитанный, смеющийся малыш.

Саша (мужской голос за кадром): Я потерял зрение в три года. Я не знаю, какой облик у меня теперь, - тогда я был такой. Здесь мне полтора года, и я зрячий.

Содержание кадра. Достает вторую фотографию. На ней - семья.

Голос за кадром. На этой фотографии должны быть мои папа, мама, сестра Оля и я. Тут мне около трех. Зрение тогда резко ухудшилось.

Содержание кадра. Достает третью... На ней мальчик десяти лет. С двумя взрослыми женщинами.

Голос за кадром. А врачи сказали, что через несколько лет я потеряю и слух. Так оно и случилось.

Содержание кадра. Ничего, кроме черноты, в кадре не видно.

Голос за кадром. Да, было время, когда я видел много, да ничего в упор не замечал, а когда научился замечать - мне

уже были доступны лишь черно-белые силуэты, общие контуры или просто бесформенные пятна, в которых ничего не понять, и поэтому, при желании, можно разглядеть что угодно...

Содержание кадра. Яркая зелень, подсвеченная закатным солнцем. Затем перед нами - просторная комната, в ней - шкаф с горкой арбузов наверху, несколько застеленных железных кроватей. Репродуктор на стене.

Голос за кадром. На слух я успел осознать и заметить несравнимо больше... Голос мамы... (Слышен женский голос, который перекрывается духовым оркестром, затем радиорепортажем из репродуктора. Эти звуки перемешиваются, затихают.)

Содержание кадра. Камера делает полную круговую панораму по комнате, а в конце ее наезжает на белизну неба в окне, из которой вдруг выныривает...

Голос за кадром. При утрате слуха мне трудно стало разбираться в этой какофонии. Полнозвучие слилось, потом появился непрерывный не то гул, не то вой, проникавший в мои уши через окна спальни в школе слепых. Скорее всего, никакого гула-воя на самом деле не было, но чудилось мне после полных нелепыми обидами школьных дней, что за окнами спальни караулит меня, издавая жуткий вой, собственной персоной смерть...

Содержание кадра. Летящий прямо на нас шкаф. Он скрипит на лету и размахивает дверцами. Затем возникает изображение мальчика. Невидящие глаза, блуждающая улыбка - он в состоянии протрации.

Голос за кадром. Я, действительно, был на грани гибели, если не физической, то, во всяком случае, - духовной.

Содержание кадра. Снова в кадре полная темнота.

Голос за кадром. Этого мальчика зовут Алеша Живагин.

Содержание кадра. Мы снова видим Алешу. На сей раз в игровой комнате. На столе перед ним разложены мелкие игрушки, он их внимательно ощупывает, улыбаясь своим мыслям.

Голос за кадром. До болезни он, как и я, развивался нормально. Затем произошла эта катастрофа, которая сказалась сначала на слухе, потом на зрении. Отслойка сетчатки и в результате - полная слепота. Он несколько лет пробыл в этом тяжелейшем состоянии, и произошла полная деградация психики, распад. То, чему он успел научиться до болезни, отпало за невозможностью использовать.

Содержание кадра. Снова Алеша, только чуть крупнее и с другой точки. Мы видим обыкновенную танцплощадку. Вечер, горят огни, идут танцы, камера продирается сквозь толпу, находит брейкера.

Голос за кадром. Бывает, особенно в молодежной аудитории, задают вопрос: а не гуманнее ли вообще не выводить таких, как Алеша, из состояния полуживотного-полурастения? Те, кто попросит, предлагают отбраковывать слепоглухонемых еще в раннем детстве, вообще не выдавать из роддомов, как будто и не было...

Содержание кадра. Мы видим, вдруг, руки, которые выполняют на конвейере какую-то незамысловатую комбинацию.

На экране снова брейкер, но чуть крупнее.

Голос за кадром. "Гуманисты" поизощренней говорят, что, если уж так вышло, что слепоглухонемой ребенок вырос, не лучше ли обучить его простейшему труду, чтобы не был на иждивении у государства, - и будет с него. Зачем высокий уровень духовного развития, - мышления, воображения, нравственного чувства?.. Ведь чем выше уровень самосознания, тем глубже понимание своего несчастья.

Содержание кадра. Снова попадаем в конвейерный цех телевизионного предприятия, на котором работают взрослые слепоглухонемые. Камера панорамирует по рукам, затем поднимается к лицу одного из слепоглухих рабочих.

Мы снова на танцплощадке. Здесь уже два Брейкера. Мы видим поочередно то одного, то другого.

Голос за кадром. Человек, испытав, своего рода, болевой шок, будет себя заживо оплакивать. Так не "гуманнее" ли оставить несчастного вообще без психики - за бортом общества?.. Он и знать не будет о своем несчастье. Нечем будет знать.

Упомянув о болевом шоке, я имел в виду, что в процессе духовного развития неизбежно наступает такой момент, когда ребенок-инвалид начинает все острее осознавать, чего он лишен болезнью. Попытки утешить его не только бесполезны, но и вредны, ибо утешения воспринимаются как нежелание понять всю глубину несчастья, и инвалид только сильнее "заикливается" на своем горе, упорно пытаясь объяснить его окружающим. Умнее, пожалуй, безоговорочно признать все его проблемы с тем, чтобы сразу же начать совместный поиск их решения.

Содержание кадра. Мы видим танцплощадку с крыши соседнего здания. Идут танцы.

Голос за кадром. Но если довести эту логику до конца, то вот что получится: так как боль свойственна только живым существам, то не лучше ли уничтожить жизнь вообще? И тогда величайшими "гуманистами" всех времен и народов придется признать поджигателей атомной войны...

Содержание кадра. Мы видим кусок пола рядом со шкафом. Развевается уголок оконной занавески. Вдруг порыв ветра поднимает ее, начинает сыпаться штукатурка, за кадром слышен грохот ядерного взрыва. Затем прямо по центру кадра падает арбуз и разлетается на мелкие кусочки.

Стена с могильными плитами на кладбище. Камера начинает панорамировать по надгробиям и памятникам. В конце панорамы в кадре появляется памятник Э.В.Ильенкову, его ощупывает мужская ладонь, в кадр входит плечо, затем корпус мужчины, который присаживается у надгробия.

Голос за кадром. Когда-то я тоже испытал болевой шок, и всерьез задумывался о самоубийстве. Я написал об этом Эвальду Васильевичу Ильенкову, - по существу, своему духовному отцу. И вот что он мне ответил: "Дорогой ты мой человек, по существу ведь речь идет о том, зачем человечество вообще вышло из животного состояния... Тяжкая оно, сознание, вещь, когда мир не устроен по-человечески, а ты знаешь, как он может быть устроен. Нельзя ни в коем случае поддаваться минутам отчаяния. Я прожил пятьдесят лет и знаю: они все же проходят, эти минуты, и даже думать о "выходе" из игры не нужно. Надо бороться. Пока есть капля силы... (Эхо) пока есть капля силы... Капля силы... Капля силы..."

Содержание кадра. Ладони ощупывают накладную металлическую надпись: "Эвальд Васильевич..."

Естественно, полный текст письма Эвальда Васильевича включить в фильм было невозможно. Ради художественной выразительности (эхом - "капля силы") текст сознательно немного изменен. В письме так: "Пока есть капля силы, надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человечным". Полностью письмо Э.В.Ильенкова ко мне приложено к тексту фильма ниже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Содержание кадра. Вечер. Крупно - листва после дождя. С нее падают капли. Панорама влево, и открывается большое озеро. Облокотившись на парапет набережной, стоит спиной к нам мужчина. Камера панорамирует вправо, и мы видим рядом с озером парк отдыха. Горят веселые огни, гуляют нарядно одетые люди. Они проходят мимо скамеек, на которых тоже сидят отдыхающие, болтая о чем-то.

Саша (голос за кадром).

Моя мечта проста и недоступна,
Как огонек вдали за Иссык-кулем,
Что виден за полсотни километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.
Моя мечта - уйти куда угодно,
Хотя бы рядом, но без провожатых;
Сказать любому встречному два слова,
Без перевода выслушав ответ.
Иль посидеть у парковой дорожки,
Понаблюдать людей, по ней идущих.
Обрывки их бесед спокойно слушать,
И с кем-то самому заговорить.
Хочу людей глазами, не руками,
Увидеть ясно - до деталей мелких;
Хочу людской ушами, не руками,
Услышать даже самый тихий шопот...
Но нет, мечта простая недоступна,
Как огонек вдали за Иссык-кулем,
Что виден за полсотни километров,
А плыть к нему - ни лодки, ничего.

Содержание кадра. Продолжение панорамы уже по другой аллее парка. Камера завершает движение по кругу, и мы снова видим мужчину у парапета. На другом берегу озера мерцает огонек. Он медленно гаснет, а затем на его месте появляется далекий освещенный ярким солнцем выход из туннеля. Камера сквозь толпу медленно движется к выходу; при упоминании в закадровом монологе имен, - на фоне туннеля медленно проступают и затем расплываются фотографии перечисленных людей.

Голос за кадром. Благодаря Ильенкову, я родился второй раз... Но если он - большой ученый, мыслитель, - был на высшей ступени той великой помощи, что получил я от людей, - то на первой, и самой главной, была, конечно, моя мама... Вот уж кому и вправду было тяжело. Она сделала все возможное и невозможное, и я вовремя попал в Загорский специальный детский дом. Там познакомился с замечательными педагогами. Валентиной Сергеевной Гусевой... Альвином Валентиновичем Апраушевым... Это он научил меня печатать на зрячей машинке.

По поводу этого злополучного замечания о зрячей машинке мне пришлось выслушать немало назойливых насмешек. Мол, только этому и научил? Хорош наставник, и хорош ученик, которому больше нечего вспомнить!

Во-первых, в фильме не место было перечислять, чему научил меня кто бы то ни было. И, упоминая о зрячей машинке, я, естественно, ни в коем случае не претендовал на исчерпывающую характеристику роли Альвина Валентиновича Апраушева в моей жизни. Это должно быть понятно само собой, и то, что этого очевидного обстоятельства не хочет признать назойливый насмешник, я могу отнести лишь за счет его, насмешника, недоброжелательности лично к А.В.Апраушеву.

Во-вторых, научить вообще можно только навыкам. Нау-

читать, например, писать стихи - нельзя, ибо поэтическое творчество - не система навыков, сколь угодно сложная, а качество личности, вырабатываемое (формирующееся) в процессе общего развития. Поэтому я говорю, что стихотворчеству нельзя научить, но можно научиться самому (миф о врожденной талантливости, о том, что поэтами якобы рождаются, отвергаю категорически). Любой воспитатель может только способствовать становлению тех или иных качеств личности, ободряя воспитанника, всячески поддерживая его, создавая по возможности благоприятные условия и т.д.. Кстати, именно это все и делал А.В.Апраушев, когда я только начинал писать стихи, и еще мог перестать их писать в ответ на какую-нибудь бестактность. Так что за стихотворчество я тоже ему благодарен, но эту благодарность одной фразой, сопровождающей показ фотографии, не выразишь.

В-третьих, и навык печатания на зрячей машинке - не пустяк! Из всех моих навыков этот, пожалуй, важнейший. Ведь, в отличие от Н.А.Островского и О.И.Скороходовой, у меня не было возможности диктовать мои рукописи. С брайлевского черновика по-зрячему я должен был перепечатывать их сам. Только в 1995 году у меня появилась возможность работать на компьютере, оснащенный специальной приставкой для слепых, в Республиканском центре компьютерных технологий. Здесь я получил возможность, совершенно фантастическую, сколь угодно ответственно редактировать мои тексты (и данный текст редактирую в этом же центре), не тратя время на перепечатку по-зрячему, - для всякого рода распечаток существует зрячий принтер. Пользуюсь случаем, чтобы низко поклониться создателям этого центра за столь фантастические возможности полноценной литературной работы без зрения и слуха.

Позже я познакомился с Александром Ивановичем Мещеряковым. Все эти люди были моими старшими друзьями. Всю душу вкладывали. С их помощью, в 1971 году, я вместе с тремя своими товарищами, тоже из детдома, поступил на факультет психологии МГУ, и теперь работаю, как и двое других, младшим научным сотрудником в НИИ Общей и Педагогической Психологии АПН СССР.

В 1994 году я защитил кандидатскую диссертацию, а в 1996 - докторскую. Теперь у меня другая должность в том же институте, который после 1991 года называется Психологическим институтом Российской академии образования. Теперь (с октября, а фактически с января 1994) работаю в Группе психологии общения, развития и социореабилитации личности, которой руководит действительный член РАО и Международной психологической академии Алексей Александрович Бодалев. Без самоотверженной помощи всех сотрудников этой группы, особенно доктора психологических наук Вилена Эммануиловича Чудновского, я не смог бы защитить ни кандидатской, ни докторской диссертации. Перед всеми этими вюдьми, - кроме уже названных, еще перед доктором психологических наук Юлией Борисовной Некрасовой, доктором философских наук Виктором Тимофеевичем Ганжиным и кандидатом философских наук Натальей Львовной Карповой, - я в неоплатном долгу.

Содержание кадра. Камера выходит на ярко освещенную и шумную платформу "Лось" московской железной дороги. Прибывает электричка. Народ устремляется к ней. Камера входит в переполненные вагоны.

Голос за кадром. Каждую неделю из своего дома, что на Палехской улице в Москве, я, с помощью случайных встречных, отправляюсь в загорский интернат, где веду работу с детьми. Моя официальная научная тема - формирование воображения у

слепоглухонемых детей.

Содержание кадра. В огромном пустом вагоне сидит в глубине знакомый нам мужчина.

Голос за кадром. В пустой, а иногда - в переполненной электричке я еду в Загорск. Чувствуя присутствие других людей, ощущая по ритмичной вибрации поезда его движение, еду и думаю. Думаю о своих любимцах, о таких ребятах, как Алеша Живагин. Скольким еще людей, даже не успевших стать людьми, надо спасать от участи, которой, по счастью, удалось избежать мне.

Содержание кадра. Мы видим его со спины, сидящим у окна вагона. Скамейки рядом пусты, но тут (во второй экспозиции) на них появляются пассажиры. Их много, вагон, оказывается, переполнен. Слепоглухой пассажир сидит у окна, мы видим его чуть со спины.

Голос за кадром. Ведь Алеша слишком поздно поступил к нам. И хотя ему сейчас лет двенадцать, но по своему развитию он на уровне младшего дошкольного возраста. Он только недавно научился называть себя - "я". Раньше называл себя, как двухлетние детишки, - в третьем лице... "Алеша смеется!" - говорит он про себя. Он меня всегда ждет. И, когда я прихожу, первым делом просит поставить музыку. Два часа, три часа сидит себе у магнитофона.

Сейчас Алеша уже взрослый, но по-прежнему находится в Сергиев-Посадском реабилитационном центре, так как ему, да и очень многим другим выпускникам, негде устроиться на работу. Он хорошо лепит, работает в кустарно-промысловой мастерской при центре, где изготавливает берестяные игрушки. Речь у него развернутая, грамотная, фразовая, с ним можно свободно беседовать, и при наших встречах он донимает меня идеологической проблематикой, требуя немедленно, по примеру "всех", уверовать в бога.

Содержание кадра. Камера переносит нас в игровую комнату детского дома. Снова здесь Алеша Живагин. Камера чуть отъезжает, и в кадре появляется плечо и рука мужчины. Алеша вставляет свою ладонь в ладонь взрослого, и они вступают в контакт посредством дактилологии - пальцевой азбуки. Теперь мы их видим на фоне окна. И снова с предыдущей точки Алеша улыбается. Со второй точки видно, как взрослый потянулся куда-то за кадр... Его ладонь поискала и нашла на соседнем столе большие наушники. Мужчина надел наушники на голову мальчика.

Голос за кадром. Слышит он музыку, конечно, своеобразно... (Из наушников доносится смесь ритмичного шороха с очень высоким писком.)

Специалисты знают, что тугоухость - это не просто ослабленные, приглушенные звуки, во всем, кроме "громкости", такие же, как и при нормальном слухе. Увы, нет. Это еще резкое изменение частотного диапазона слышимых звуков. И опять - не просто сужение диапазона. Одни звуки слышны лучше, другие - хуже, третьи почти не слышны. Я, например, лучше слышу высокие звуки, хуже низкие и еще хуже средние, речевого частотного диапазона. Чаще же всего, наоборот, лучше сохраняется слышимость низких звуков и хуже - высоких.

Содержание кадра. Алеша, улыбаясь, закрыв глаза, слушает музыку.

Стоп-кадр. Улыбаясь и закрыв глаза, танцует брейкер.

Проносится мимо камеры поезд. Сидит среди людей слепоглухой.

Мы видим его на фоне окна. Видим группу пассажиров нап-

ротив него... В другой группе трое, сидящих рядом - мужчина, женщина, другой мужчина, - спят... У окна напротив клюет носом старуха с довольно злым лицом... Мы видим мальчика. Он уткнулся в ладонь папе, который тоже спит. Неподалеку полулежа на скамейке примостились братишка и сестренка... Сидит у окна слепоглухой...

Голос за кадром. Одни боятся трудностей и ответственности, а другие не могут не принять эту тяжесть на свои плечи. Есть, например, люди, готовые на все, лишь бы снять с себя ответственность и доказать, что вообще не нужно преодолевать задержку духовного развития. Они спекулируют на низком уровне самосознания наших ребят. Они говорят: те, кто требует от вас чего-то большего, кто разуверяет вас, что вы все знаете и все умеете, - те ваши враги. Получается, что враги слепоглухих - это все, кто мечтает о подлинной человеческой жизни наших ребят, о том, чтобы они были действительно людьми, действительно личностями, а не просто, как говорил Маркс, "частичными деталями частичной машины"... Я тоже оказался среди "врагов слепоглухих", чем очень горжусь.

Содержание кадра. Дает интервью одна из воспитательниц Загорского детского дома.

Женщина. Вот я как раз хочу об этом сказать... В этих детей очень много вложено. Очень много. А отдача? Нужно об этом прежде всего подумать. Потому что государство их не обидело и не обидит: прописка московская, звания, квартира. Зачем? Они же ничего государству дать не могут. Отдачи нет. Нулевая она! За исключением сироткина. И то, потому, что у него жена, сподвижница. Да! Вы посмотрите, какой вклад финансовый в этих четверых! Это для престижности - там есть Елена Келлер, а у нас четверо! Давайте вникнем по-хозяйски, по-государственному, по-человечески, по-разумному. Вот в мою бытность сорок - пятьдесят воспитанников в школе. Все разные, интеллект разный. Все идут по разным дорожкам, но все дают какую-то отдачу. А вот вы посмотрите, чем они живут? Это все надуманное! Какой вклад они могут дать в науку...(Звуковой наплыв ее же текста из следующего куска)...

Содержание кадра. Эта же женщина, на том же месте, с той же точки...

Женщина. Надо же пользу приносить. Не только кусок хлеба! Государство их не обидело и не обидит. Но я считаю, что пусть маленькое дело, маленькую специальность, но чтобы он морально чувствовал, что он делает, маленькое, но дело...(Снова звуковой наплыв)

Содержание кадра. Она на том же месте.

Женщина. Много ли таких домов, которым отпущено триста тысяч в год на пятьдесят воспитанников? Имеют ли возможность нормальные интеллектуальные дети, - вот ваши, другие дети, - имеют ли возможность так финансироваться? Нашему дому многое дано, и мы должны готовить людей, которые давали бы отдачу. Маленькую, но отдачу государству. (Звуковой наплыв).

В 1990 году детский дом переехал, и там сейчас больше сотни воспитанников. Строится вторая очередь, для взрослых, и будет двести. Цифры финансирования, конечно, доинфляционные. Сейчас у детдома много спонсоров, в том числе зарубежных, из германии особенно. Идет помощь. Финансовые возможности государства скудные, и без спонсорской помощи там бы голодали.

Сироткин Сергей Алексеевич - один из четырех слепоглухих выпускников МГУ. Остальные - Корнеева (по мужу теперь Крылатова) Наталья Николаевна, Лернер Юрий Михайлович и я - Суворов Александр Васильевич.

Содержание кадра. Она на том же месте.

Женщина. Да какая она наука?! Какая? Какая? Вот он пишет диссертацию. Кому?! Зачем?! Кто ее сможет применить, внедрить?! Кому от нее польза будет?.. (Звуковой наплыв).

Содержание кадра. Она же на том же месте.

Женщина. Да разве может человек с такими большими аномалиями быть полноценным?!

Ну и истерика! Это, пожалуй, гвоздь фильма. Уж эту-то речь поняли все, и это вполне компенсировало мое невнятное бормотание - "Женщина" сразу всех сагитировала в мою пользу.

Содержание кадра. Сидит в вагоне, на фоне бегущего за окном пейзажа, знакомый нам слепоглухой... Ходит по вагону с маленьким ребенком и протянутой рукой молоденькая, красивая цыганка...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Содержание кадра. Пожилые люди - по-видимому - муж и жена - неотрывно смотрят в окно электрички.

Голос за кадром. В большинстве случаев - это не сознательная идеология, а что-то вроде инстинкта, инстинкта сочувствия. Люди искренне не понимают: зачем на ребят наваливать новые и новые трудности, им без того тяжело в их-то положении. Пожалеть бы бедных, не предъявлять к ним слишком серьезных требований. Иначе говоря, - возможно и такое, - "из жалости" "освободить" от необходимости становиться и быть людьми. С этими можно спорить, этих можно убеждать. Но те, о ком я говорю с такой ненавистью, снимают с ребят всякую ответственность не из сочувствия к ним, а по следующим причинам: они хотят главенствовать сами, то есть они делают это из тщеславия, чтобы выглядеть в глазах слепоглухих и обществу благодетелями, спасателями слепоглухих; они хотят расколоть нас, наименее развитых отколоть от наиболее развитых, внести сумятицу. С тем, чтобы стать опять-таки первыми во всем нашем деле, пролезть наверх. Хотя небольшая, хоть в ограниченной области, зато власть. Стремление к власти. Одним словом, это типично фашистские методы, типично фашистские цели, типично фашистская демагогия. С ними я не примирим.

Содержание кадра. А в глубине вагона идет проверка билетов. Пожилой контролер отчитывает молодого безбилетника...

Закутанная в платок старушка с добрым, но очень грустным лицом...

К пожилому контролеру присоединилась женщина-контролер, они берут у подростков штраф.

Пожилой мужчина, вздохнув о чем-то тяжело, покачивает сокрушенно головой...

Снова мы видим стариков, мужа и жену, они по-прежнему смотрят в окно...

Мужчина читает газету, которая почти полностью скрывает его лицо...

Мы видим пробегающий за окном ландшафт. Вдруг проносится встречный поезд. Мелькают вагоны... Последний вагон застывает в стоп-кадре. На черном фоне появляются красные надписи:

1. Официальные лица, о которых идет речь, наотрез отказались участвовать в съемках. Вот их мнение:
2. "Это бред больного человека. Отвечать на него - значит предстать в смешном виде перед зрителями".
3. "Суворов рисует мрачную картину существования сле-

поглухонемых у нас в стране... Это будет черный, аполитичный фильм".

Мы видим ладонь мужчины, которая считывает с листа выпуклый брайлевский шрифт... Камера следит за рукой. В кадре появляется пишущая машинка, пальцы споро бегают по клавиатуре.

Голос за кадром. И тогда я решил работать с детьми, чтобы тем самым подложить под все это бомбу замедленного действия. Если мы не будем ограничиваться тем, что говорят о воображении психологи-экспериментаторы, или литературоведы, то мы поймем, что воображение - это не что иное, как чуткость к окружающей ситуации, чуткость вообще ко всему миру, и к себе самому, и к окружающим людям в первую очередь; основа нравственности, основа всего человеческого в человеке.

Содержание кадра. Мы видим общий план комнаты, где и работает этот человек...

Голос за кадром. Если так понимать воображение, то формировать его, воспитывать его, - значит закладывать фундамент личности вообще. Ведь легче всего оболванить дурака. Значит, задача в том, чтобы дураков было как можно меньше, чтобы оболванивать было некого, чтобы спекуляции, искусственно задерживающие развитие людей, были невозможны.

Содержание кадра. Камера, находясь посередине комнаты, медленно поворачивается на 90 градусов. Книжные полки, книги везде, даже в коридоре на полу...

Продолжив панораму, камера возвращает нас к мужчине, который печатает за столом.

Голос за кадром. Ведь задерживается духовное развитие не только наших ребят, а миллионов и миллиардов людей вообще.

Содержание кадра. Гудок поезда возвращает нас в вагон. На фоне окна профиль слепоглухого....

Мы видим общий план вокзала города Загорска.

Голос за кадром. ...Да, условий человеческой свободы очень много, и далеко не все они еще налицо. Боюсь, все совсем не так просто, как думали раньше: стоит освободить человека от голода, скажем, от необходимости бороться за хлеб насущный, - и все будет в порядке; стоит сократить ему рабочий день - и освободившееся время он начнет тратить на творчество.

Содержание кадра. Вот подходит московская электричка. Из нее высыпает народ. Люди идут по перрону в сторону камеры, которая установлена на лестнице. Поднимаются к ней, проходят мимо, мелкая в кадре, то открывая, то закрывая церквушку вдалеке...

Голос за кадром. Не тут-то было. Оказывается, этому еще надо научить, к этому человека еще надо подготовить. Он должен быть свободен от скуки, от безразличия, от душевной лени. И вот от этого освободить человека может только педагогика. Тут возможна только профилактика. Лечить эту болезнь, когда она уже развилась, в зрелом возрасте, по-моему, невозможно. В зрелом возрасте она как рак неизлечима.

Содержание кадра. Мы видим группу ребят. Они болтают о чем-то, смеются, мимо проезжает автобус, камера панорамирует за ним, открывая глубину улицы, по которой, щупая дорогу тросточкой, идет слепоглухой. К нему подходит девушка, помогает перейти на другую сторону...

Голос за кадром. Меня спрашивали: как я выхожу на улицу, хожу по Москве, в Загорск один езжу. Я могу подойти к любому человеку, попросить о чем угодно. Элементарная доброта. Мне очень многие люди помогают, есть друзья, есть помощники...

Содержание кадра. Камера движется мимо домов, автобусов, церквей...

Голос за кадром. Или взять хотя бы этот фильм - как бы он стал возможен? Я ведь ни одной кинокартины в жизни не видел, а взялся сценарий писать. Писал-то я, правда, всегда и много... Пробовал писать художественную прозу, стихи...

Содержание кадра. Мимо распахнутого окна старенького деревянного дома,

Голос Марии Тихоновны. Вот наш дом, там парк. Гуляния, танцы... А Саша пошел с отцом погулять в парк. Приходит такой грустный, спрашивает: "Мама, как же я буду жить? Меня никто не понимает и я никого не понимаю?!"

Содержание кадра. На этом плане мы видим весь дом целиком... Мы видим руки пожилой женщины, они теребят платочек. Камера панорамирует вверх, на лицо женщины.

Голос Марии Тихоновны. Я говорю дочке: "Идите, погуляйте еще". Ну вот, приходят они потом, я и говорю: "Пойдем, сынок, погуляем!" Пошли мы, он меня спрашивает: "Мама, ты счастливая?" Я говорю: "Да, сынок, я счастливая..." А он: "Даже имея такого сына, как я?" Я говорю: "Да!.." "Ну вот, - говорит, Послушай, "Горькое счастье": стихотворение написал". Я, конечно, его уже не помню сейчас. Лет девять ему тогда было... Он как раз глохнуть начал.

Странная ошибка маминой памяти. Стихотворение "Горькое счастье" написано в кризисном возрасте, в июле 1969, - мне было тогда шестнадцать. В восемь - девять лет я, правда, пытался уже писать стихи (возобновил в неполных четырнадцать, и с тех пор пишу), но ни о каких проблемах слепоглухоты в девять лет я задумываться не мог. Да и слышал еще прилично. Хотя уже переспрашивал все чаще.

Содержание кадра, Сначала вне фокуса мы видим размытые очертания улицы, потом фокус восстанавливается, мы видим слепоглохого, который входит в ворота загорского детского дома для слепоглохонемых детей, об этом свидетельствует табличка на здании. Он подходит к группе слепоглохонемых детей, которые, окружив педагога, стоят у входа в детдом, вступает с ними в общение. Камера огибает несколько раз разговаривающих тактильно детей и слепоглохого мужчину.

Голос за кадром. И сейчас, вспоминая тот наш давний разговор, и сам себя спрашиваю: а я счастлив? Сегодня, когда детдом переживает трудные времена, когда из-за интриг "юристов от педагогики" снят с должности директора детдома Альвин Валентинович Апраушев - прекрасный педагог, продолжатель дела Мещерякова и Ильенкова, когда детдом все больше превращается в обыкновенный приют, в детдом для инвалидов?.. Счастлив ли я? И все-таки - да. Несмотря на всю кутерьму, на все интриги... Я нужен. Ждут меня в детдоме...

...От чего бы я хотел освободиться и не могу? Такого немало, но если с точки зрения детей, то от паралича тоски. У меня такая острая, жгучая боль за детей, что я не могу свободно с ними общаться, держусь очень скованно, не могу с ними играть, не могу быть с ними веселым. Слишком сильно люблю? Нет, "слишком" любить нельзя. Слишком за них тревожусь. Вот от этой излишней тревожности я бы хотел освободиться. Но мне трудно. Я боюсь за их будущее. Мне страшно за них. И я ни на секунду не могу об этом забыть.

Титры:

Автор сценария - Александр Суворов
при участии Альгиса Арлаускаса.

Режиссер - А. Арлаускас;

Оператор - И. Коновалов;

монтажер - В.Чумак;

асс. оператора - А. Колмогоров;

звукооператор - А. Славин;

директор - А. Синева.

Содержание кадра. Возникает черно-белое изображение неба в обрамлении цветов, на наших глазах небо обретает синеву, цветы становятся красными, зелень - зеленой... Картина высветляется.

За кадром звучит, нарастая синхронно с превращением черно-белого изображения в цветное, хорал И.С.Баха.

Фильм снимался в 1986 году. А.В.Апрашев только что был снят с поста директора детдома и "исполнял обязанности" завуча. Окончательно его "ушли" в начале сентября 1988.

Резкая общая характеристика детдома, как приюта, не вполне, пожалуй, оправдалась, хотя и полностью отречься от нее не могу. Детей учат. В целом внимания к ним больше, чем во время создания фильма. Тогда, уж точно, педагоги больше были озабочены выяснением своих отношений, чем детьми. Сейчас взрослые дразги, без которых - в эпоху тотального дефицита элементарных жизненных благ, - женскому коллективу полностью не обойтись, - эти взрослые дразги на детей, сколько могу судить, не отражаются. Детдом наконец-то получил право выдачи своим выпускникам свидетельства о неполном среднем образовании. Раньше никаких документов об образовании детдом, как учреждение для глубоких инвалидов, не имел права вручать. Этой победой мы обязаны усилиям новой администрации Сергиев-Посадского Реабилитационного Центра - директору Александру Александровичу Федорову и завучу Галине Константиновне Епифановой. Впрочем, от проблем образования я давно далек. Я полностью поглощен проблемами совместной педагогики, то есть организацией содержательного общения слепоглухих детей со зрячельшащими (и вообще детей-инвалидов со здоровыми). В 1990 году возникло совместно-педагогическое движение, тогда еще в СССР, а чуть позже - в Российской Федерации, - Детский Орден Милосердия. Официально ДОМ существует как программа Центрального Совета Союза Пионерских Организаций - Федерации Детских Организаций (СПО - ФДО, - наследницы Всесоюзной Пионерской Организации). Курирует эту программу Галина Владимировна Никанорова, которой я очень благодарен за то, что она находит место в этой работе и мне. Суть же совместно-педагогической работы предельно проста: какое бы образование дети-инвалиды ни получили, они должны жить среди здоровых людей. Интеграция в большом обществе - вот главное.

ПРИЛОЖЕНИЕ

=====

Э.В. ИЛЬЕНКОВ - А. СУВОРОВУ

=====

История этого письма такова.

К весне 1974 года, когда я был студентом третьего курса Факультета Психологии МГУ, у меня разразился второй душевный кризис, связанный со слепоглухотой. Осознавать свою слепоглухоту как нечто, многого меня лишаящее, я начал еще в шестнадцатилетнем возрасте. В 1974 году поводом для переживаний послужила недоступность целого ряда видов искусства (живописи, архитектуры, да и музыки, - сколько-нибудь приличного слухового аппарата у меня в то время не было). Особенно тосковал я по музыке, даже задумывался довольно серьезно о самоубийстве. Обострилась и другая проблема: кому и насколько можно верить, доверять? С одной стороны, нельзя не верить всем огулом, но с другой стороны, еще хуже и верить всем подряд, без всяких на то оснований. И я уже четко понимал,

что неправда бывает невольной: человек может быть сам сбит с толку, ну, и сбивает невольно с толку тебя. Я запутался до такой степени, что уже отчаялся когда-либо решить эту проблему, - в условиях глубокой инвалидности, что и говорить, особо острую. Знакомый с основными направлениями философской мысли, я с ужасом ощущал, что волей-неволей скатываюсь в агностицизм, то есть в принципиальное отрицание возможности что-либо знать, а следовательно, и кому-либо верить. Мне же хотелось быть никак не агностиком, не дешевым скептиком, но диалектиком. Я верил, что какое-то диалектическое решение проблемы, кому и насколько верить, на основании каких критериев, - существует, только мне пока неизвестно. Практически же дело шло о том, чтобы хоть сколько-нибудь уверенно различать, когда меня обманывают сознательно, а когда невольно вводят в заблуждение, так как сами заблуждаются. Понятно, что без решения этой проблемы трудно как-то ориентироваться в человеческих отношениях. Быть же доверчивым дурачком, как и "на всякий случай" недоверчивым обывателем, я ни в коем случае не хотел.

Я думал обратиться с этими проблемами к Александру Ивановичу Мещерякову, - тогдашнему руководителю всей советской работы со слепоглухонемыми детьми, главному организатору нашего обучения в МГУ. Но он тяжело болел, кочевал из больницы в больницу, и 30 октября 1974 года его жизнь должен был оборвать четвертый инфаркт. Я не решился его расстраивать своими переживаниями, и с летних каникул написал Эвальду Васильевичу Ильенкову, рассчитывая, что Эвальд Васильевич, если сочтет возможным, покажет мое письмо и своему ближайшему другу, Александру Ивановичу. Эвальд Васильевич немедленно мне ответил, и его письмо стало моей опорой в самые тяжелые минуты на всю жизнь. "Выходы", на которые Эвальд Васильевич намекает в начале письма, - либо агностицизм, либо самоубийство (второе я уж предпочитал первому, потому что заранее был согласен только на диалектическое решение своих проблем). Должен добавить, что обратился я со своими "недозволенными настроениями" как нельзя более по адресу; американцы в одном из своих научных журналов признали Ильенкова единственным в мире человеком, точно знающим, что такое диалектика, - и эта вполне заслуженная "буржуйская" похвала едва не стоила Эвальду Васильевичу партийного билета и работы в Научно-Исследовательском Институте Философии Академии Наук СССР.

12 августа 1974

Дорогой Саша!

Получил твоё письмо, и оно заставило меня очень и очень задуматься. Имею в виду письмо про одиночество и "выходы". Дорогой ты мой человек, на проблемы, которые ты наставил, думаю, что сам Гегель не сумел бы дать окончательного и конкретного ответа. По существу ведь речь идет о том, зачем человечество вообще вышло из животного состояния и обрело себе такую хлопотную способность, как сознание. Зачем? Я искренне думаю, что на этот вопрос ("зачем?") ответа нет. У материалиста, разумеется, - Марксизм вообще, как верно говорил Ленин, прочно стоит на почве вопроса "Почему?", и на этот вопрос можно питать надежду найти ответ.

Зачем существует солнце? Зачем существует жизнь? Любой ответ на эти вопросы будет относиться к области фантазии, плохой или хорошей поэзии. Таких ответов навывдумывано миллион, - иногда остроумных, иногда поповски-тупых. И пессимистических, и казенно-оптимистических.

Единственное, на чем может тут сойтись материалист с идеалистом, или фантазером, так это то, что сознание - как

факт - величайшее из чудес мироздания (только, пожалуй, кибернетики считают, что им раз плюнуть, чтобы его объяснить).

Ты верно и остро понял, что проблемы, в которые ты уперся, абсолютно ничего специфического для слепоглохого не составляют. Не буду лицемерить и говорить, что зрение и слух - вообще маловажные вещи, что в силу известной диалектической истины - "Нет худа без добра" - ты в свои двадцать один год уже дорос до такого сознания, которым дай бы бог обладать миллионам зрячеслышащих. Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух. Я понимаю, что слепоглохота не создает ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего. И поэтому ты в свои двадцать лет осознал и выразил их острее, чем большинство зрячеслышащих с высшим образованием, - так остро, как очень немногим удалось их осознать. Поверь мне, это вовсе не льстивый комплимент, продиктованный желанием как-то скрасить твои мучительные размышления и настроения.

Сознание - это не только чудо из чудес, - это и крест, - гораздо больше мыслителей (и не только мыслителей). Всерьез полагают, что без этого "проклятого" дара божьего человек был бы счастливее, и что вся боль мира существует, собственно, только в сознании. Недаром ведь, когда вырезают хотя бы аппендикс, стараются на это время сознание погасить. В той же книге, где сказано, что человек не единым хлебом жив, сказано так же: "Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь..." (это из библии, из главы "Экклезиаст" - то есть, по-русски, "проповедник"). С этими же идеями связана и старинная сентенция, что на самоубийство способен только человек (о скорпионах это давно разоблаченная сказка). Не удивляйся, что я тебе цитирую библию, - это ведь вовсе не поповская книга, каковою ее сделали попы. Это величайшее поэтическое произведение, равное "Илиаде" и "Эдде", - и "Экклезиаст" (как звали его на самом деле, никто уже, наверное, не узнает) был очень большим поэтом. Это ему принадлежит определение мира и жизни как "суеты сует и всяческой суеты". Пожалуй, это самый большой пессимист из всех поэтов. Но и очень неслепой. Знаешь ли ты, что его слова: "Кто копает яму, тот упадет в нее", и: "Кто разрушает ограду, того ужалит змей"?.. И еще сотни афоризмов, вошедших во все языки и культуры мира? - Вот еще образчик (думаю, что и не подозревал, что это - все тот же "Экклезиаст"): "Лучше слушать обличения мудрого, чем слушать песни глупых", и: "Не будь поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых", "Ибо как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов".

Прости, я рискую перепечатать всю поэму.

Саша, я это все к тому, что сознание - это не только чудо и крест, а и тончайший предмет в мироздании, - тончайший, и поэтому его могут сгубить вещи, которых другой предмет и не почувствует. И не от "силы воли", как говорили некоторые негодяи, "мыслители", а только от того, что не хватало ума и мужества, некоторые человеки "укокошивали себя". Сознание, или "дух", как его называли и называют, есть - Гегель - "способность выносить напряжение противоречия". Собственно, это просто другая дефиниция сознания.

Тяжкое оно, сознание, вещь, когда мир не устроен по-человечески, а ты знаешь, как он может быть устроен. А тебя не слушают, над тобой даже смеются, обзывают "утопистом". Нелзя ни в коем случае поддаваться минутам отчаяния. Я прожил пятьдесят лет и знаю: они все же проходят, эти минуты, и даже думать о "выходе" из игры не нужно. Пока есть капля силы, надо бороться. За то, что ты считаешь мудрым и человеческим.

Опять тот же "Экклезиаст": "Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать". Твердо знаю, что настанет и твое время плясать, даже если и настало твое время плакать. Пройдет.

"У мудрого глаза его - в голове его, а глупый ходит во тьме." И это "Экклезиаст", который не был знаком с проблемой слепоглухоты, а как поэт понял, - согласись, - суть дела умнее, чем Матушка Зима...

Кличка одного из бюрократов, противостоявших А.И. Мещерякову и Э.В. Ильенкову в их борьбе за новое, более крупное, реабилитационное учреждение для слепоглухонемых (которое между собой мы привыкли называть словом "Комплекс"; в настоящее время первая очередь комплекса наконец-то сдана в эксплуатацию, строится вторая). Бюрократы рассуждали о выгоде-невыгоде "возни" со слепоглухонемыми, и ученые вынуждены были им доказывать, что сия "возня" очень даже "выгодна" хотя бы с точки зрения научного эксперимента, делающего философию экспериментальной наукой.

Если бы ты был действительно один - одинок, - я не имел бы права советовать тебе мужество сознания. Ты не один, славный и мудрый мой друг. Приедешь - будем говорить с тобой долго и всерьез.

Твой Э.В.

СЛЕПОГЛУХОЙ В МИРЕ ЗРЯЧЕСЛЫШАЩИХ

=====

В Загорском Детском Доме для слепоглухонемых детей в 1984 году начали преподавать новый учебный предмет - СБО (Социально-Бытовую Ориентацию). Татьяна Александровна Басилова, сотрудница НИИ Дефектологии АПН СССР, попросила меня описать мой опыт жизни среди зрячеслышащих, чтобы тем самым помочь разработке учебной программы по СБО.

Я согласился с энтузиазмом, но очень не сразу нашел время на эту работу, значение которой выходит, конечно, далеко за чисто учебные рамки. Выбор-то у слепоглухих невелик: либо сиди на шее у родственников, либо сиди на шее у государства (в разного рода Психоневрологических Интернатах, где, случалось, наши выпускники пухли и мерли с голоду), либо, наконец, интегрируйся в большом мире, учишься находить общий язык со зрячеслышащими, самостоятельно организовывать себе их, всегда необходимую, помощь, да и самому помогать. Проблемы слепоглухого в зрячеслышащем окружении меня давно волнуют и не могут не волновать, - я ведь сам и есть один из слепоглухих, живущих среди зрячеслышащих. Я все равно что-нибудь написал бы по этой почти не разработанной проблематике. Так что СБО - только лишний повод, чтобы внести посильный вклад в разработку названных проблем.

* * *

Жизнь взрослого слепоглухого среди зрячеслышащих порождает множество проблем, но из них одна - главная, центральная, решить которую - значит получить возможность более или менее успешно решить и все остальные. Без решения же этой центральной проблемы все остальные неразрешимы. Речь идет о проблеме взаимоотношений между слепоглухим и окружающими его людьми, то есть, по существу, о тех или иных конкретных принципах и средствах общения между ними.

Эту проблему ставит фундаментальный по своему значению

факт, который надо постоянно иметь в виду, - из которого, как из аксиомы, надо исходить в исследовании любых связанных со слепоглухотой проблем, - тот факт, что мир, в котором вынужден жить слепоглухой - это мир зрячеслышащих, а не его. Мир этот устроен зрячеслышащими в расчете на зрение и слух, а не на осязание. Все национальные языки - звуковые; одно из важнейших искусств - музыка - требует физической возможности слышать и умения слушать. Письменность, живопись, архитектура, скульптура, всевозможные шкалы в разнообразнейших приборах, - все это и многое другое предполагает физическую возможность видеть и умение смотреть. А сколько рассчитанного сразу и на зрение, и на слух - вроде кино! Конечно, так как слепота и глухота по отдельности встречаются не очень, но часто, кое-что - и немало - сделано для полноценной жизни в мире зрячеслышащих людей с недостатком либо зрения, либо слуха, а значит, в порядке побочного эффекта, и людей с недостатком зрения и слуха вместе. Но все-таки полная самостоятельность не то что слепоглухих, - даже слепых и глухих, - в мире зрячеслышащих невозможна. Это не их мир: отчасти к ним подлажившийся, к ним доброжелательный, но все равно чужой. Всегда есть более или менее значительная сфера жизни, в которой слепой не может обойтись без помощи зрячего, а глухой - без помощи слышащего (и "говорящего", поскольку глухоту очень часто сопровождает немота). Сфера же, в которой слепоглухой не может обойтись без помощи зрячеслышащего, тем более велика.

Сфера зависимости у слепоглухих так велика, что, кажется, они обречены на пожизненную опеку зрячеслышащими, ибо никакая самостоятельность для них вообще невозможна. Ну, еще туда-сюда - в своем доме, во дворе, если двор есть. А на улицах, особенно с большим движением транспорта? А на самом этом транспорте? а в магазинах, а на почте? Между тем Социально-бытовая Ориентация предполагает умение сориентироваться именно на улице, именно на транспорте, именно в торговых и прочих учреждениях. Знаменателен сам факт появления на свет божий учебного предмета СБО. Это значит, что стала общепризнанной сама физическая возможность пусть ограниченной, но самостоятельности слепоглухих. Возможности, конечно, очень индивидуальны, и зависят они далеко не только от степени утраты зрения и слуха, да и зрячеслышащие, в том числе обучающие слепоглухих СБО, вообще склонны скорее недооценивать, чем переоценивать возможности самостоятельности в условиях слепоглухоты. Недооценка неизбежна, ибо ни один зрячеслышащий никогда, ни при каком сочувствии, ни при каком опыте общения, не сможет представить себя в положении слепоглухого, встать на его место. Чтобы недооценка не приводила к попыткам сверхзаботливых зрячеслышащих жить за слепоглухого, вместо него, надо понять самое главное, - то, от чего именно зависит возможность или невозможность для слепоглухого быть самостоятельным. Зависит же она в решающей степени вовсе не от величины остатков зрения и слуха, а от коммуникабельности, то есть от желания и умения общаться с самыми разными людьми, обращаться за помощью к самым разным людям, особенно к случайным встречным. Это - самый главный вывод, который я сделал за годы собственной жизни среди зрячеслышащих, с помощью зрячеслышащих. И еще один, тоже очень важный вывод: для того, чтобы быть самостоятельным на улице, в транспорте и общественных учреждениях, слепоглухому на самом деле нужна совсем небольшая, прямо-таки ничтожная помощь. Например, я не мог часто бывать в Лианозовском парке, недалеко от которого прожил восемь лет, только потому, что он находился на противоположной стороне улицы с большим движением, но без подземных переходов. А велика ли услуга - перевести через дорогу? Перевести, довести, посадить, выса-

дить, помочь купить - от зрячеслышащих в их, к зрению и слуху приспособленном, мире, такая помощь не требует ни особых усилий, ни особого времени. Чтобы жить без чрезвычайных затруднений, слепоглохому со стороны окружающих - буквально первых попавшихся, первых встречных, - нужна самая минимальная помощь. Но вот получить эту помощь иногда, и гораздо чаще, чем можно предполагать интуитивно, невероятно трудно. Ибо нет ничего труднее, чем втолковать первому встречному обывателю (то есть считающемуся нормальным человеком идиоту), что ты - слепоглохой, слепой и глухой одновременно, человек, нуждающийся в самой ничтожной, но очень важной для него помощи, без которой тебе из-за слепоглохоты, может быть, попросту не выжить. Острее всего психологическая проблема взаимоотношений с другими людьми, а не физиологическая проблема исправности органов зрения и слуха.

Как-то я запутался на круглой площадке, на которую со всех сторон света выходит не меньше восьми дорожек, - я запутался, не в силах сообразить, по какой дорожке я сам сюда попал. Это была детская площадка в парке, и народу там было немало. Но только десятый из всех подходивших ко мне людей понял, что я слепоглохой, что мне надо чертить пальцем печатные буквы во всю правую ладонь, и что я всего лишь не могу сообразить, в какой стороне Ярославское шоссе. По моей просьбе он посадил меня на скамейку рядом с нужной мне дорожкой, чтобы я в любой момент мог сам выбраться из парка. Я не спешил, хотел почитать и подышать в парке, а фактически в лесу, - и мы разговорились.

- Вы не похожи на слепоглохого, - сказал мне этот человек.

- А каким, по-вашему, должен быть настоящий слепоглохой? Вы раньше-то, до меня, слепоглохих видели?

- Нет, не видел.

Вот эта "непохожесть" на то, чего никогда не было в опыте случайного встречного, очень мешает слепоглохим быть самостоятельными, каждый раз не переживая слишком остро своей слепоглохоты. Это самое серьезное внешнее препятствие, а ведь слепоглохие и сами себе мешают не меньше, если не больше, боясь "чужих", стесняясь "приставать" с просьбами о помощи к незнакомым людям, а то и просто стесняясь своей неразборчивой устной речи. Одни из нас эти психологические проблемы упорно пытаются решить, и более или менее успешно решают; другие, боясь этих проблем, просто отказываются от их решения, и тем самым от самостоятельности, попадая к постоянному окружению в безысходную зависимость, часто куда более унижительную, чем минутная зависимость от самого негодливового случайного встречного. И вот парадоксальный факт: люди с довольно значительными остатками зрения и слуха оказываются иногда гораздо беспомощнее тех, у кого эти остатки намного хуже, но зато есть воля к самостоятельности во что бы то ни стало. А если есть воля, то умение быть самостоятельным - дело наживное.

* * *

Итак, для самостоятельности необходима упорнейшая воля к самостоятельности, несмотря ни на какие неудачи, и еще необходимо спокойное мужество ошибаться. Не бояться ошибок, идти навстречу ошибкам, осознавать ошибки без самооправдания, исправлять - без позы (например, без позы обиженного или позы неопрошенного благородства). Это касается всех людей, но слепоглохих - в первую очередь. Зрячеслышащие настолько благоустроили свой мир, что им элементарная самостоятельность дается легко, не требуя от них ни воли, ни мужества. Много ли нужно воли для перехода через дорогу, или мужества для прогулки в дачном лесу? На элементарном, простейшем уровне - сплошное удовольствие, или нечто до незаметнос-

ти привычное. Воля и мужество требуются в более сложных ситуациях, в межличностном общении, в работе. А то и нигде: вместо воли и мужества - привычка, вся жизнь держится на одних привычках. В результате при встрече с чужим несчастьем - бегство, а если несчастье обрушилось на собственную голову, то первая мысль - тоже о бегстве: на тот свет.

Сфера приятной легкости и привычной незаметности бытия у слепоглухих сужена до предела, и поэтому воля и мужество от них требуются там, где зрячеслышащий действует машинально. От меня, например, литературное творчество требует гораздо меньше воли и мужества, чем покупка молока, несмотря на право покупать вне очереди. Вообще пользоваться льготами по инвалидности я не стесняюсь, ибо и при всех льготах жизнь иногда бывает просто невыносимой. Льгот, как ни много - мало, ибо есть все льготы, кроме самой главной, - кроме льготы понимания и готовности помочь со стороны первого встречного. А уж этой льготы никакой парламент не предоставит, ибо речь тут идет не о тех законах, которые можно принять, исправить, вообще отменить, а о тех законах, которые действуют или не действуют в зависимости от уровня нравственной - как и эстетической, интеллектуальной, экономической и всякой иной, - культуры общества в целом, и каждого члена общества в отдельности.

Говорю об отсутствии, вернее недостатке, "льготы понимания", потому что зрячеслышащие, более или менее выезжающие на всевозможных привычках, просто не в состоянии понять, как это слепоглухие подчас буквально в истерике из-за сущих пустяков, даже о существовании которых зрячеслышащим и вспомнить нелегко. Это относится именно к зрячеслышащим, существующим бездумно, за счет привычек. Есть и другие, - их меньше, чем первых, но счастье, что вообще есть, - живущие мыслями, мужеством, чувствами, чутко готовые подвергнуть ревизии любую привычку. Хозяева, а не рабы привычек. Те, кого, в отличие от первых, обычно называют "думающими". Я счастлив тем, что в моем постоянном окружении таких "думающих" больше: во всяком случае, таковы все мои ближайшие друзья. Те, кто свято следует привычкам своим и общества без учета ситуации, возводя эти привычки в абсолюты, - те около меня долго не держатся, не могут удержаться. Чтобы жить сколько-нибудь полноценно, а иногда чтобы выжить в условиях слепоглухоты, мне - и ради меня моим зрячеслышащим друзьям - приходится сознательно нарушать некоторые общепринятые нормы поведения. Например, такую: как можно меньше обращать на себя внимания, привлекать к себе внимание. Многие приходят прямо в ужас от того, что "Люди смотрят". Ужасаются не того, на что именно "смотрят", а того, что вообще "смотрят", и даже - "будут смотреть". "Смотрят" же на дактилологию, на общение со мной посредством пальцевых комбинаций, а не звуков. Или смотрят, как я пытаюсь осмотреть руками какой-нибудь памятник. Словом, смотрят на неизбежно необычные в моем положении способы удовлетворять самые обычные и законные потребности - в общении, в познании. И вот мне говорят (бывало, и еще время от времени бывает), что я не должен удовлетворять эти свои потребности доступными мне способами, - видите ли, "некрасиво". Что "некрасиво"? Разговаривать руками и вообще делать руками то, что другие делают с помощью глаз и ушей. Почему "некрасиво"? Потому что "смотрят". И не догадываются, что некрасиво, нехорошо, неприлично, безнравственно в такой ситуации именно "смотреть", глазеть, а так же реагировать на глазение, замечать его, смущаться им. Кто же виноват, что я не вижу и не слышу! А требовать от меня, раз уж я не могу (не всегда могу) вести себя "как все", чтобы я замирал, превращался в какое-то ходячее растение, - требовать этого бесчеловечно.

Ну, да нет худа без добра. Убедившись, что вести себя "как все" не всегда уместно, я убедился в идиотизме самого требования "быть как все". В результате очень рано - сколько себя помню - стал относиться к морали сознательно-критически, а не бездумно-подражательно. Целесообразность любого "приличия" я всегда требовал объяснить, иначе отказывался его соблюдать. И хотя в своем критицизме я нередко хватал через край, одно время даже отрицая мораль вообще, всю целиком, без разбору, - я никогда не сомневался и не усомнюсь в принципиальной, даже единственной правильности сознательно-критического отношения к морали. Именно такому отношению к морали мы должны научить подрастающих слепоглухих, да и всех вообще людей, если действительно желаем их самостоятельности, - как элементарной (бытовой, пространственной), так и личностно-духовной. И не только к морали надо так относиться. Ко всему - при малейшем подозрении, что не совсем ладится, не совсем срабатывает, что-нибудь да не так, что-нибудь да не к месту. Я вовсе не отрицаю при этом привычек, штампов, стереотипов поведения как таковых. Просто я против возведения их в абсолюты, придания им самоценного значения, в то время как они - только средство, но ни в коем случае не цель жизни. Всякие приличия и привычки хороши только до тех пор, пока они упрощают, облегчают, а не осложняют, не затрудняют жизнь. Когда же они соблюдаются, несмотря ни на какую целесообразность, вопреки здравому смыслу, во что бы то ни стало, - тогда они, приличия и привычки, не только осложняют, затрудняют жизнь, а делают жизнь вообще невыносимой, невозможной.

Как-то я с одним своим другом собрался в Ленинград. Уже в купе, перед самым отправлением поезда, кто-то из провожающих попросил меня, по возможности, вести себя в Ленинграде "как все зрячеслышащие", чтобы на нас с другом поменьше глядели. Я ответил взрывом:

- Ни в коем случае! - додумав: "Тогда уж лучше никуда не ехать".

Человек опешил:

- Почему?

Я - немного спокойнее:

- Потому что я не зрячеслышащий.

На этом и кончился разговор. Проще, короче и точнее объяснить особенности своего поведения я не смог бы. Учет ситуации, учет в своей жизнедеятельности того очевидного факта, что я не зрячеслышащий, а слепоглухой, - вот фундамент всей моей самостоятельности, вот сила, заставившая меня искать, изобретать конкретные способы жить нормально, вопреки слепоглухоте, в обход слепоглухоты. Тут меня очень поддерживало философское определение мышления, восходящее в первой своей редакции еще к Спинозе: Мышление - это способность мыслящего тела действовать согласно логике, внутренней сути любого другого тела. Действовать по логике - и значит действовать по ситуации, с учетом ситуации. Учиться этому учету - и значит учиться быть самостоятельным. У меня эта учеба поневоле была тоже самостоятельной, потому что учиться тому, как самостоятельно ездить и покупать, было не у кого.

О.И.Скорородова была самостоятельна только в пределах своей квартиры, а вне квартиры - ни шагу без секретаря. В ее книге "Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир" описан только один случай, когда на вокзале Ольгу Ивановну никто не встретил. Женщина, которая ее привезла, должна была ехать дальше, и поэтому провела Ольгу Ивановну в отделение милиции, где та и дождалась, когда за ней приедут. Милиционерам она объяснила, как с ней общаться: чертить пальцем зрячие буквы во всю ее ладонь. Ольга Ивановна сообщила номер телефона, по которому за ней и вызвали сопровождающего. Нес-

сколько раз такое было и у меня. С этого, собственно, все и началось, когда я понял, как ненадежен постоянный помощник, и почувствовал, как унижительно зависеть от одного человека. Независимость получится в результате зависимости от многих, от случайных встречных. Так я решил - и начал "самостоятельность".

Для самостоятельности всего важнее личностно-психологические предпосылки, но, конечно, нельзя не учитывать степени слепоты и глухоты, а так же, есть или нет, и насколько разборчива, если есть, устная речь. От конкретного состояния зрения, слуха и речи зависит, в каких пределах слепоглухой может обходиться без посторонней помощи, а в каких - самой минимальной помощью, не говоря уже о конкретных способах обращения за помощью, привлечения к себе внимания и объяснения, что именно нужно. Личностно-психологическими предпосылками предопределяется степень готовности к самостоятельности, то есть сама возможность быть самостоятельным; конкретные же дефекты зрения, слуха и речи диктуют конкретные способы осуществления самостоятельности. Конечно, на практике не всегда легко бывает определить, где кончаются дефекты (зрения, слуха и речи) и начинается свой собственный, средней паршивости, характер. Впрочем, на практике обычно и не до того...

Мое зрение - практическая слепота. Различаю контуры не слишком мелких и не слишком крупных предметов на контрастном фоне: светлые на темном, темные на светлом. При слишком ярком солнечном свете, как и в полной темноте, вообще ничего не различаю. Сейчас ношу сделанные в магазине "Оптика" по спецзаказу очки (плюс полтора с затемнением), усиливающие контрастность освещения окружающих предметов, так что на улице можно немножко надеяться и на зрение, а не только на ориентировочную трость. С грехом пополам могу заметить ступеньки вверх, но спусков совсем не вижу. Ходить без трости рискованно; я и не хожу.

Слух у меня такой, что если звуки речи и дойдут, то слов не пойму ни за что. Речь обычной громкости без слухового аппарата не слышу, а со слуховым аппаратом ощущаю звуки, но не понимаю ни слова.

Оглух я в девять лет, и поэтому устная речь уцелела, вполне разборчива (такую речь специалисты называют "сохранной"). Есть, правда, что-то в речи не совсем обычное, так что при знакомстве меня нередко спрашивают, с каким это акцентом я говорю, принимая не то за эстонца, не то за литовца. Но в целом мою устную речь понимают без особенного напряжения. Когда привыкнут к ней...

Итак, исходные возможности: с тростью - всюду без посторонней помощи, если только не надо перебираться через дорогу с большим движением транспорта, но без подземного перехода. Ездить без помощи в виде посадки и высадки в нужном месте не могу; но зато редчайшее для слепоглухого преимущество: могу обратиться к первому встречному, понимающему по-русски, "голосом", - лишь бы слушали. И вслушивались.

У меня воля, стремление к самостоятельности возникла из конфликта с постоянным окружением, из острого недовольства зависимостью в каждом пустяке. В Загорском детдоме я чувствовал себя вполне свободно: всем необходимым я был обеспечен, а так как все свободное и даже значительную часть учебного времени и ночью читал, то за пределы детдомовской территории особенно и не стремился. За детдомовским забором для

меня не было ничего привлекательного, кроме первомайских и ноябрьских демонстраций, проходивших мимо детдома (это из-за возможности хоть немного услышать духовой оркестр). В детдоме к моим услугам были книги и достаточно разнообразное общение, в том числе с разного рода гостями, - студентами, журналистами, иностранцами. Что еще надо?

Другое дело - дома, у родителей. Книг - вечная нехватка, общения же практически никакого. В гостях закармливали всевозможными лакомствами, но все время жевать - скучно, а больше там обычно нечего было делать. Поэтому в гости ходить я очень не любил. Можно было развлечься прогулками по окрестностям, но не пускали - боялись, как бы чего не случилось, и требовали ходить только возле дома, а это тоже скучно. Сами же со мной не очень-то гуляли: родителям недосуг, брату с сестрой - неохота (в кино пойти, конечно, интереснее, как будто мало телевизора дома). Очень любил купаться, но это - редчайшее удовольствие: во Фрунзе (ныне Бишкек), во-первых, особенно и негде, а во-вторых - не допросишься. Неудивительно, что запрет уходить от дома далеко я нарушал, а если не пытался один уехать в парк или купаться, то только потому, что без посторонней помощи это было неосуществимо, да и маму мою, а заодно и меня, знала вся округа, и любая авантюра кончилась бы насильной доставкой к ней на работу или домой. Но тем сильнее я мечтал, даже тосковал о самостоятельности.

Когда я был студентом, у меня для помощи в учебе и передвижении был секретарь. А у секретаря - вечно свои дела, которым он неизбежно норовит подчинить мои. И даже порой не делам подчинить, а капризам. Я на всю жизнь запомнил, как чуть не год не мог допроситься в парикмахерскую, потому что секретарю, видите ли, неохота сидеть в очереди. Когда я напоминал о своем праве внеочередного обслуживания, он отвечал, что у него такого права нет, а моим правом в моих же интересах он... стесняется пользоваться. В первый год учебы в университете, когда наши секретари получали свои девяносто рублей в месяц как оклад, они вообще норовили не работать. Я первым запротестовал против секретарской "малины" и настоял на почасовой оплате их труда: 53 - 54 копейки за час работы. Такая точная цифра получилась из простого деления секретарской ставки, выплачивавшейся, кстати, Всероссийским Обществом Слепых, на четыре недели и на сорок один рабочий час в неделю. Так как все сорок часов в неделю секретарь мне был тогда не нужен, он стал на полставки перепечатывать для меня по Брайлю нужную мне литературу, а на полставки - ездить со мной куда надо, причем так, чтобы общая сумма проведенного со мной времени не превышала двадцати с половиной часов в неделю. Такая четкая система оплаты труда свела к минимуму риск возникновения конфликтов с секретарями из-за их нежелания работать. Вообще считаю, что при решении вопроса о секретарской оплачиваемой помощи инвалиду описанный механизм самый оптимальный. Деньги на секретарскую помощь должны быть в руках инвалида, а не в бухгалтерии какой бы то ни было организации, где секретарь их получит независимо от того, работал или нет. В любом случае необходимо устроиться так, чтобы помощник в оплате труда зависел только от того, кому помогает, иначе есть риск, что он будет "воровать зарплату". Если он получает деньги в бухгалтерии, то он должен получать их не иначе, как после представления инвалидом характеристики его работы, сколько отработано. Это, пожалуй, лучший вариант, позволяющий контролировать обоих - и помощника, и инвалида.

В декабре 1994 - марте 1995 я принимал участие в разработке нового вида социальной помощи - службы ассистентов. Эксперимент проводил клуб "Контакт-1", созданный и возглав-

ляемый Екатериной Никифоровной Ким первоначально для помощи инвалидам-опорникам (позже в сферу действия клуба вошли инвалиды самых разных категорий). Многие изложенные выше принципы были воплощены в организации работы ассистента. С ним был заключен контракт на три месяца, а деньги он мог получить в бухгалтерии клуба только при условии представления почасового отчета: сколько часов отработано и какая именно помощь в эти часы оказывалась. За каждый час была установлена твердая ставка, и были определены границы рабочей недели: не менее десяти, не более пятнадцати часов в неделю. Независимо друг от друга почасовой отчет должны были представить оба - и ассистент, и инвалид. В контракт закладывалась помощь прежде всего в работе, но по мере необходимости и в быту. Служба эта предназначается не для всех инвалидов, а только для тех, кто стремится и может быть социально значимым, то есть для учащейся молодежи и специалистов-инвалидов, условия для работы которых в той организации, где они работают (если работают), не всегда могут создать. Для остальных инвалидов достаточно обычной социальной помощи.

С осени 1994 года я убедился и в том, что в решении этой проблемы огромное значение имеет заинтересованность в работе инвалида тех, с кем он работает. Многие годы я, как и остальные слепоглухие психологи, в институте фактически только числился. Никто не знал, какую работу с нас можно требовать, что мы можем, чего не можем, и нас по существу просто содержали, выплачивая под видом зарплаты как бы вторую пенсию по инвалидности. Мы отработывали эту зарплату кто как мог, рассчитывая только на себя, своих друзей и родственников. Я ездил в Загорск, потом начал заниматься совместной педагогикой в обычных пионерских лагерях, а позже в лагерях Детского Ордена Милосердия, в которых дети-инвалиды учились жить и дружить с относительно здоровыми ребятами. Так что свою зарплату я всегда получал с чистой совестью, считая, что отработываю ее сторицей. С переходом в Лабораторию Психологии Общения, Развития и Социореабилитации Личности, возглавляемую академиком Алексеем Александровичем Бодалевым, я включился в большую теоретическую и экспериментальную работу, и хотя возможности института были по-прежнему почти нулевыми, особенно финансовые, мне сумели-таки создать нормальные условия работы, организовать необходимую помощь двух лаборантов, специально взятых каждый на полставки. Вся-то ставка грошовая, полставки - и подавно, но нашли возможность немного доплачивать лаборантам за участие вместе со мной в исследовательской программе, финансируемой Фондом Сороса. Фактически же решающее значение приобрел не финансовый, а личностный фактор: мне стали помогать поистине не за страх, а за совесть, особенно Владимир Викторович Богуславский, без самоотверженности которого я никогда не смог бы ни научиться работать на компьютере для слепых в Компьютерном Центре Российской Государственной Библиотеки Слепых, ни работать в этом Центре над моими текстами столько дней в неделю, сколько нужно (о часах уж и не говорю, так как рабочий день длится фактически с утра до позднего вечера). Но для такой самоотверженности нужна заинтересованность меньше всего в деньгах, а больше всего в сути дела, в самой работе, и, конечно, еще того важнее, нужна просто настоящая дружба. В возможность таких идеальных отношений я давно уже не верил, однако, оказывается, они все-таки реальны. У меня такое ощущение, словно все это мне снится, но вот проснусь, и опять выкручивайся, как знаешь, рассчитывая только на себя...

Огромное большинство инвалидов и мечтать не смеет ни о каких "ассистентах". Такая помощь - исключение из правила. А правило - крутись как хочешь, решай свои проблемы, с кем можешь. И кроме себя, рассчитывать приходится в лучшем случае

на родственников. Братьям-сестрам, собственным детям-внукам - обычно недосуг, у них своя жизнь. Родители - не вечны, пока могут - в лепешку расшибаются, а состарятся, разболеются, - им бы самим кто бы помог... И уж тут, хочешь не хочешь, выползай на улицу, хватай за полу, проси довести, посадить на нужный номер, высадить на нужной остановке, перевести через дорогу, купить нужный товар, а больше с тросточкой - сам, будь ласков представлять себе местность, как-то ориентироваться. В периодической печати много публикаций о том, как инвалиды в семьях "по одной половичке ходят", лишь бы не лишиться и тех крох внимания, какие перепадают от щедрот здоровых членов семьи. Инвалиды с детства, привыкшие к самоотверженности родителей, частенько - до поры до времени - в будущее особо и не заглядывают, пока родителей ноги носят, с ними везде. А потом - мрак и ужас: ни сами, ни родители, - кто кого беспомощней?.. Один мой знакомый слепоглухой и ВУЗ закончил, а даже лифтом пользоваться не умеет, около дома абсолютно не ориентируется, на даче топчет взад-вперед одну и ту же дорожку. Родители дрожат, ничему не учат и боятся от себя на шаг отпустить, а как потом, когда самим станет все немого?.. Сплошной безысходный круг. И прорывать этот круг надо с обеих сторон - как со стороны самого инвалида, так и со стороны его родственников. Надо трезво оценить свои возможности - родителям, и довериться, мобилизовать все резервы возможностей - инвалиду. Не бояться мира, идти в мир, который, как известно, не без добрых людей. И как бы счастливо ни складывались до поры до времени обстоятельства, вроде как у меня с осени 1994 года, - не растренировываться, не терять навыков самостоятельности, пригодятся еще. Мне и сейчас, когда в общем-то проблема сопровождения практически не стоит, все же иногда приходится если не ездить, то ходить самому около дома. Мама болеет, и за хлебом иной раз нужно, и в поликлинику, - и хоть она со мной порывается ползать, но не всегда это можно ей позволить. Иной раз обстоятельства так складываются, что нет иного выхода, - как бы мама ни переживала, возникшую проблему приходится решать самому, с помощью случайных встречных. Этому надо специально учить, а некому - так самому учиться, переступая и через свой собственный страх, и через страх, просто недоверие окружающих.

В студенческие годы зависимость от одного человека и его дел меня сильно тяготила. К тому же один и тот же вид помощи, оказанный первым встречным и человеком из постоянно-го окружения - это совсем не одно и то же для самого помощника. Первый встречный отвлекается в худшем случае минут на десять, чтобы перевести меня через дорогу, довести до какого-то близкого места, посадить на транспорт, помочь что-то купить. К тому же первый встречный сам для себя делает то же самое, что я прошу его драть для меня: ему тоже надо перейти эту же дорогу в эту же сторону, сесть на этот же автобус, а уж в магазине мы оба, естественно, очутились ради покупки чего-нибудь. Постоянный же помощник, помогая мне в том же самом, вынужден еще и всюду со мной таскаться, теряя огромное количество времени, и, если это случайный, чужой человек, в душе, разумеется, на чем свет стоит меня проклиная. А у меня, кроме всего прочего, тоже есть человеческое достоинство: считаю для себя унижительным принимать вынужденную помощь, сопровождаемую мысленными стонами и проклятиями. Неважно, что мне в лицо не высказывают того, что ко мне чувствуют и обо мне думают. По особому добродетельно-кислему, мученическому поведению человека я все прекрасно пойму, и мне с таким помощником едва ли не более неуютно, чем ему со мной. Кому же приятно быть обузой, да еще платить за то, чтобы тебя кое-как терпели!

Вот такая ситуация сложилась к сентябрю 1975 года, ког-

да я начал потихоньку "самостоятельноничать".

Первые же мои попытки изучать окрестности, к тому же не всегда благополучно кончавшиеся, так как я еще не осознал, зачем нужна трость, и нередко летел в неприятную неизвестность, - вызвали бурю. Чем только меня ни пугали напуганные за меня, но не могущие постоянно со мной находиться друзья! Под машину попаду! Упаду и покалечусь! (Падал и падаю, особенно зимой, как все, но пока без чрезвычайных последствий, если не считать небольшой травмы позвоночника.) Больше же всего меня пугали первыми встречными: вдруг нарвусь на подонка, хулигана! Вдруг он, не вникая в детали моей слепоглухоты, возьмет да и зарежет меня для собственного удовольствия! А мне и без запугиваний было нелегко. Надо было преодолеть естественное смущение, вызванное необходимостью просить о мелких услугах незнакомых людей. Нет, я людей не боялся, как ни старались внушить мне этот страх. Вокруг меня не было плохих. Я сознавал, что не каждый без сожаления будет тратить на меня часы, но на элементарную, минутную доброту к инвалиду, на пустяковую помощь ему - хватит каждого или почти каждого. Я и сейчас уверен в элементарной доброте первого встречного, но убедился с тех студенческих пор, как нелегко бывает убедить человека, что ты нуждаешься в элементарной доброте. Да что! Нелегко бывает даже просто привлечь к себе внимание, добиться, чтобы к тебе подошли и взяли тебя за руку. Трудности эти были всегда, но в первые годы их как-то легче было преодолевать, чем сейчас. В чем тут дело? Кто стал хуже - люди или я? Соблазнительно, конечно, решить, что хуже стали люди, но это будет, пожалуй, неправда. Скорее хуже стал я, - нетерпеливее, настырнее, требовательнее (а какое у меня право чего бы то ни было, от кого бы то ни было требовать?). Раньше я с добродушным юмором терпеливо ждал, пока человек переварит факт встречи со слепоглухим, - едва ли не более невероятный, чем встреча с чертом во всем его рогатом, хвостатом, копытном и ехидном великолепии. Проявляя добродушную терпеливость и терпимость, я без особой нервозности дожидался, пока человек переварит ситуацию и обретет способность действовать. Но по мере того, как обращение за помощью к первым встречным становилось привычным, я стал терять добродушие, раздражаясь, просто не на шутку злясь, если человек соображал не так быстро, как мне бы желалось. Вот и возросла "себестоимость" "конвейера доброты", как я в шутку окрестил вереницу помогающих мне, передающих меня друг другу первых встречных. Правда, иногда - и почему-то все чаще - конвейер доброты ломается так, что не хватает никакого добродушия. Попробуйте простоять целый час у дверей прачечной в окружении наблюдающей за вами толпы, безуспешно пытаясь узнать, почему прачечная закрыта и когда откроется! Простоять, держа в руках матерчатый плакатик с нашитым на нем красным крестом, вышитым красными нитками международным знаком "сос" и вышитым черными нитками на белом фоне текстом: "Я слепой и глухой. Нужна помощь". И люди подходят, читают надпись, но не дают руки, не пытаются узнать, что за помощь мне нужна, а, явно принимая меня за нищего, суют мне какую-то мелочь в руку. Кто бы не взбесился в такой ситуации, с которой, кстати, мне в первые годы сталкиваться не приходилось. Даже когда, казалось бы, необходимая мне помощь очевидна, - на платформе при подходе электрички, - меня не сажают в электричку, а мне в руку суют монеты. Да, я стал хуже - нетерпеливее, раздражительнее, - но все-таки что-то стряслось и с самим "конвейером доброты". Черт знает почему, но первые встречные стали хуже понимать и принимать меня.

Раньше записки с конкретными просьбами спокойно брали и читали, охотно выполняли указанные в них просьбы; а как началась перестройка, далеко не каждый почему-то берет запис-

ку, не каждый читает, что и вынудило меня обзавестись описанным выше плакатиком. Раньше в толпе я чувствовал к себе доброжелательное внимание, мне уступали дорогу, помогали пройти. А как началась перестройка, публика стала настолько невнимательна, что лезет прямо на трость, спотыкается о нее, гнет и ломает, так что я стал пользоваться лыжными палками, которые сломать не так-то просто. Дошло до того, что я обзавелся спортивным свистком: не видят в упор, так пускай слышат, и если не помогают, то пусть хотя бы не путаются под ногами, вернее под тростью. Но с другой стороны, мне по-прежнему готовы помочь, сами предлагают мне помощь, когда я просто изучаю пространство и никакая помощь мне в данный момент не нужна. Конвейер доброты стал работать по известному закону подлости, хорошо выраженному Твардовским:

Как пойдешь искать кривое,
Так прямое все подряд,
А пойдешь искать прямое -
Все кривое в аккурат.

Нужна помощь - не добьешься, а не нужна - прямо-таки пристают с нею.

Все, что я придумал для своей самостоятельности, было результатом поиска наиболее надежного контакта с "конвейером доброты". С тех пор, как я решился выйти на улицу, поиск этот идет непрерывно. Все перипетии этого поиска я уже не припомнил бы, да и не в них дело, а в результате, то есть в конкретных способах - целой системе способов - пользования "конвейером доброты". Поэтому моя задача будет выполнена, если я просто опишу разработанный мною за много лет "пульт управления" "конвейером доброты", подробно прокомментировав каждую "кнопку" на этом "пульте". Заодно и повод "перебрать" его, проверить, все ли там в порядке, нельзя ли еще что-то улучшить. Конечно, дефекты зрения, слуха и речи у каждого свои, не говоря уже об уровне общего развития и всевозможных особенностях личности, им же несть числа, и все они важны. В деле самостоятельности нет мелочей, и дело это сугубо индивидуальное, так что каждый может пользоваться только своим, специально разработанным вариантом "пульта управления" "конвейером доброты". Мой "пульт" из всех известных мне - самый сложный.

* * *

Пожалуй, самое сложное - это "запустить" конвейер доброты, "включить" его. Выражаясь проще, надо привлечь к себе доброжелательное внимание окружающих, не скрывая своей слепоты, а, наоборот, подчеркивая ее, давая о ней понять. И уже здесь - проблема.

Дело в том, что сигналы, предупреждающие о слепоте, существуют, да еще международные, а вот таких же сигналов о глухоте, насколько мне известно, все еще нет. Светлая трость, приближающаяся по цвету к белому, и темные солнцезащитные очки - во всем мире признак, что их владелец - слеп. Но в очках все время не походишь. Даже практически слепые (с ничтожными остатками зрения, почти слепые) пользуются своим светоощущением для ориентировки в пространстве, а тут уж темные очки не всегда уместны. Меня, например, слепит солнечный свет, и темные очки при ярком солнце очень выручают. А вот вечером или утром, между темнотой и солнцем, отличное бестеневое освещение; при нем ориентироваться легче всего, но без очков, потому что в них темновато. Маловато света, если ты в очках, и в метро. Впрочем, обычно в моей практике оказывается достаточно трости, чтобы люди догадались о моей слепоте.

Но вот догадается человек, что я слеп, а о том, что глух, и не подозревает. Я часто замечаю, как люди задерживаются рядом со мной, но вплотную не подходят, а потом через

пару минут уходят совсем. Бывало и так: возьмут за руку,ведут, и вдруг через несколько шагов отпускают. Ясно: обращаются ко мне голосом, я не слышу и молчу, а человек не может взять в толк, почему я ему не отвечаю, и теряется, обижается. Дескать, что за невежа, ему помочь хотят, а он даже не разговаривает. Когда меня берут за руку, я поэтому сразу же сообщаю, что не слышу и не могу прореагировать на обращенную ко мне речь. Но в том, что меня расслышали за шумом транспорта и поняли, уверенности никогда нет. К тому же остатки слуха у меня лучше всего в высокочастотном диапазоне, и гула машин на улице я не слышу, а ощутить вибрацию мешает пониженная чувствительность ног. Зато слышащим этот гул досажда-ет отчаянно, и за ним они меня могут не расслышать, в то время как я уверен, что кругом тихо.

Ну ладно. Ко мне подошли, или мне удалось подойти; рука человека в моей руке, и я протягиваю тетрадку с просьбами, раскрываю на нужном месте. Однако руку мою с тетрадкой отталкивают. Что за притча? Ясно, что не понимают ситуации. Если сами не видят, не могут прочитать, то я не раз замечал, как лезли за очками, или передавали тетрадку кому-нибудь по соседству. А если сразу отталкивают руку - значит, не хотят читать. Почему? То ли принимают за хулигана, отвлекающего внимание с целью заехать по шее; то ли думают, что я предьявляю какой-то документ, как милиции, а они мне и так верят... Ну, чужая душа потемки, а печальный для меня факт тот, что в ситуации не разобрались, тетрадку читать не хотят, даже руку с ней отталкивают. Все это навело меня на мысль о плакате, заметном издали и дающем понять о моей инвалидности. В августе 1986 мне сделали два таких плакатика, один из которых был запасным. Каждый из них представлял собой прямоугольную белую тряпку, по узким сторонам которой - специальные белые чехлы, чтобы вставлять палочки. Палочки нужны: за верхнюю я держал плакатик, а другая слегка его оттягивала, не давая свернуться. В эти чехлы удобно было вставлять длинные карандаши. В верхней части плакатика было вышито черными нитками: "Я слепой и глухой. Нужна помощь"; посередине плакатика - нашитый крест из ярко-алой материи; в нижней части красными нитками был вышит международный знак СОС. Когда плакатик не был нужен, он лежал у меня в кармане, свернутый так, чтобы мгновенно развернуться лицевой стороной к окружающим людям, едва я вытащу его из кармана и возьмусь за верхний карандаш, отпустив нижний. Как я уже говорил, иногда меня с плакатиком принимали за нищего, но обычно плакатик срабатывал как надо: сразу вслед за плакатиком я протягивал тетрадку с просьбами, и ее безропотно брали. Плакатик и придуман был именно для того, чтобы брали тетрадку. Думаю, такие плакатики не грех иметь всем без исключения слепоглухим: они срабатывают все же лучше любого документа об инвалидности. Разумеется, каждому слепоглухому, кроме плакатиков надо иметь и тщательно продуманный набор письменных просьб, но о них немного ниже.

Часто мне сильно кажется, что зрячие на самом деле, как бы это сказать, "слепее" меня. Прут напролом, в упор никого перед собой не видя. Был в метро уморительный случай, когда один такой "зрячий слепой" кувыркнулся через мою трость, встал на ноги, прочитал записку о том, как со мной говорить, и спросил печатными буквами у меня по ладони: "Вам помочь?". Я не сдержал смеха в ответ: "А вам не надо в медпункт? Чай, ушиблись". Но чаще бывает не до шуток. Какой-то буйвол ринулся опретью между мной и стеной, вдоль которой я спускался по лестнице в метро, споткнулся о трость, да так ее лягнул, что в моих руках оказался обломок. Нечего и говорить, каким я сразу стал беспомощным. Ведь без трости я уверенно передвигаюсь только в хорошо знакомом помещении, нап-

пример, в квартире. Даже во дворе загорского детдома я без трости чувствую себя не слишком уютно.

Кстати о трости. Ее обязательно должны иметь при себе и слабовидящие. На трость надо наматывать кольца изоленды контрастного цвета (лучше бы трости выпускали уже с такими кольцами, нанесенными несмываемой краской или лаком). Три-четыре кольца, чтобы трость лучше видели водители автотранспорта. При переходе через улицу трость надо обязательно поднимать примерно горизонтально: для машин это, по международным законам, не очень-то соблюдаемым у нас, то же самое, что и красный свет светофора.

Как-то я переходил через улицу в сопровождении одного знакомого. Трость моя была в руках этого знакомого, он держал ее горизонтально, и тем не менее какая-то нахальная легковушка шмыгнула у нас перед носом. Знакомый, просвещенный по части международных норм сигнализации о слепоте, изловчился и ударил моей тростью по зеркальцу нахалки. Зеркальце разлетелось вдребезги, чем мы оба были очень довольны. Как же еще учить нахалов?.. Правила-то не про них писаны... Сейчас настоящим бедствием стало загромождение автотранспортом тротуаров. Каждый раз, путаясь среди машин на тротуаре, я от души жалею, что не припас молотка, дабы грохать им в ветровые стекла, или шила - прокалывать колеса. Хулиганские мечты, конечно, да о чем же еще мечтать при подобной беспардонности?!

Ходить без трости при слабом зрении - очень опасная бравада. Слепые ведь тоже часто не похожи на слепых, какими они "должны быть" в представлении зрячих... Разгуливать без трости и других бросающихся в глаза признаков инвалидности - ничем не оправданный риск.

Но и на трость, как видим, не очень-то иногда реагируют. Когда зрячий спешит, он становится крайне невнимателен: видит только отходящий поезд и прочее, что ему там нужно, и совершенно не замечает никаких посторонних для него "посторонних" предметов, хотя бы этим "посторонним предметом" оказался инвалид. Не только трость погнуть или сломать - сбить с ног могут. В густой толпе идти очень трудно: мечутся во всех направлениях, сбивают с маршрута, и трость то и дело запутывается в чьих-то ногах. Особенно это в метро и в больших магазинах, ну и на вокзалах, конечно. Словом, я убедился, что глаза у зрячих на редкость незрячие, доверять им никак нельзя.

Что ж, если дураки глаза, авось умнее уши. После нескольких злоключений, в результате одного из которых я расшибся в кровь (сбили таки с ног на эскалаторе в метро "Добрынинская"), я купил набор свистков со звуком погромче и порезче. Пускай принимают за сумасшедшего, за кого угодно - наплевать, лишь бы не путались под ногами, не мешали идти. Одно удовольствие - брести по перрону метро к эскалатору и свистеть: дураки шарахаются во все стороны, ближе чем на три метра не подходят, так что для трости полный простор, а из сотен окружающих людей хоть один да найдется, кто возьмет за руку и поведет. Тогда перестаю свистеть. И разумеется, сразу же объясняю ситуацию подошедшему человеку: кто я такой, за чем свищу...

Правда, однажды я привлек своим свистом милиционера на станции метро "Площадь Свердлова" (теперь - "Театральная"). Я уже почти достиг эскалатора, как вдруг меня резко схватили за сумку на длинном ремне. Но, едва я обернулся, тут же отпустили: блюстителю общественного порядка узрел трость, которую, видно, сторяча не заметил. У меня в таких случаях мгновенный, чисто детский инстинкт, - я успел ощупать погон...

В другой раз на "Комсомольской" какой-то добровольный

блюстителю общественного спокойствия вырвал свисток у меня из губ, а свисток в тот раз, как нарочно, не был привязан к одежде шнурком, что я обычно делаю, опасаясь "посеять" столь драгоценный предмет. Я успел схватить блюстителя за рукав и заорал, чтобы он отдал свисток. На мою защиту тут же встали окружающие, кто-то, как мне потом рассказывали, даже угостил непрошенного блюстителя по шее, и я, клещом вцепившийся в его рукав, отпустил незадачливого обидчика не раньше, чем он вернул мне свисток, для чего ему пришлось изогнуться, - свисток валялся на полу довольно далеко...

Не каждый способен вести себя так нахраписто, как, обзленный слепотой зрячих, позволяю себе я. Щадя не "слепых зрячих". а чувства сопровождающих меня друзей, я придумал способ привлекать к себе внимание без всякого шума: трость поднимать повыше, держа почти за самый наконечник. Оказывает, "слепые зрячие" - большие "зазнайки", - под ноги не смотрят, предпочитают считать ворон. Завидя поднятую наподобие знамени трость, они благополучно меня с моим сопровождающим обтекают. Рекомендую для стеснительных. Сам же, если один, предпочитаю свистеть. Или по-детски "бибикаю", или даже гавкаю, - буквально: "Гав-гав-гав!" Когда я загавкал на той же "Комсомольской" в густой толпе, стадом сгрудившейся перед эскалатором, я развеселил всю публику. Мне перевели реплику: "А кусаться не будете?" Я пообещал, что обязательно буду, и народ мирно, со смехом вступил на эскалатор, вместо того чтобы в десять этажей материть друг друга, как обычно бывает в таких случаях, - давка была знатная. В общем, разрядил я ситуацию...

Кстати, не могу полностью приписать себе заслугу такого использования свистка. Идею почерпнул из одной книги известного психотерапевта Владимира Львовича Леви, в которой он при встрече с жаждущим драки пьяным хулиганом рекомендует свистеть в милицкий или подобный по звуку свисток слабакам вроде меня, не могущим иначе за себя постоять. Леви заверяет читателя в полной надежности такой защиты: действует, даже если нет ни одного милиционера на три километра вокруг. Я посоветовал это одной своей слабовидящей глухой подружке, подарив ей свисток, и она мне рассказала, что воспользовалась рекомендацией, когда поздним осенним вечером с нее попробовали снять роскошную американскую куртку. Подружка моя заверещала в свисток так, что сама испугалась, а когда опомнилась - обидчиков как ветром сдуло. Ай да Владимир Львович! Низкий вам поклон!

Выручал меня свисток в магазинах. Как-то я заблудился в универсаме, ничего не мог найти, а люди, как на грех, не подходили, да еще толкались. Отчаялся что-либо найти сам, администратор где - шут его знает, остановился в конце одного из рядов с товарами и изо всех сил, заодно освобождаясь от накопившегося раздражения, дунул в свисток. А он у меня такой, - даже мои уши закладывает, даром что потеря слуха довольно-таки большая. Ясное дело, что, когда такое начинает сверлить нормальные уши, их обладатели - кто куда. Так вот, после первого свистка вокруг меня сразу стало просторно; после второго свободное пространство еще больше расширилось. После третьего, как пишут в книгах, решительным шагом для принятия строгих мер ко мне подошел какой-то мужчина. Кто его знает, что он мне сказал или собирался сказать, но, как только взял меня за руку, я протянул ему заранее приготовленную тетрадку с просьбами. Прочитав, кто я такой и чего мне нужно, он сразу стал мне деятельно помогать. Я нашел и купил все, что хотел.

Но когда я в автобусе вознамерился добиться свистком, чтобы меня вывели на нужной остановке, - я создал вокруг себя полный вакуум, но ничего не добился. Три раза проехал я в

автобусе из конца в конец, пока ко мне не решился подойти водитель. (Когда я сам протягивал ему тетрадку в кабину, он не брал, шарахался.) Убедившись, что я не вылезу из автобуса, пока меня не выведут там, где мне надо, он все же прочитал соответствующую записку, и высадил таки, где надо, но после столь долгих неудач я никак не мог поверить, что автобус стоит на моей остановке, и отказывался выходить. Это было, когда плакатика еще не сшили...

В общем, свисток ненадежен как способ позвать на помощь: когда подойдут, а когда и нет, да если и подойдут, то с целью призвать к порядку. Впрочем, таких добровольных блюстителей порядка, на мое счастье, не так уж много. Большинство просто шарахается. Но когда как раз и нужно, чтобы шарахались - тут уж свисток, в роли звукового бича, безотказен. А необходимость разогнать толпу возникает довольно-таки часто. Хорош свисток и при посадке в автобус на первой остановке, куда автобус после разворота подходит пустой. Все бросаются толпой, толкаются, протискиваются вперед; этим озверелым эгоистам ни до кого, ни до чего, лишь бы прорваться в первых рядах и занять сидячие места. Толкотня, давка, упадешь - затопчут. И вот я заранее беру свисток в рот и, как только начинают толкаться, оглушительно свищу. Звери мгновенно превращаются в людей, начинают входить в автобус по одному, как положено, и я тоже поднимаюсь без приключений, да еще и помогают - под локоток поддерживают, за руку берут, чтобы легче было вскарабкаться...

* * *

Итак, трость, плакатик, свисток. Но это все мелочи. Самое же главное - записки. Их было много разных, удачных и неудачных, слишком общих и слишком конкретных; пробитых дыроколом, чтобы можно было связать обувным шнурком, и аккуратно сшитых в тетрадки. В конце концов у меня остались две тетрадки с записками: одна только транспортная, а другая - остальное.

Система записок имеет для самостоятельности исключительное значение, поэтому опишу ее как можно детальнее.

Все записки делаются из брайлевской бумаги (то есть из очень плотной, на которой слепые пишут своим рельефно-точечным шрифтом). Беру из пачки брайлевской бумаги лист, режу на четвертушки, которые дополнительно сгибаю пополам. На каждой половинке четвертушки с обеих сторон пишу для себя по Брайлю сигнальные слова или цифры, по которым я сам могу догадаться о содержании просьбы на этой записке. Затем вставляю четвертушки в зрячую машинку, и под брайлевскими подписями печатаю только заглавными буквами обращение к случайным встречным зрячеслышащим с соответствующими брайлевским надписям просьбами. Когда все записки готовы, сшиваю их в тетрадки форматом в одну восьмую брайлевского листа (примерно с паспорт или сберкнижку), и без этих тетрадок один никуда не выхожу. Раньше я делал тетрадки без обложек, и наружные записки быстро ветшали. Позже стал делать обложки из тех же четвертушек брайлевской бумаги, совершенно чистых, без надписей. Все же примерно два раза в год тетрадки приходилось обновлять. И так как от них зависела вся моя самостоятельность, то делать новые тетрадки приходилось очень быстро, бросая все остальные дела.

Теперь перелистаем тетрадки. Начнем с транспортной. 1.

Брайлевская надпись для меня: "Переводная".

Зрячий текст: "Товарищ, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, переведите через дорогу. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне."

Долгое время я каждую записку начинал фразой: "Товарищ, я не слышу и очень плохо вижу". Иногда возникали непонятные для меня затруднения: записку вроде читали, а может, и нет,

но не помогали, отходили. Предполагая, что виновата слишком стыдливая, деликатная редакция сообщения об инвалидности, я преодолел ложный стыд и стал писать беспощадно: "Товарищ, я слепой и глухой". Но в последние годы записки вообще отказывались читать, - разумеется, не всегда отказывались, но часто. Или по поведению человека я догадывался, что он хотя и читал, но не до конца. Все та же спешка, даже на две короткие фразы терпения не хватает!.. И я каждую записку стал начинать просьбой: "Товарищ, пожалуйста, прочитайте записку до конца". Опять не то: иные встречные понимали так, что надо перелистать всю тетрадку, и в итоге, разумеется, не знали, какого же лешего мне от них надо. В конце концов я стал писать: "Товарищ, пожалуйста, вчитайтесь". Вероятно, и эта редакция не последняя. Случайный встречный, как бестолковый ученик, читать вроде бы читает, а вот понимать - ни черта не понимает. Поэтому я пытаюсь мобилизовать его мыслительные способности (о которых, в среднем, у меня сложилось очень невысокое мнение) просьбой не просто прочитать, а вчитаться.

Последняя фраза записки - тоже постоянная, и тоже не просто формула вежливости. Раньше я ограничивался сообщением о своей инвалидности и конкретной просьбой. Однако бывали осечки; люди читали мои записки, но, явно торопясь по своим делам, просьб не выполняли. Приходилось обращаться к другим, а это совсем не просто: пока-то другой возьмет тетрадку... Предполагая, что первому встречному может быть некогда, я и стал добавлять просьбу договориться о помощи мне с кем-нибудь другим. Стало легче, меня стали часто передавать с рук на руки. Слышащему ведь легче ввести в курс дела окружающих и найти среди них того, чьим планам меньше всего мешает моя письменная просьба.

Обращение "товарищ" после 1991 года не всякому понравится. Признаюсь, это обращение мне всегда было не просто привычно, а очень дорого. Тем более, кто мне сейчас "товарищ" и в чем... Можно обойтись вообще без обращения, так с ходу и начинать: "Пожалуйста, вчитайтесь". Но как-то грубовато выходит, Думаю, можно выкрутиться из щекотливой ситуации с помощью обращения: "Дорогой друг". Оно общепринято на всевозможных международных конференциях, - "дорогие друзья!" - когда нужно обратиться как-то позадушевной, неофициально. К тому же и психологически, и по существу в моем положении совершенно верно: в каждом, к кому обращаюсь за помощью, я просто обязан видеть потенциального друга, иначе нет смысла огород городить, дома надо сидеть. Это соображение - по существу. А психологически, наверное, каждому, к кому обращаешься за помощью, приятно должно быть узнать, что он - не кто-нибудь, а "дорогой друг". Именно "дорогой": если отбросить это прилагательное, то и существительное "друг" будет звучать уже как-то не так, резковато, пожалуй.

В проникновении в психологию случайного встречного "среднего" зрячеслышащего, и с точки зрения этой психологии - в редактировании записок, - мне в начале 80-х годов очень много помогал Борис Михайлович Бим-Бад, создатель и первый ректор Российского Открытого Университета. Это была исключительно важная помощь, так как не только зрячеслышащим трудно "влезть в шкуру" слепоглухих, но не легче и наоборот.

"Переводная" записка вообще-то существует у меня на всякий случай: обычно перейти через дорогу помогают и без всякой письменной просьбы. Слишком, видимо, очевидна ситуация. Но когда-то "Переводной" запиской я пользовался часто; то ли ситуация была менее очевидной, то ли, скорее всего, сам я держался не столь уверенно, еще не очень хорошо зная свои маршруты, да и ложный стыд - обращаться за помощью - не до конца преодолел.

Дальше не буду специально оговаривать, что в записке

написано по Брайлю, а что по-зрячему. Брайлевская надпись всегда идет первой и отделяется точкой с тире, а дальше зрячий текст.

2. Такси. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Посадите, пожалуйста, в такси. Куда ехать, скажу водителю сам. Если вам некогда, попросите кого-нибудь помочь мне.

Сейчас эта записка имеет чисто исторический интерес: денег на такси нет. То ли дело раньше, когда можно было объехать Москву по окружному шоссе за 10 рублей. Обычно же мои маршруты обходились мне не дороже четырех - пяти рублей. Раз или два в неделю я мог себе позволить это удовольствие, что очень выручало меня, если место назначения было далеко от метро, или если я просто еще не освоил дорогу.

3. Комсомольская радиальная. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, помогите мне выйти из электрички и дойти до станции метро "Комсомольская" на радиальной линии. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

Сейчас я редко показываю эту записку, так как неплохо узнал дорогу сам. Но всякое может быть, - вдруг понадобится, например, если мне надо будет попасть в метро не с Ярославского вокзала, а с Ленинградского (дорогу с Казанского вокзала я тоже изучил). Да и в любом случае проще и быстрее добраться не одному.

4. Комсомольская кольцевая.

- Просьба такая же, как и в предыдущей записке, только на соседнюю станцию.

5. К Маленковской. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на электричку, которая останавливается на платформе "Маленковская". Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

6. Маленковская. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, помогите мне выйти на платформе "Маленковская". Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

7. К Москве.

- Просьба посадить на электричку, идущую на любой московский вокзал. Тип зрячего текста аналогичен тому, что в записке "К Маленковской". Эта записка - на случай, если я не буду знать, с какой платформы поезда идут в Москву.

8. Электричка.

- Просьба посадить на любую электричку. Это если мне надо, например, на платформу Лосино-Островская, где останавливается все, так что риска проехать мимо нет.

9. Лосино-Островская.

- Просьба высадить на этой платформе. Зрячий текст такой же, как в записке "Маленковская".

10. К Лосю. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на электричку, которая останавливается на платформе "Лось" (ни в коем случае не "Лосино-Островская!"). Если вам некогда, попросите помочь мне кого-нибудь другого.

Как на грех, две соседние платформы почти тезки, и их иногда путают. На Лосино-Островской останавливаются все электрички, а на Лосе - не все. Живу я именно у платформы Лось, так что из-за чьей-то неосведомленности насчет двух "лосиных" платформ riskовать выскочить раньше времени или проехать мимо совсем не хочется. Ведь некоторые поезда после Лосино-Островской останавливаются только в Мытищах! Я шучу, что к моей платформе надо "пристреливаться": недолет - перелет - в яблочко. Но если влипнешь в эту "пристрелочную" историю один, - не до шуток.

11. Лось.

- Просьба высадить на этой именно платформе, с той же категорической оговоркой, что мне нужен именно Лось, а не Лосинка.

12. К Сергиеву Посаду.

- Читатель, думаю, уже догадался, что если стоит предлог "к", значит, в зрячем тексте просьба посадить на что-то в ту сторону. В данном случае - на Сергиев-Посадскую электричку.

13. Сергиев Посад.

- Просьба высадить в Сергиевом Посаде.

14. 26, 28. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, посадите меня на 26 или 28 автобус. Если вам некогда, попросите помочь мне кого-нибудь другого.

По такому же типу - все просьбы посадить на автобусы или троллейбусы.

15. 46.

- Просьба посадить на автобус.

16. ПМК. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой, Пожалуйста, помогите мне выйти на остановке ПМК. Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

Точно так же составлены все просьбы высадить на той или иной остановке.

17. 601.

- Просьба посадить на автобус.

18. 602.

- Просьба посадить на автобус.

19. 76, 172.

- Просьба посадить на троллейбус или автобус.

20. Бабушкинская.

- Просьба высадить у метро "Бабушкинская" и довести до метро.

21. Улица Егора Абакумова.

- Так называется моя остановка на Ярославском шоссе.

Просьба высадить на ней.

Почему-то просьбы высадить выполнялись на всех остановках, кроме этой. Именно здесь мне надо было сойти со 172 автобуса, на котором я однажды проехал три раза из конца в конец, потому что меня никак не высаживали, а потом минут десять держал автобус на этой остановке, отказываясь выходить, - не верил уже, что высаживают не где попало. Позже эта загадка разъяснилась: остановка-то оказалась предпоследней, и те, кого я заранее просил высадить меня на ней, просто ходили раньше. Уяснив это, я понял, что никого просить и не надо; доедешь до конца, развернешься, и на первой же остановке вылезай, - заодно и с подземным переходом связываться не нужно, сразу на своей стороне Ярославского Шоссе.

22. 181, 605, 696.

- Просьба посадить на любой из этих автобусов.

23. "Дары природы".

- Просьба высадить на остановке под этим названием, возле которой находится магазин "Дары Природы".

24. 185, 210.

- Просьба посадить на автобус.

25. "Каучук".

- Так называется остановка, вывести на которой я прошу в этой записке.

26. 64, 132.

- Просьба посадить на эти автобусы.

27. Трубецкая.

- Улица, по которой называется остановка, иногда мне

нужная.

28. Новгородская.

- Улица, по которой называется остановка, иногда мне
нужная.

29. Медведково.

- Просьба высадить у метро "Медведково" и довести до
него.

30. Алтуфьевское-91.

- Просьба высадить на этой остановке, названной по од-
ному из домов на Алтуфьевском Шоссе. Раньше я жил в соседнем
(89/А) доме.

31. Череповецкая.

- Улица, по которой названа остановка, иногда мне нуж-
ная.

* * *

Раньше у меня все записки были скопом - и транспортные, и другие. Потом другие были отделены. Иногда в сложной ситуации после транспортной записки бывает нужна другая, а листать тетрадку, искать нужную записку - себе дороже: как бы не удрал помощник. Лучше ее иметь наготове, отдельно. Три записки из второй тетрадки я пропущу, чтобы прокомментировать особо, после всех.

32. Завтрак. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Пожалуйста, возьмите деньги из моего кошелька и купите мне завтрак по своему выбору. Питья, пожалуйста, два стакана (лучше сок). Если вам некогда, попросите кого-нибудь другого мне помочь.

Необходимость в постоянных записках такого рода появилась, когда мне показали дорогу в ближайшие столовые и я стал питаться в основном в них. Сначала я пробовал капризничать, перечислял, что я предпочел бы (например, второе - что-нибудь котлетное, суп - чур, не молочный и не свекольный и т.п.), но очень быстро сообразил, что создаю себе и окружающим лишние трудности. К тому же кто ж его знает, что вообще есть. И я, по подсказке Юрия Давыдовича Крылатова, мужа моей загорской однокашницы и позже - университетской однокурсницы Натальи Николаевны Корнеевой, - предоставил выбор помогающим мне людям, и не раскаялся, тем более, что обычно за помощью обращался к персоналу данной забегаловки, а уж им ли не знать, что у них - не то что вкусно, а вообще съедобно, поскольку казенную еду часто ругают на чем свет стоит за несвежесть, а то и за злостную фальсификацию.

Кстати, очень важная психологическая деталь: я предлагаю человеку, к которому обращаюсь за помощью в торговых учреждениях, самому взять деньги из моего кошелька. Это демонстрация доверия. Стыдно щупать каждую монетку, пытаться прямо при случайном помощнике проверить, не обсчитали ли тебя. Если не веришь людям, зачем тогда вообще к ним лезешь за помощью? Обходишься уж как-нибудь один. Другое дело, что можно иметь два кошелька: один расходный, с небольшой суммой денег, который и протягивать помощнику; другой - со всей наличностью, откуда постепенно добавлять в первый кошелек. Если уж в кои-то веки и наткнешься на подонка, убыток окажется не страшным. Но в моей практике никогда и ничего подобного не было. Наоборот, часто я обнаруживал, что деньги мои в расходном кошельке целы, хоть кошелек у меня и брали, а накормили меня, следовательно, за свои, а не за мои деньги. Собираясь за молоком, я положил однажды в опустевший кошелек рубль. Вернулся с молоком как раз на рубль (три литра), а когда снова собрался в магазин и решил пополнить расходный кошелек, обнаружил, что тот несчастный рубль так там и лежит. А ведь кошелек у меня из рук брали... Вот такие "обсчеты" в моей практике случаются часто. А чтобы наоборот, чтобы

взяли больше хоть на копейку - такого ни разу не было. Между тем я читал в журналах для слепых, что некоторые слепые унижали себя и окружающих, у всех на глазах подолгу щупая монеты, чтобы узнать, двадцать копеек им дали в виде сдачи или только три. Если бы мне так откровенно, так демонстративно не доверяли, я бы на месте кассира вряд ли удержался от соблазна подменить серебро на медь. Впрочем, это первое побуждение. А второе - более разумное: ну их, связываться. Но к инвалидам, которые так себя ведут, ничего, кроме брезгливой жалости, испытывать нельзя. В отношениях между людьми, а особенно в отношениях между инвалидами и здоровыми, должна преобладать презумпция доверия. Весь мой личный опыт убеждает меня, что никакой другой "политики" тут быть не может.

33. Обед.

- Точь-в-точь то же самое, что и в предыдущей записке, только вместо слова "завтрак" - слово "обед".

34. Ужин.

- Просьба дать ужин.

35. Поесть, что есть.

- Для буфетов. Просьба дать что-нибудь поесть. Все равно что, исходя из имеющегося ассортимента.

36. Обед в ресторане. - Дорогой друг, Пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Дайте мне, пожалуйста, обед по своему выбору. Питья, пожалуйста, два стакана (сока) или две бутылки (лимонада). Деньги при расчете возьмите из кошелька сами.

Здесь нет оговорки насчет "некогда", потому что записка подается официанту, которому не на кого переложить заботу обо мне. В ресторанах я бывал крайне редко и в прежние, отнюдь не благополучные времена, в основном если больше поесть было просто негде. Чаще всего такая авария случалась по вечерам: рестораны работали до одиннадцати, а обычные столовые - не позже чем до девяти. Засидишься иногда в читальном зале, ну и прозеваешь все сроки. Так что чаще всего бывала нужна записка:

37. Ресторанный ужин.

38. Кафе-мороженое.

- Тип записки тот же, что и для ресторанов: любое мороженое, коктейль, сок.

Это уже чистый каприз. По пути между институтом и метро знал одно такое заведение - "Космос", и изредка, как говорится, "с полочки", туда заходил. Надо же иногда и побаловать себя "вкусным снегом".

Все это, разумеется, устарело. Сейчас, как и такси, все такие заведения не по карману. Раньше-то в ресторане можно было поесть за три рубля, а сейчас это влетает в такую "копеечку", что и при полутора миллионах в месяц задумаешься. Мои же доходы, вместе с пенсией по инвалидности, сейчас, в апреле 1995, не дотягивают и до четырехсот тысяч. Какие уж тут рестораны... Да и раньше я жил один, мама была далеко, в Киргизии, а со второй половины восьмидесятых стала жить со мной. Надобность в каких бы то ни было забегаловках отпала. Все же сохраняю эти записки в тексте: другим, кого некому кормить, могут пригодиться не в ресторане, конечно, а в столовой по месту работы или еще какой, подешевле. Да и я не застрахован: еще не так давно мама уезжала к брату с сестрой в Смоленскую область иногда на несколько месяцев, а в мае 1994 года попала в больницу - кровоизлияние в мозг. Тогда я питался в столовой Московского УПП #10, где мне записки не были нужны, так как меня там неплохо узнали, научились общаться со мной. Это УПП совсем близко от моего дома. В крайнем случае можно перекусить и в других местах недалеко, но там не в пример дороже. То ли дело раньше: наберешь консервов, колбаски, сыра, хлеба, молока, - и никаких проблем.

Сейчас такой вариант питания, увы, не по карману...

39. Веник в баню. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Вот мой кошелек, мне надо купить банный веник. Если Вам некогда, попросите кого-нибудь другого помочь мне.

Попариться для меня не просто удовольствие, а и необходимость, хотя, увы, не часто удается. Раньше ездил обычно в Центральную баню, - привык еще со студенческих лет именно к ней, да и метро близко. И там рядом продавались веники. Частные, да и профессиональные нередко, продавцы - народ трусливый, чуть не лезли при встрече со мной под прилавок, забыв про свой товар, вот я и завел для них специальную записку. Зато веник давали самый драчливый!.. Сейчас, правда, обхожусь, - и билет в баню, даже с пятидесятипроцентной скидкой, не дешевенький...

40. Банный билет. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Мне нужен билет в высший разряд бани и талон на простыню. Деньги возьмите сами.

Это для Центральных бань, где я со студенческих лет только в высшем разряде и сориентировался. Билет туда стоил 60 копеек, простыня - 18. Эта записка подавалась в окошечко кассиру, поэтому в ней и нет просьбы, если некогда, договориться о помощи мне с кем-нибудь другим.

* * *

Теперь три пропущенные записки.

41. Разговорная. - Дорогой друг, пожалуйста, вчитайтесь. Я слепой и глухой. Говорить могу. Мне нужна Ваша помощь. Какая - скажу. А вы во всю мою правую ладонь чертите печатные буквы, как на вывесках. Прямо по ладони, пальцем или пишущим концом авторучки (карандаша). Так я Вас легко пойму. На ухо не кричите: это бесполезно.

Во всех предыдущих записках содержатся конкретные просьбы, выполнение которых не требует никаких разговоров, - просьбы предельно просты. "Разговорная" записка универсальная; пускается в ход в исключительно сложных случаях, когда мне надо получить какую-то информацию, а для этого сообщить людям способ обращения ко мне. Редакция этой записки очень важна. Текст записки не должен быть слишком сложным, чтобы его понял, как говорится, последний дурак. В то же время надо успокоить человека, подчеркнуть, что, если он в точности выполнит мою инструкцию, он будет понят без всяких затруднений. Сложнее всего преодолеть удивительно стойкий и распространенный предрассудок: раз глухой - надо орать погромче, на самое ухо, тогда поймет. Некоторые факты научной психологии следовало бы довести до обыденного сознания. Например, тот факт, что ощущать звук и понимать звуковую речь, различать звуки - совсем не одно и то же. Некоторые мои первые встречные обладают очень даже мощными голосовыми связками; орут так, что и мертвого оглушат, не то что меня. Но, само собой разумеется, от этого их речь не становится для меня понятнее, ибо понятность, если воспользоваться научным языком, - вовсе не функция громкости. Писать же пальцем никак не решаются. Для них, очевидно, это слишком непривычное, дикое применение пальца. Проще сорвать голос, чем написать хотя бы одну букву. Или готовы написать, но только не на ладони, а на бумаге, и суют мне эту бумагу, не осознав, очевидно, одновременность глухоты и слепоты. Увы, столь упорное непонимание ситуации нередко выводило меня из себя, я начинал торопиться, даже кричать, и тогда этот робот в человеческом обличье просто обращался в бегство. По моим наблюдениям, больше всего роботизированы чистые исполнители, функционеры, от кого на работе и вообще в жизни требуется меньше всего творчества. Школьников, начиная уже со второго класса, а так же студентов и интеллигентов отличает, как правило, способ-

ность довольно быстро осваиваться в необычной ситуации встречи со мной. Еще довольно сообразительны люди в погонах...

(Когда с человеком наконец удается разговориться, я интересуюсь характером преобладающего в его жизни труда. Поэтому так уверенно говорю, кто именно быстрее осваивается в ситуации общения со мной.)

Переход к письму по ладони несколько упрощается, если предлагать писать не пальцем, а неочиненным карандашом или напишущим концом авторучки. Это привычнее. Да и то нередко пытаются писать у меня на ладони пишущим концом, против чего я, конечно, протестую, ибо не знаю, каким мылом эти письмена потом смывать.

Был только один случай, когда в метро, направляясь домой, я позволил написать у себя на ладони, на какой именно автобус мне надо попасть после метро. Я вынужден был махнуть рукой на проблему мыла, потому что где-то забыл или обронил тетрадку с записками. Ситуация была такой: лишь бы добраться до дома, а там ладонь можно сдать хоть в химчистку.

Одну знакомую моей сестры, впервые меня увидевшую, битый час уговаривали писать у меня по ладони пальцем. Уже отчаялись: она все время отдергивала палец, как будто боялась обжечься. Наконец, я попросил неочиненный карандаш, и через несколько минут она стала писать вполне разборчиво. Для перехода с карандаша на палец понадобилось еще не более десяти минут.

Но это не последняя трудность. В записке ясно сказано, что писать нужно только печатными буквами, как на вывесках. Даже не писать, а чертить, во всю ладонь. Кажется, понятнее, чем в записке, и не сказать, а не доходит. Пытаются именно писать, а не чертить, и не печатными, а строчными буквами, да еще очень мелкими, да еще соединенными друг с другом. И зрячие-то, судя по многочисленным жалобам на почерк, еле-еле разбираются в этих узорах, а мне каково? Да еще в записке я забыл подчеркнуть, что писать надо только в пределах ладони, ни в коем разе не делать строчку, заезжая с кисти руки на предплечье, а то и на плечо. Ну, в следующих "изданиях" этой записки оговорю, а может, и нет. Записка и без того длинная, а чем длиннее, тем первая встречная бестолочь больше путается. Не делать строчку легче легкого попросить прямо в ходе общения, - лишь бы вообще начали писать... Важна и оговорка насчет правой ладони: для такого способа общения натренирована только она.левой ладонью понимаю гораздо хуже. Когда Эвальд Васильевич Ильенков учил меня понимать зрячие буквы ладонью, заодно впервые фактически и знакомя меня с ними, он, сославшись на опыт Ольги Ивановны Скороходовой, подсказал: положить левую руку на руку собеседника и контролировать его движения. На первых порах меня это выручило, а потом я так натренировался, что надобность в контроле отпала.

Если читатель помнит описанный в начале случай, когда я запутался на круглой площадке и насилу втолковал окружающим, как со мной разговаривать, то теперь добавлю, что втолковал я это именно с помощью "разговорной" записки. Конечно, предварительно пришлось показать плакатик. Очень выручила меня "разговорная" записка в тот кошмарный день, когда я не нашел сберкнижку на привычном месте, а в кармане у меня было всего три рубля, и попросить знакомых помочь я не мог, знакомых этих попросту рядом не случилось. Пришлось от начала до конца все делать самому. В сберкассе выяснилось, что нужно написать заявление об утере сберкнижки и с ним поехать в центральную районную кассу. Заявление мне написали, объяснили, на чем ехать и где выйти. Будь у меня побольше денег, я просто попросил бы посадить меня в такси, а там бы водитель нашел бы все, что надо. Но денег на такси не было, и приш-

лось ехать автобусом, выходить на указанной мне в сберкассе остановке, а потом с помощью целого ряда людей, сменяющих друг друга, искать эту проклятую центральную сберкасса. Адрес дали, как водится, не тот; спасибо и на том, что по этому адресу сберкасса все же была, хотя и не центральная. Оттуда послали в третью сберкасса, из третьей - в четвертую, и та наконец оказалась нужной. Затем мне оформили документ, разрешающий завести на меня новую сберкнижку, проводили на остановку автобуса, посадили на него, уже другие люди высадили на нужной остановке, и я пришел в первую сберкасса почти перед закрытием. Там, наконец, получил деньги, и еще едва успел зайти в ближайший продовольственный магазин, - продуктов дома не было. Неотложность всей этой беготни вызвана была тем, что все мои деньги по моей просьбе (чтобы не нужно было каждый месяц ездить далеко, за полтора часа в один конец, только ради получения зарплаты) перечисляли на сберкнижку, откуда я их и снимал, сколько мне надо. (С 1993 года этого удобного порядка нет: на книжку идет только пенсия, а за зарплатой приходится ездить, да еще с начала месяца каждый день с кем-то звонить, справляться по телефону, будут ли давать; За перечисление зарплаты банк стал драть безбожный процент, а она и так скудная, чтобы этот процент подарить "чужому дяде".) Можно было, конечно, залезть в долги, но этого я терпеть не могу. Надо ли говорить, что без "разговорной" записки мне из той ситуации было бы никак не выпутаться...

42. Разговорная для музыки.

- Эта записка почти такая же, как и предыдущая, но предназначена для покупки билетов на концерты, балеты и т.п.. Предназначена себе, что в кассу оперного театра просовывают записку, в которой, с одной стороны, содержится сообщение о полной глухоте владельца, а с другой - просьба продать билет на "Лебединое озеро" Чайковского. Мне даже трудно вообразить замешательство человека, к которому обратился бы с такой просьбой глухой... меломан. Поэтому в "разговорной для музыки" записке у меня сказано, что я совсем не понимаю звуковой речи, но любые звуки с помощью слухового аппарата ощущать могу, и очень люблю слушать через слуховой аппарат музыку. Все остальное точно так же, как и в обычной "разговорной" записке.

Несколько лет назад в продаже, в специализированном магазине для слепых "Рассвет", появились так называемые "алфавитки" - пластмассовые дощечки с брайлевским алфавитом на одной стороне, с крупным печатным алфавитом - на другой. Там, где брайлевский алфавит, сверху инструкция: перед вами слепоглухой, показывайте ему соответствующие буквы в алфавите (возле каждой брайлевской буквы - зрячая), и таким образом вы сможете с ним общаться. Теперь я постоянно ношу с собой эти алфавитки. Мои записки для меня лучше, но алфавитка помогает легче вступить в контакт, преодолеть первоначальный барьер. По-видимому, людей успокаивает явно промышленный, не кустарный вид алфавитки, ее спокойно берут в руки, читают инструкцию, убеждаются, что имеют дело со слепоглухим, а не с бандитом с большой дороги. После этого я переворачиваю алфавитку той стороной, где крупные зрячие буквы (она предназначена для слабовидящих глухих), и говорю, что лучше чертить такие же буквы пальцем по моей ладони, а не скакать по дощечке с буквы на букву, как по болоту с кочки на кочку. Контакт налаживается быстро. Говорят, речь у меня с 1986 года, когда снимался фильм "Прикосновение" и был написан первый вариант данной работы, стала более разборчивой, и нужную просьбу предъявляю устно. Но все же в шумных местах нужны и записки. Тем более они нужны людям с плохой речью. Это ведь у слепоглухих тренированный навык побуквенного восприятия

информации, а у зрячеслышащих такого навыка может и не быть, и им следить за пальцем слепоглухого, показывающим нужные буквы, может оказаться весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно. И если ничего чрезвычайного, просьба совершенно определенная, то лучше вместо алфавитки показать эту просьбу в виде записки.

Кроме того, полезно на улице всегда быть со слуховым аппаратом. Во-первых, он поможет услышать достаточно издали шум машины, большую магистраль. Во-вторых, услышать, если не понять, устное предложение помощи. Чаще всего, как я убедился, спрашивают: "Вам куда?" - люди, готовые проводить.

Обстановка на российских улицах становится все сложнее, и соответственно приходится упрощать мораль. Раньше я, как и все советские люди, стеснялся сойти за нищего, и без крайней необходимости не вытаскивал на свет ни плакатика, ни записок, ни алфавитки. Но теперь я пришел к выводу, что нужен какой-то постоянный бросающийся в глаза признак, выделяющий инвалида из толпы. В развитых странах существуют значки - такие пластмассовые прямоугольные таблички с крупной зрячей рельефной надписью, по слову в каждой строке: "Deaf and blind" ("Глухой и слепой"). Эти таблички прикалываются к одежде булавкой и носят, как значок. Мне пришлось убедиться, что нечто подобное необходимо и в России. Нужно разработать и выпустить в продажу серию значков, придумать какую-то эмблему слепоглухоты и под ней написать примерно следующее: "Я слепой и глухой. Мне нужна ваша помощь". Наиболее значимые слова - "слепой", "глухой", "ваша помощь" - должны быть выделены более крупным шрифтом по сравнению с остальным текстом. В США проведено исследование, как воспринимаются обращения слепоглухих за помощью зрячеслышащими встречными-поперечными, и сделан вывод, что эти обращения должны печататься тремя шрифтами: самое важное - самым крупным, менее важное - средним, и наименее важное - относительно мелким шрифтом. Этот психологический принцип должен быть соблюден и в российских значках для слепоглухих. Форма значка должна быть как можно более необычная, бросающаяся в глаза, - может быть, треугольная. Можно обойтись без эмблемы, но шрифтовые выделения должны быть обязательно. Хорошо бы, чтобы надпись фосфоресцировала в темноте, но в конце концов при необходимости ее можно как-то подсвечивать, да и нужна она бывает обычно в достаточно хорошо освещенных местах (в салоне пассажирского транспорта, в торговом зале...). Уж если обратят внимание и возьмут шефство в освещенном месте, то мой опыт показывает, что, как правило, уж не бросят до самого подъезда вашего дома.

Такой значок нужно носить на улице постоянно, не снимая ни в коем случае. Даже если вам помощь сейчас особо и не нужна, все равно не отказывайтесь. Во-первых, так безопаснее, а во-вторых, людей вообще надо приучать бросаться на помощь. Увы, сегодняшняя Россия прославилась на весь мир непробиваемым равнодушием уличной толпы, - пусть рядом хоть убивают, - все из подлого инстинкта самосохранения как раз вовремя ослепнут и оглохнут. А когда-то Россия славилась милосердием...

Наконец, последняя записка.

43. Адрес. - Я - Суворов Александр Васильевич, слепой и глухой. Мой почтовый адрес: Домашний телефон Телефон соседей, если дома никто не подойдет

С некоторых пор я стал чувствовать себя хуже, чем раньше. Иногда на улице случаются со мной внезапные головокружения. Сознания я еще ни разу не терял, но такую опасность исключать уже не приходится. Кроме того, всегда есть опасность особенно талантливо заблудиться, так что придется обращаться в милицию, где, конечно, понадобятся мои почтовые и

телефонные координаты. Впрочем, пока что я пользовался этой запиской просто как визитной карточкой: новому знакомому или на почте проще списать мои координаты, отпечатанные мною на зрячей машинке, чем возиться с моей диктовкой. Мало ли какой шум может быть в этот момент вокруг! Не все расслышишь.

* * *

Такова моя система постоянных записок, то есть таких, которыми приходится пользоваться многократно. Но всего в жизни не предусмотреть, и не во всех непредвиденных обстоятельствах уместна такая "тяжелая артиллерия", как "разговорная" записка. Сколько "разговорную" записку ни редактируй, а пользоваться ею из-за косности окружающих все-таки очень сложно, громоздко, и часто проще бывает заготовить временную записку, чем ловить за полу прохожих и учить их со мной разговаривать. Например, если мне нужно дать телеграмму, пишу, что слепой и глухой, хочу дать простую либо срочную телеграмму, изредка и молнию, а дальше - адреса и текст. Мне остается лишь протянуть эту записку телеграфисту вместе с деньгами и немного подождать, пока он все оформит, возьмет деньги и выдаст мне квитанцию. Или нужно идти в продовольственный либо другой какой магазин. Заранее печатаю на зрячей машинке список необходимых товаров, разыскиваю в магазине администратора, который по этому списку дает мне все, что есть.

Однажды мне нужно было навестить в подмосковном санатории бывшего директора Загорского детдома, Альвина Валентиновича Апраушева. У меня был адрес и номера автобусов, на которых ехать от станции после электрички, а также название остановки, где сойти. За мной заехал приятель, с которым мы договорились навестить Апраушева вместе, но у меня немного болела нога, и приятель меня "пожалел" - сбежал, чтобы я не тревожил зря ногу. Нигде не найдя его в квартире, я по имевшимся у меня данным быстро сделал несколько временных записок: одну - чтобы посадили на электричку, другую - чтобы высадили, третью - чтобы посадили на автобус, четвертую - чтобы высадили, - и без всяких приключений добрался до санатория сам. Приятель же для здоровья решил пройтись пешком, так что появился где-то часа через полтора после меня. Оправившись от шока, вызванного неожиданной встречей со мной, приятель только и мог сказать: -

- Да Вы, оказывается, из тех, кто в войну сбежали из госпиталей на фронт, не долечившись!

Текст временных записок примерно такой же, что и текст постоянных: просьба вчитаться, сообщение о слепоте и глухоте, просьба помочь, просьба, если самому некогда, договориться о помощи мне с кем-нибудь другим. Временная записка однократная, рассчитанная для использования только в данной, единичной ситуации; поэтому пишется на обычной тонкой, "зрячей" бумаге. Кроме того, временная записка чаще всего только одна, и брайлевская надпись на ней отсутствует за ненужностью. Если же, как в описанной поездке к Апраушеву, нужно несколько временных записок, я с помощью клавиши "точка" клавиатуры зрячей машинки выкальваю на обороте брайлевскую цифру - номер записки, и обычно в записках не путаюсь.

* * *

В заключение должен особо подчеркнуть, что проблему самостоятельности взрослых слепоглухих ни в коем случае нельзя сводить к проблеме разработки той или иной системы приемов, эту самостоятельность обеспечивающих. Хлопотать об одних только приемах самостоятельности - грубейшая ошибка, свидетельство полнейшего непонимания сути дела, о котором идет речь. Ибо главное - никакие не приемы самостоятельности, а

та личность, которая эти приемы разрабатывает и применяет. В конечном счете все зависит именно от личности слепоглухого, а не от остатков зрения и слуха и не от приемов самостоятельности.

Отсюда - прямой психолого-педагогический вывод: преподавание Социально-Бытовой Ориентации ни в коем случае нельзя отрывать от преподавания всех остальных учебных предметов. Мало этого. Социально-Бытовая Ориентация, то бишь самостоятельность взрослого слепоглухого - итог всего предшествующего становления его личности, как интеллектуально-эстетического, так и нравственного его развития, как обучения, так и воспитания. Чем выше уровень общего развития личности, тем выше возможности личности быть самостоятельной. Это - аксиома.

Не надо воображать, будто наши выпускники смогут жить вполне самостоятельно, если их сводить на экскурсию на почту или в магазин, или познакомить с планом города Сергиев Посад. Нет, если мы действительно хотим видеть их самостоятельными, мы должны прежде всего научить их вступать в общение буквально с первыми встречными людьми. А для этого у них должна быть разборчивая устная речь; они должны быть вежливы и терпеливы, им необходимо такое личное обаяние, которое внушало бы не жалость ("ах ты бедненький!"), но глубокое уважение ("вот это человек!"). Все это возможно лишь на фундаменте как можно более высокой общей культуры. Вместе с ними создать этот фундамент - вот наша, их старших друзей, сверхзадача, которой мы не вправе изменять даже в помыслах своих.

1 ноября 1986 - 3 января 1996

=====
"КУЛЬТУРА СЛЕПОГЛУХИХ"
=====
И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
=====

29 сентября - 3 октября 1989 года в Стокгольме проходила IV имени Элен Келлер всемирная конференция слепоглухих, От Советского Союза там были две делегации - официальная и альтернативная. Я был членом альтернативной делегации.

Мы привезли из Стокгольма много печатной информации на английском языке. Важнейшие материалы переведены на русский язык и перепечатаны рельефно-точечным шрифтом Луи Брайля (в дальнейшем буду писать, как принято у слепых, - "по Брайлю"). Центральное место среди этих материалов занимает большой доклад президента Американской Ассоциации слепоглухих Родерика Макдональда под неожиданным для советского читателя, во всяком случае для меня, заголовком: "Слепоглухота: возникающая культура".

Доклад очень интересен, дает много пищи для размышлений. Как сказал мне автор при встрече в Вашингтоне, он именно хотел заставить задуматься своих читателей, - инвалидов, НО в первую очередь здоровых, - над проблемами слепоглухих. Я сам слеп и глух; много пережил и передумал в связи со своим несчастьем. В своем докладе Р. Макдональд обращает внимание читателей на самые, пожалуй, типичные проблемы, встающие перед слепоглухими в их отношениях между собой и со зрячельщиками. Мне очень захотелось тоже поразмышлять над этими проблемами, пользуясь докладом Р. Макдональда как своего рода анкетой, где все эти проблемы не столько поставлены и решены, сколько перечислены (для международного форума надо ведь писать как можно короче; поневоле приходится ограничиться "тонкими намеками на толстые обстоятельства"). Писать я начал и еще до поездки в США, состоявшейся в январе 1990 года. Во время этой поездки мы встречались и с Родериком

Макдональдом, и с другими слепоглухими, и с их зрячеслышащими друзьями разного уровня - в основном учеными, педагогами и организаторами всевозможной помощи слепоглухим. Встречи эти позволили мне почувствовать, если не понять, истоки доклада Р. Макдональда, основных его идей. Особенно - истоки идеи, больше всего меня поразившей, - о якобы возникающей особой культуре слепоглухих. Я понял, что это господствующий в США подход к постановке и решению проблем инвалидов вообще, - подход, опирающийся не столько на какую-то концепцию, разработанную "яйцеголовыми" теоретиками, сколько на естественный гуманизм, побуждающий без особого мудрствования просить искать возможно более разнообразные способы практической помощи инвалидам. Благо у Американцев есть возможность буквально бросаться на помощь, без оглядки, - или не очень-то оглядываясь, - на своих родимых бюрократов, лишенных, слава богу, власти разрешать или запрещать помощь. Было бы желание и деньги - и кому хочешь делай добро, никого не спрашиваясь. Дело твое.

В общем, пока я был в США, полемический мой пыл приугас. Идея об особых инвалидных культурах мне осталась очень не по душе, зато по душе пришлись ее носители. Охота спорить пропала, но осталось желание доброжелательного, терпимого диалога. Как и мой собеседник Р. Макдональд, в диалоге этом я опираюсь главным образом на личный опыт, осмысленный в традициях освоенной мною философской, теоретической культуры.

Мне советовали сначала изложить аргументацию Р. Макдональда, а потом высказаться самому. Но я никогда не был охоч до чинного академического обмена монологами. Скучное, снотворное это занятие. Пусть будет естественная беседа. Чтобы не наврать как-нибудь при пересказе, я сделал подробные выписки из текста Р. Макдональда, - пусть он говорит сам, хотя бы в переводе на русский язык, неизбежном и при нашей личной встрече. Свои взгляды я тоже не намерен приберечь под конец, вроде камня за пазухой, дабы последнее слово оставить за собой, победоносно завершив "сражение". Мы не "сражаемся", а просто разговариваем, размышляем, и читателя приглашаем тоже поразмышлять. Никому ничего мы не думаем навязывать, никого ни в чем не хотим убедить. Хватит декларировать право на инакомыслие. Пора бы это святое право каждого просто молча, привычно реализовать...

* * *

Я всегда разделял и продолжаю разделять фундаментальное положение моего учителя, Эвальда Васильевича Ильенкова, который в письме ко мне от 12 августа 1974 года писал:

"Ты верно и остро понял, что проблемы, в которые ты уперся, абсолютно ничего специфического для слепоглухого не составляют. Не буду лицемерить и говорить, что зрение и слух - вообще маловажные вещи... Зная тебя, знаю, что сладеньких утешений ты не примешь, что ты к ним глух. Я понимаю, что слепоглухота не создает ни одной, пусть самой микроскопической, проблемы, которая не была бы всеобщей проблемой. Слепоглухота лишь обостряет их, - больше она не делает ничего".

Отсюда следует, что существует только одна - общечеловеческая - культура, то есть накопленный человечеством за всю его историю опыт решения всеобщих проблем.

Да, слепоглухота не создает особых "слепоглухих" проблем, но это не значит, что она не имеет вообще никакой специфики по сравнению с другими ситуациями, в которых людям приходится жить, - как экстремальными, так и нормальными. Специфика есть, и принципиальная. Да, нет таких проблем, которые стояли бы только перед слепоглухими, и ни перед кем больше. Но всеобщие, общечеловеческие проблемы встают в ситуации слепоглухоты принципиально иначе, не так, как у здо-

ровых, а именно - предельно остро, предельно болезненно, и потому - предельно "чисто", то есть четко, обнаженно-ясно.

При первом же чтении я пришел к выводу, что содержание доклада Р. Макдональда только терминологически противоречит тезису о всеобщности, общечеловечности, но вместе с тем специфичности постановки всех проблем, возникающих у слепоглухих. На самом деле речь у Р. Макдональда не об особой, "малой" культуре слепоглухих, а об уникальных особенностях, специфических модификациях поведения, вызванных необходимостью жить в жесткой ситуации слепоглухоты, и жить по возможности - полноценно.

Было бы крайним невежеством или узколобым догматизмом отрицать, что существует специфическая для слепоглухоты постановка всеобщих человеческих проблем, - постановка, порождающая уникальные особенности, специфические модификации поведения и всего образа жизни слепоглухих. От такого невежества и догматизма многих зрячеслышащих я сам немало страдал. Тяжело, когда тебя не понимают. Еще тяжелее, когда тебя и не хотят понимать, пытаются загнать твоё поведение в прокрустово ложе различных абстракций, таких, например, как абстракции "хорошего" и "плохого", "приличного" и "неприличного", причем самой "неприличной" оказывается попытка конкретно разобраться, для кого хорошо или прилично. "Вообще" хорошо, "вообще" прилично, "вообще" красиво, - и все тут, будь ласков с этим считаться, этому подчиняться. "Неприлично", видите ли, обращать на себя внимание зевак, - а потому в общественном транспорте молчи в тряпочку, или говори "потише", хотя, не слыша сам себя, ты очень затрудняешься регулировать громкость собственного голоса. В то время, как "люди" (окружающие), чьего внимания так стесняются, могут сами болтать или петь сколько угодно. Или "неприлично" вторгаться в разговор, - но почему-то считается вполне приличным оставлять слепоглухого в пустоте, игнорировать его присутствие при разговоре, весьма кстати для собственного удобства забывая народную мудрость: "Где больше двух, там говорят вслух", - то есть говорят для всех, в том числе и для присутствующего здесь инвалида, - глухого ли, слепоглухого. А когда оскорбленный инвалид лезет на стену, кричит, что он не слышит, нельзя же напротив об этом забывать, - иные зрячеслышащие реагируют на истерику инвалида иезуитскими рассуждениями о том, что никакой принципиальной разницы между глухим и слышащим не может быть, потому что не может быть у глухих специфических, только перед глухими встающих проблем... Чего же ты негодуешь? Ты такой же, как все, даже еще полноценнее иных полноценных в иных отношениях (обычно не уточняется, в каких именно), - вот и утешайся этим, сидя рядом с развеселой компанией без всякого перевода. И не будь эгоистом, не мешай нам веселиться!

Тут поневоле договоришься и до особой "культуры слепоглухих", лишь бы заметили твою специфическую постановку всеобщих проблем, лишь бы с этой спецификой заставить считаться.

Все это так. Все это мною самим испытано миллионы раз, от всего этого я сам страдаю всю жизнь. Потому и пишу обо всем этом с такой язвительной горечью. Сотни стихотворных строк, откровенно трагических до мечты о самоубийстве, посвящены у меня этому. И все же я убежден: не надо впадать в преувеличения. Все равно это не способ лечить людей от глупости и трусости. Да, и от трусости, ибо отрицание специфики слепоглухоты - это часто проявление малодушия. Это просто попытка при встрече с таким страшным несчастьем утешить себя тем, что, дескать, ничего особенного, "у них" все так же, как и "у нас". Отсюда неприлично бодрый тон иных газетных и журнальных публикаций, чуть ли не приглашающих читателя ос-

лепнуть и оглохнуть. Ничего, мол, страшного; музыку вы полноценно воспримете через вибрацию; речь тоже сможете считать с горла; и вы сможете читать по Брайлю сколько угодно художественной классики, за которой в плоскочечатном варианте безуспешно гоняются зрячие люди...

Говорить в таком тоне о слепоглухоте, как и о любом другом виде инвалидности, - все равно что отплясывать рок-н-рол на могиле. И после этого еще учить инвалида, что прилично, а что неприлично! Неудивительно, если инвалид, защищаясь от подобного отношения, пытается осознать себя как представителя особого "народа слепых", или "народа глухих", или "народа слепоглухих", или "народа паралитиков", - с особой, уникальной, никакому другому "народу" не свойственной "культурой". И находится много здоровых людей, которые такое "самосознание" инвалида всячески поддерживают из самых гуманных побуждений: Ну конечно же, ты в сущности не инвалид, а просто неповторимая индивидуальность; мало ли какие бывают у людей особенности; вот у тебя, подобно некоторым другим, такая особенность - глухота; Ну и что же, это не беда, а только особенность, вроде черного цвета кожи; в силу этой особенности ты не такой, как все; но ведь все мы не такие, как все; вот и будем просто приспосабливаться к своим и чужим особенностям, и никаких, ну ни малейших причин для трагедий...

На такого рода гуманизме, мне кажется, в США строится вся работа с инвалидами. Возможность самой широкой практики на основе такого гуманизма дает очень высокий уровень заботы об инвалидах. Делается буквально все для того, чтобы инвалиды были как можно самостоятельнее; не чувствовали себя обузой; как можно чаще были в состоянии душевного комфорта. Какой только ни придумывают техники! Как только ни изопряются методически, чтобы хоть чему-то научить даже самого безнадежного инвалида, даже глубоко умственно отсталого слепоглухонемого паралитика (бывают и такие кошмарные сочетания "дефектов")! Я не устаю восхищаться - не фантастической техникой для инвалидов, а изумительно добрыми людьми, посвятившими себя работе с инвалидами, бесконечно терпеливой и внимательной к самым, казалось бы, что ни на есть капризам, заботе о них. И все-таки - не чрезмерно ли внимание к специфике инвалидности? Нет ли неосознанной подмены целей всей работы, всей заботы? Стоит ли так уж безоговорочно признавать правомерность существования особого инвалидного мира, с особыми обычаями, нравами, словом - с особой культурой, - наряду с миром и культурой здоровых людей, здорового большинства человечества? Не ведет ли такая чрезмерная доброжелательность к миру инвалидов - к обособлению инвалидов от мира здоровых, вместо того, чтобы всячески включать инвалидов в этот мир? Не направлена ли вся забота, вся бесконечная доброты на групповую изоляцию инвалидов от остального общества, на всяческое поощрение их собственного стремления к своеобразному "коллективному одиночеству"? Между собой инвалидам проще, конечно, чем со здоровыми... Но ведь и здоровым проще между собой, чем с инвалидами. А проще - далеко не всегда лучше.

- Чего слепоглухие больше всего хотят и ждут от зрячелышащих? - спросил я у Артура Роэрига, слепоглухого руководителя помощи слепоглухим студентам Вашингтонского Университета глухих имени Галлаудета.

- Они хотят, чтобы зрячелышащие как можно чаще давали им встречаться с другими слепоглухими, возили бы слепоглухих друг к другу, - огорошил меня Артур.

А вот эпизод в Сан-Диего.

- Познакомься с глухой профессоршей калифорнийского университета Кэрл. Это самый известный в Америке специалист

по культуре глухих. - сказал мне Феликс Трофимович Михайлов, известный русский философ, тоже ездивший с нами в США.

Назвали груздем - полезай в кузов. Я с места в карьер спросил у Кэрл:

- Раз вы считаете, что у глухих особая культура, делаете ли вы отсюда тот вывод, что глухие - особый народ?

- Разумеется, - к полному моему замешательству подтвердила Кэрл.

То, что так поразило меня в работе Р. Макдональда, оказалось само собой разумеющимся, господствующим в США подходом к реабилитации инвалидов вообще. Кэрл не читала работы Р. Макдональда (я специально спросил у нее, читала ли), но полностью в беседе со мной воспроизвела его аргументацию, объясняя, почему считает глухих особым народом. Обратимся же, наконец, к этой аргументации. Мы вполне можем доверять Р. Макдональду, как полномочному представителю подхода к помощи инвалидам, господствующего не только в США, но, сколько могу судить по материалам Стокгольмской конференции, а так же по личным впечатлениям, в Швейцарии, Испании, Англии, Канаде, - во всей той части мира, которую мы в России привыкли называть просто "Западом".

* * *

Из всей работы Р. Макдональда я реагирую только на раздел "Возникающая культура". Он начинается следующими общими положениями:

"Среда играет главную роль в определении культуры и психологии личности. Слепоглухота, особенно если она наступает в раннем возрасте" (не уверен, что "особенно"; скорее наоборот - в позднем возрасте), "сильно меняет представления человека об окружающей его среде. Эти изменения понимают лишь слепоглухие, и никто больше".

А по-моему, такое самосознание свойственно только так называемым "высокоразвитым" слепоглухим, то есть достигшим уровня развития, сравнимого с уровнем развития здоровых людей. Причем сравнимого далеко не со "средним" уровнем здоровых, а значительно выше среднего. Эмпирический факт: среди "высокоразвитых" слепоглухих преобладают позднооглохшие, то есть потерявшие слух после того, как сформировалась и закрепились устная речь. Оговорка, что особенно сильно меняются представления у ранооглохших слепоглухих (и из-за ранней глухоты - немых), верна, по-моему, только с тем необходимым уточнением, что их представления меняются, как правило, в сторону искаженности, неадекватности. Причем эта неадекватность изначальная, первичная. Представления искажены потому, что правильные так и не удалось сформировать. В этих искаженных представлениях о мире отражается, выражается крайне низкий уровень общего развития ранооглохших, - проявляется, иными словами, глубокое недоразвитие, неполноценность личности.

Это горький факт, но это факт, каким бы "оскорбительным" он ни казался иным горе-"гуманистам". Куда оскорбительней - консервация неполноценности, недоразвития, - консервация на том основании, что каждый "полноценен в пределах" своей инвалидности (как и своего здоровья), что все, следовательно, полноценными рождаются, а раз рождаются, раз каждый из нас полноценен изначалью, то, естественно, не может быть и проблемы - стать полноценными.

Нет, полноценной личностью, то есть полноценным членом общества, каждый обязан стать! А слепоглухонемым с раннего возраста, увы, полноценными личностями стать не удастся (мне, как, вероятно, и Р. Макдональду, известно только одно исключение - Элен Келлер). Отсюда - вследствие изначальной неполноценности, - искаженность, неа-

декватность представлений рано оглохших слепоглухонемых, если у них вообще представления имеются.

Но есть и другие слепоглухие - "высокоразвитые", уж никак не немые, без всяких скидок полноценные члены общества, то есть полноценные личности. Их представления тоже могут быть не такими во многом, как у зрячеслышащих, - но не в силу практически полного отсутствия сколько-нибудь цельной картины мира, а в силу более четкого, точного, острого осознания своего положения в этом мире. И тут уж верно: никакой зрячеслышащий, ни с каким воображением, никогда не сможет осознать "извне" ситуацию слепоглухоты так, как сам слепоглухой в ней и у себя не осознавать ее "изнутри". Чтобы так осознавать эту ситуацию, надо быть внутри нее, надо быть слепоглухим. А этого мы, разумеется, не пожелаем и своим врагам, не то что своим зрячеслышащим друзьям. Самосознание слепоглухих, нормально развитых в отношении личностной полноценности, при всем иногда кричащем трагизме мужественно уже в силу того обстоятельства, что человек живет, согласен жить в этом кошмаре, - в ситуации слепоглухоты.

Я лично еще в студенческие годы понял, что ни один зрячеслышащий до конца моей беды не поймет именно потому, что он зрячеслышащий. А значит, не стоит сердиться, когда он из самых лучших побуждений пытается кроить меня, мое поведение, согласно своим зрячеслышащим меркам. Ценна сама попытка понять, именно кроить, а не кромсать в угоду собственному малодушию или просто удобству. За попытку понять - спасибо. Но никогда не стоит забывать, что, при всей общности наших проблем, мерки для их решения у нас, увы, разные. Ведь мерки эти определяются разными, слишком разными ситуациями: одни живут без зрения и слуха, а у других глаза и уши, к счастью, в полном (или хотя бы относительном) порядке.

Но дослушаем Р. Макдональда. Он хочет пояснить свою мысль, и, желая доказать существование особой культуры слепоглухих, доказывает, по-моему, именно различие "мерок", различие способов решения одних и тех же проблем слепоглухими и зрячеслышащими.

"Так, - поясняет Р. Макдональд, - некоторые системы поведения, обычаи и представления присущи лишь им одним" (слепоглухим), "и они являются основными доводами в нашей концепции о том, что отдельная культура слепоглухих действительно существует".

"Доводы" эти перечисляются ниже, а пока автор размышляет о том, что именно, по его мнению, мешает развитию особой культуры слепоглухих. Развитие всякой культуры тормозит разобщенность ее носителей, их изолированность друг от друга. Слепоглухие - ничуть не исключение из этого правила. Р. Макдональд как раз и говорит, что развитию их особой культуры мешает их разобщенность, их изолированность друг от друга. Если бы слепоглухие больше могли общаться между собой, их культура развивалась бы быстрее. Видимо, ежегодные всеамериканские конвенции слепоглухих, на которые приглашаются иностранные слепоглухие, собираются как раз с целью ускорить возникновение особой культуры слепоглухих.

Да, пожалуй. Между собой слепоглухим тоже не грех развивать отношения. Я чувствовал себя довольно-таки одиноко, вроде непонятого гения, пока не обнаружил многие свои заветные мысли в стокгольмских материалах, особенно вот в этой работе Р. Макдональда, и именно в разделе "возникающая культура". Но все-таки мне кажется, что для четкого осознания специфики слепоглухоты, того, что же такое слепоглухота и как с ней бороться, не так уж обязательно общение именно и главным образом со слепоглухими. У меня лично очень широкий круг общения, своих братьев по несчастью ничуть не избегаю, но всеми своими "открытиями" в области специфики сле-

поглухоты я все же обязан зрячеслышащим. Только им. Утверждаю это абсолютно честно.

Не то, чтобы они лучше меня знали, в чем мое счастье, совсем нет. Но они стимулировали и стимулируют работу моей мысли, - очень часто, увы, отрицательно, бестактностью своей стимулируют. Приходится напряженно думать, почему мне среди них так часто так плохо, неуютно жить. Имею в виду всех зрячеслышащих, все свои контакты с ними, в том числе массу случайных, на улице, на транспорте, в разного рода "общественных местах".

И вот чем дальше, тем больше убеждаюсь: если уж я страдаю от бестактности зрячеслышащих, то они, вероятно, ничуть не меньше страдают от моей бестактности. Мне ведь не легче их понять, влезть в их шкуру, чем им - в мою. У нас в стране, к концу перестройки, стало модно призывать к "милосердию", к благотворительной (прежде всего) помощи инвалидам со стороны здоровых. Меня эти призывы насторожили, пожалуй, больше всего своей односторонностью, вроде неразделенной любви. Я убежден, что человечность должна быть взаимной. Любовь - обязательно, а человечность, гуманность, тактичность, терпимость - обязательно. Плохо наше дело, если все это будет привилегией одних лишь "помогающих" нам, обслуживающих нас зрячеслышащих.

* * *

От общих предварительных замечаний Р. Макдональд перешел к перечислению конкретных особенностей поведения, вернее, особенностей образа жизни, слепоглухих. Особенности эти прослеживаются по следующим "измерениям":

1. Осязание.
2. Групповое общение.
3. Зависимость от переводчиков.
4. Затруднения в социальном общении.
5. Игры.
6. Классовые барьеры.
7. Сокращенный запас знаний.
8. Экономика.
9. Язык.

Следуя за нашим автором, попробуем разобраться с каждым пунктом отдельно. Напоминаю, что моя цель - не спор, не полемика, а "вариации на тему", то есть собственные раздумья на темы, как бы подсказанные Р. Макдональдом. Сначала, естественно, выписываю "подсказки", а потом - свое.

Итак, пункт первый - "Осязание".

"Тактильный контакт, который является обычным делом среди слепоглухих, - улыбается Р. Макдональд, - привел бы среди зрячеслышащих к искам по поводу оскорбления действием или по поводу гомосексуальных наклонностей обвиняемого. Что, например, подумает "статистически средняя" зрячая женщина, если слепоглухой мужчина попросит разрешения ощупать ее лицо? Однако такая просьба нисколько не удивит слепоглухую женщину, для которой осязание - единственный способ познавать окружающую среду. Конечно, есть примеры, когда слепоглухие мужчины (женщины) злоупотребляют этим, заходя дальше, чем это требуется для общения, однако процент таких людей в обществе слепоглухих ничуть не выше, чем в других культурах.

...Таким образом, слепоглухих часто отвергают совсем не по их вине. Это происходит от того, что осязание играет существенную роль в их культуре, а реакция широкой публики на это - отрицательная".

Недоразумений и правда хоть отбавляй, но я бы поостерегся придавать им такое уж большое значение. Если вести себя правильно, то есть очень осторожно, тактично, то реакция отталкивания на осязательный контакт исчезает уже в первые минуты общения, а может и вообще не возникнуть. Совсем ведь

необязательно сразу лезть к лицу. На первых порах - и вообще в большинстве случаев - достаточно контакта рук.

Я не берусь узнавать людей ни по рукам, ни по лицу, а если к лицу тянусь, то в основном для оценки эмоциональной реакции собеседника, - смеется он или стерильно серьезен. Характер ласки это носит у меня очень редко и очень избирательно, только с очень близкими людьми, особенно с детьми, которых я, как и все, глажу обычно "по шерстке", по головке, а никак не по лицу. Прикасаться к лицу можно только тогда, когда уже прочно установилась взаимная симпатия, и то в виде исключения. Среди моих знакомых есть немало людей, осязательный контакт с которыми я сам строжайше ограничиваю необходимым минимумом. Если они отважатся на инициативу, начнут, например, поглаживать мою руку в самом патетическом месте моей, обращенной к ним, всегда горячей речи, - то реакция отталкивания, и очень бурная, возникает уже у меня. Еще бы! Все мысли путаются, я "внезапно связь речей теряю" (Твардовский, "За далью - даль"), серьезно подозревая, что меня не слушали, а просто около меня грелись, как кошка возле печки. Это оскорбляет меня, что называется, в лучших моих чувствах.

Вообще, сводить осязательный контакт к одному лишь сексуальному компоненту, - это, конечно же, грубое упрощение. Общаются прежде всего люди, личности, а не сексуальные партнеры. И если возникает стойкая реакция отталкивания, то меньше всего на осязательный контакт, а больше всего - на личность (все равно, слепоглохого или зрячеслышащего). Вряд ли много найдется, скажем мягко, столь уж недалеких зрячеслышащих типа упомянутой Р. Макдональд "статистически средней женщины", которым надо объяснять, что для слепоглохого осязание - главный, если не единственный, источник образов. Это само собой понятно любому зрячеслышащему ребенку, с которым я имел дело, а если учесть случайные встречи на улицах, я имел дело с сотнями и тысячами детей. Из своего опыта самостоятельного хождения по улицам я вывел обобщение, что дети ориентируются относительно моей слепоглохоты гораздо быстрее, помогают мне гораздо охотнее, чем зрячеслышащие взрослые. Ребенок или подросток не убегает, не шарахается, как большинство взрослых, если я тяну к нему руку. Думаю, дело тут не в осязательном контакте самом по себе, а в системе привычек, стереотипов поведения, у взрослого сложившейся и часто косной до полного окостенения, до того, что все противоречащее заостенелому представлению отталкивается, отвергается как нереальное, невероятное, во всяком случае подозрительное и, возможно, опасное. У ребенка такого еще нет. В этом слабость ребенка, но в этом же - его сила по сравнению со взрослыми. В силу отсутствия или непрочности системы стереотипов ребенок более чуток, более восприимчив и отзывчив, быстрее ориентируется в ситуации, когда требуется его помощь, и оказывает эту помощь. Но ребенок доверчивее и может, конечно, пасть жертвой обмана.

Теоретически обман всегда возможен, мы все рискуем оказаться обманутыми. Особенно велик этот риск у детей и инвалидов. У детей - потому, что они еще житейски и вообще социально неопытны. У инвалидов - потому, что они беспомощны; прожить, рассчитывая только на себя, при всем желании не могут, - и просто вынуждены этой беспомощностью ориентироваться на честных людей, а не на мошенников; на помощь, а не на обман. Тем более, что эти ожидания, как правило, оправдываются. Я бывал жертвой обмана, - например, выманивания денег, - но это чрезвычайная, величайшая редкость, редчайшее исключение из правила, единичный случай, который ни в коем случае нельзя обобщать, возводить в закономерность. В огромном, подавляющем большинстве своем люди доверия не обманывают - и

доверия достойны. Утверждаю это со всей ответственностью, на основании многолетнего личного опыта. (Речь идет об элементарном доверии в элементарных, простейших ситуациях, типа помощи в переходе через дорогу или в посадке и высадке на общественном транспорте. В более сложных случаях нужна большая осторожность. Осторожным надо быть в сфере долговременных, а не случайных, мимолетных, эпизодических отношений; постоянные отношения у всех людей очень сложны; эмоциональные реакции на них крайне обострены. Поэтому тут нужна величайшая взаимная осторожность, деликатность, человечность. Тут не простейший, легко обнаруживаемый обман грозит, а чаще всего - настоящая трагедия взаимного самообмана, иллюзий, заблуждений на свой собственный счет и на счет друг друга. И если кто сунется без спросу, или даже по зову, развеивать эти иллюзии, вскрывать истину, - такого-то бестактного в своем наивном правдолюбии пророка и ненавидят больше всего. На таких в конце концов молятся, но не раньше их безвременной кончины. Ибо нет у большинства из нас ничего дороже наших иллюзий, искренне принимаемых нами за истину.)

Кстати, еще одно интересное наблюдение. Я заметил, что, кроме детей, еще более всего мне приходят на помощь люди в военной форме, с погонами. Они тоже не шарахаются, а берут протянутую руку. Это, видимо, потому, что их система стереотипов направлена на экстремальные ситуации. Им просто не положено смазывать пятки и кричать караул, если что не так. Они обязаны разобраться, что именно не так, привыкли разбираться и принимать надлежащие меры, а в итоге им ничего другого не остается, как посадить меня в нужный автобус или довести до нужного дома. Какие тут еще "примешь меры", если уж вник в ситуацию?..

Итак, я смею утверждать, что в случаях возникновения реакции отталкивания дело не в самом по себе осязательном контакте, а в сложившейся у данной личности системе привычек, стереотипов восприятия, воображения, мышления, эмоционального реагирования. Все мои новые знакомые, и взрослые, и дети, как правило, довольно быстро забывают о моей слепоглухоте и о том, что вступаю со мной в общение странным, необычным способом. Все новое на первых порах кажется диковатым. Естественно. Иначе не бывает.

* * *

Пункт второй - "Групповое общение". Р. Макдональд имеет в виду ситуацию, когда несколько человек по очереди слушают друг друга. Такое общение он считает недоступным для слепоглухого. Он говорит, что "для слепоглухих все общение сводится к диалоговому контакту, то есть к общению один на один. Это меняет основную природу человеческого взаимодействия".

Беда в том, что под монолог все спят одинаково - зрячелышащие так же, как и слепоглухие. В основе общения, сколько бы человек ни принимало в нем участия, всегда диалог, то есть активный обмен информацией, мыслями, чувствами. Диалог может быть скрытым, - при чтении работы Р. Макдональда, при прослушивании лекции, - но реакция слушателя, зрителя, читателя есть всегда, иначе все труды оратора или автора текста - прахом. Поэтому, если уж обобщать, я бы сказал, что общение слепоглухих, их "диалоговый контакт", обнаруживает, как ничто другое, диалогическую "природу человеческого взаимодействия", а вовсе не меняет эту природу. Если люди вообще между собой общаются, то это диалог и ничто другое. Ну, если быть особо педантичным и помнить, что по буквальному смыслу "диалог" - это беседа между двумя, то, когда собеседников больше, к их общению можно применить термин "полилог".

При зрительном и слуховом контакте диалог (полилог) не столь очевиден, как при контакте осязательном. Но если нет диалога (полилога), нет обмена, - тогда нет и общения. Мне

нравится забавляться такой несложной игрой. Кладу руки на плечи двух слышащих моих друзей, увлеченных разговором между собой и не обращающих на меня внимания. Пальцами касаюсь горла каждого. Чье горло вибрирует, тот, значит, и говорит. Много раз наблюдая таким образом за очередностью речей, я обнаружил, что никакой строгой очередности у слышащих нет. Говорить строго по очереди - это как раз наша, слепоглухих, привилегия. Дактильно, пальцами, одновременно оба собеседника не погалдят... А слышащие галдят оба сразу сплошь и рядом, пока решат, чья же очередь говорить, а чья слушать. Они постоянно перебивают друг друга. Когда один говорит, а второй норовит прорваться со своей ответной речью, какое-то, пусть самое небольшое, время они обязательно повибрируют одновременно. Галдеж - почти неизбежная промежуточная стадия между речью одного и ответной речью другого. Они не мирно передают друг другу "очередь" говорить и слушать, а борются за возможность говорить свое, отстаивать свое, настаивать на своем, - точь-в-точь как депутаты в российском парламенте, уже утомившие своих избирателей транслируемыми по телевизору склоками, вполне достойными по своему уровню перебранки домохозяйек на коммунальной кухне. Иногда начинается "встречный бой": оба собеседника (не депутата, а которых я "подслушиваю" через вибрацию их горлышек) упорно пытаются "завладеть трибуной", перебивают друг друга на полуслове несколько раз подряд, так что одновременная вибрация горл длится довольно долго. Жалко, у меня нет третьей и четвертой руки, а то бы я понаблюдал таким же способом за беседой трех или четырех слышащих. Наверное, картинка получилась бы еще смешнее, еще дальше от той чинной "очередности", которую Р. Макдональд считает почему-то характерной для "группового общения" слышащих. Но достаточно включить слуховой аппарат, чтобы убедиться, что, когда соберется несколько слышащих, очень часто в их общении в смысле чинной очередности полный кавардак, беспорядок, базар, галдеж. Мне трудно определить на слух так же четко, как и по вибрации горла, кто говорит, тот же человек или другой. Но уж когда говорит один, а когда взрывается сразу несколько голосов, этого я не перепутаю. И вот эти взрывы нескольких голосов происходят постоянно.

Есть русская пословица: "Где тонко, там и рвется". И еще: "У кого чего болит, тот про то и говорит". Я люблю слушать детский базар. Слуховой аппарат, правда, приходится держать на самой минимальной громкости: ор стоит - прямо головокружительный. Например, в столовой пионерского лагеря... Да и вообще в пионерском лагере тихо бывает разве что ночью, или когда вся дружина уйдет куда-то. А так - орут: иногда хором зовут кого-то (человек тридцать сразу, целый отряд, выкликают одно имя), а чаще болтают между собой одновременно, кто во что горазд, стараясь перекрыть всю толкучку в полтора раза человек. Десятки диалогов - одновременно. Полилог полилогов. Вот как обычно выглядит "Групповое общение" у слышащих. Они перебивают друг друга, мешают друг другу, вынуждены перекрикивать друг друга, - потому-то, думается, и агитируют так рьяно за строжайшую чинную очередность, устанавливают сами для себя (сами же нарушая) правила типа "закон песни" в пионерском лагере (если кто-то поет, нельзя в это время разговаривать, мешать пению своей болтовней). Не от хорошей жизни придумали слышащие одну из основных норм морали: "Перебивать невежливо, неприлично". Тут у них тонко и часто рвется, тут у них больное место, вот они и борются со всей страстью своих могучих голосовых связок за чинную академическую пристойность да очередность. И все равно соблюдать эту пристойность им удается только в конференц-залах, и то не всегда. А в повседневном общении между собой у них постоянно прорываются отголоски могучей, неуправляемой сти-

хии детского базара, одновременности множества диалогов.

Общение в принципе не может быть односторонним. Нет ничего неприятнее говорения в пустоту, и в ситуации слепоглухоты это особенно больно и явно. И напрасно иные (очень многие в моей практике) зрячеслышащие рассчитывают, что их невнимание останется незамеченным. Рассеянность легко обнаруживается по отсутствию реакции или по реакции невпопад. В таких случаях я лично сразу замолкаю. И спохватившемуся собеседнику нелегко бывает загладить неловкость, уговорить меня повторить сказанное. Обижают меня такие ситуации буквально до слез, и больше всего мне тогда хочется убежать, спрятаться, перегоревать одному. С такой, возможно, истерической реакцией мне самому нелегко справляться. Откровенное невнимание, основанное на недооценке моих возможностей контроля, настолько оскорбительно, что мне в таких случаях очень часто хочется немедленно умереть. И тогда пишутся стихи, пронизанные мечтой о самоубийстве:

Уронить себя с моста,
Да на рельсы - неспроста.
Потерять себя в лесу,
Чтобы некуда - слезу,
Чтобы не к кому - ходить
У могилы погрузить.
Сгинуть, чтобы у людей
Стерлась память побыстрей:
Не рождался я на свет,
Не было меня - как нет...

Чем больше живу, тем меньше стесняюсь таких "недозволенных" настроений. О них надо знать всем. О них надо писать с предельной откровенностью, как и обо всем, что есть, существует, - нравится вам это или нет. Жизнь надо знать такую, какова она есть. А "недозволенные" (ханжами или страусами, предпочитающими прятать голову под крыло) настроения - часть жизни. Если у человека возникает "недозволенное" желание умереть, надо разобраться, какое "недозволенное", недопустимое обращение с ним вызвало это желание. А может, он и сам недопустимый дурак... Такое тоже бывает, и даже, пожалуй, всего чаще.

* * *

Третий пункт - почти полная "зависимость от переводчиков". В некоторых странах, в том числе в Швеции и Канаде, существует платная служба переводчиков. Слов нет, квалифицированный перевод профессионального переводчика, живущего на оплату своих переводческих услуг, необходим очень многим и часто. Но такая необходимость, как замечает Р. Макдональд, "приводит к изоляции, большим расходам, неполному общению и во многих случаях враждебно зависимой связи с переводчиком".

Р. Макдональд бесстрастно отмечает факт. А я, почти всегда имевший добровольных, а не платных переводчиков, из числа своих друзей, а не из какой-то специальной фирмы, буквально проклиная фатальную необходимость перевода:

Все в мире - немо, глухо, слепо.
Ждать перевода - твой удел..
И - головой об стенку склепа:
Для смерти ты ведь не созрел.

Или вот концовка другого моего стихотворения:

Застыл ты в раздумье: да стоит ли жить,
Слова перевода скупого ловить?
Когда ж переводчик молчит "милосердно",
О смерти мечтать, как о счастье заветном.

Но и это - предельное обострение той проблемы, которая встает перед всяким иностранцем, не знающим языка данной страны. Всякая зависимость от всякого посредника - неприятна и нежелательна. Поэтому у себя дома, в России, я где только

можно отказываюсь от самого добровольного и добросовестного посредничества. С маленькими детьми хоть мячиком перебро- сишься - все лучше, чем постоянно спрашивать, что говорит и делает ребенок. С детьми постарше - сразишься в шахматы, в шашки, и очень стараешься - ПРОИГРАТЬ. Если это - россий- ские школьники, они, как и знающие русский язык взрослые, мо- гут выписывать по моей ладони заглавные зрячие буквы. Гро- моздко, но лучше, чем любое посредничество. Как хорошо ска- зал один мой друг: "Общаться через перевод - все равно, что нюхать цветы в противогазе". Можно, если захотят, обучить и дактильному (пальцевому) алфавиту. А за границей, особенно в Стокгольме, где почти все слепоглухие знали английский язык, я понял, что надо во что бы то ни стало овладеть этим языком хотя бы в той форме, в какой им пользуются слепоглухие. Но как можно меньше - посредничества, где только можно - без перевода!

По-моему, выход не в том, чтобы создавать особую "куль- туру слепоглухих", а в том, наоборот, чтобы совершенствовать личную общечеловеческую культуру, расширяя, в частности, личный арсенал средств общения. Иногда - буквально во что бы то ни стало, чего бы ни стоило. Полная же, фатальная зависи- мость от перевода - удел не всех, а только ленивых духом. Остается лишь повторить призыв русского поэта Н. Заболоцко- го: "Не позволяй душе лениться!" Это, пожалуй, формула уни- версального выхода из любых затруднений.

Совсем без перевода слепоглухому, конечно, никак не обойтись, но значительно ограничить сферу зависимости от пе- ревода - можно. Только надо работать!

* * *

Четвертый пункт - "Затруднения в социальном общении". Р. Макдональд имеет в виду проблемы этикета, возникающие у слепоглухих между собой и особенно со зрячеслышащими. Можно ли оставлять слепоглухого одного в какой-то компании, когда помощник сам увлекается разговором или игрой, а слепоглухому обещает все рассказать "потом", если вообще считает нужным что-то обещать?.. Нужно ли в гостях ждать, пока за стол ся- дут хозяева, или можно начинать есть, как только подадут еду?.. Р. Макдональд считает второе вполне допустимым. Еще он не советует заговаривать зубы слепоглухому за едой, - ру- ки ведь заняты, а слушать вас он может только руками.

Р. Макдональд советует: если слепоглухой чем-то занят, - например, читает, - надо коснуться "...его руки или плеча, и ждать, пока тот не дойдет до соответствующего места в кни- ге, прежде чем снимать руки с брайлевской страницы. Начиная разговор со слепоглухими, приличие требует, чтобы вы преде- тавились..." (Я обеими руками за эту рекомендацию Р. Макдо- нальда! Не выношу идиотской игры в узнавания!) "Нельзя без разрешения хозяина" (когда вы в гостях у слепоглухого) "хва- тать вещи и входить в спальню, открывать и закрывать двери в шкафах.

...Переставлять вещи в доме слепоглухого не следует..."

Несоблюдение всех этих "правил этикета" может достав- лять слепоглухому массу неприятностей, раздражать его так, что он прямо-таки лезет на стену. Я от всей души только что обругал игру в узнавания "идиотской". В основе ее лежит эле- ментарная бестактность, а так же дремучее невежество в об- ласти ориентировки без слуха и зрения. Среди зрячеслышащих гуляет такой предрассудок: зрячий узнаЕт человека "в лицо", слепой - "по голосу", а слепоглухой - "по рукам". Сами сле- поглухие подкрепляли этот предрассудок, то ли искренне не осознавая, как они на самом деле ориентируются, то ли поте- шаясь в душе над доверчивостью своих зрячеслышащих слушате- лей. А возможно и простое недоразумение: слепоглухой узнаЕт, может узнать по характерным движениям рук. Это, конечно,

можно назвать узнаванием "по рукам". Между тем зрячеслышащие обычно имеют в виду, что узнавать по рукам - значит запомнить особенности формы и кожи рук. В итоге меня часто лишали всякой возможности разобраться, кто передо мной, суя мне абсолютно неподвижную руку. Надо бы усвоить зрячеслышащим раз и навсегда: во-первых, по неподвижной руке узнать человека невозможно, за редчайшими исключениями; во-вторых, и по движущейся руке это сделать очень не просто; а в-третьих, должно быть само собой понятно, что требование "узнать" может причинять слепоглохому жестокую боль, напоминая ему о его слепоте и глухоте. Дело в том, что, чем выше уровень развития слепоглохого, тем тяжелее переживает он свою слепоглохоту. Смириться с ней невозможно. Можно только решиться жить, несмотря на нее, вопреки ей. Поэтому окружающие слепоглохого люди всегда обязаны учитывать его слепоглохоту в своем поведении, обязаны сами помнить о ней, чтобы как-нибудь лишний раз не напомнить ему. Это - требование элементарной человечности.

Требование это должно бы разумеется само собой, а между тем нарушается сплошь да рядом. И не только в случае с узнаванием. Абсолютно все правила приличия, перечисляемые Р. Макдональдом, вызваны к жизни систематической бестактностью. Нельзя хватать вещи и входить в спальню, открывать и закрывать двери в шкафах. Об этом приходится говорить потому, что очень часто хватают, входят, открывают и закрывают. Еще очень частая небрежность - оставлять открытой дверь в туалет или закрытой - на кухню, так что я, привыкший, что первая всегда закрыта, а вторая открыта, рискую врезаться и в ту, и в другую. Мне постоянно приходится напоминать об этом "пустяке", иногда не на шутку сердиться, но что-то мало толку... Не следует переставлять вещи в доме слепоглохого, - говорит Р. Макдональд. Все вроде бы знают об этом. Еще Д. Дидро обращал на это внимание в своем "Письме о слепых в назидание зрячим". Но вновь и вновь приходится повторять это устно и письменно, потому что вновь и вновь слепые и слепоглохие вынуждены искать свои вещи, переставленные без их ведома. А знали бы вы, как это огорчает, обижает, раздражает, наконец просто бесит! Я серьезно подозреваю, что одна из причин моей повышенной, уже явно болезненной, невротической, раздражительности - именно здесь. Я смертельно устал искать на кухне тряпку для вытирания столов и мытья посуды, куда-то исчезающую каждый раз, как обо мне позаботятся и вытрут стол за меня. То же самое происходит с тряпкой для мытья полов, и даже ведро для этого куда-то ухитряются засунуть. В итоге после того, как один раз кто-то обо мне подобным образом позаботится, я не могу в следующий раз, будучи один, позаботиться о себе сам. Беспечные мои помощники просто забывают, откуда они взяли вещь. Тогда надо бы спросить, куда ее положить. Нет, сами найдут ей место и уходят, а я потом ищу, потея от раздражения и обиды. И сердце мое грохочет в таких случаях где-то в горле. И вспыхнувшая тоска не проходит сутками. Так недолго и заболеть... Да не заболел ли уже - при такой-то обостренной реакции на "мелкие" неурядицы в быту?

И все-таки по большому счету дело тут вовсе не в соблюдении либо нарушении особых "правил этикета", а в вольном или невольном унижении человеческого достоинства. Я убежден, что проблема только здесь, и проблема глобальная, общечеловеческая, до отчаяния, до суицида обостряемая слепоглохотой. Об этой проблеме, только применительно к инвалидам вообще, хорошо говорит австралиец Арнольд Стиленс:

"Разница между мной и инвалидом, очевидно, в том, что я не инвалид, но насколько важна эта разница? Сначала рассмотрим, в чем мы похожи. Способности у нас одинаковы. У нас одинаковы инстинкты и желания" (не спрашивайте у меня, что

конкретно имеет в виду автор под способностями, инстинктами и желаниями, - знать не знаю и ведать не ведаю). "Мы равно хотим человеческого отношения к себе; уважения нашего человеческого достоинства; жить в обществе и пользоваться его благами; жить самостоятельно, иметь право выбора работы, даже право не справиться с этой работой" (Ого! Не потому ли мы разучились работать, что сталинский режим лишил нас этого права?), "и иметь возможность начать все сначала, конкурируя с другими на равных. Большинство из нас, независимо от того, инвалиды мы или нет, с ужасом думает о госпитализации или благотворительности.

Разница же состоит в том, что большинство людей с физическими или умственными недостатками имеет мало перспектив на реализацию этих желаний и интересов". (Из стокгольмских материалов "Мирсовские чтения".)

Вот эта малая перспективность жизни прежде всего и угнетает инвалидов, воспринимается ими как величайшая несправедливость, как попрание их законных человеческих прав, - короче, как унижение человеческого достоинства. И хотя никто персонально в этой несправедливости не виноват, Р. Макдональд абсолютно прав, говоря о необходимости соблюдения определенного "этикета", - о необходимости хотя бы элементарного такта, учитывающего инвалидность. Нельзя допускать бесцеремонность и тем более хамство на том основании, что у здоровых и инвалидов одинаковые человеческие права. Инвалидам осуществлять свои права существенно труднее, и не торговаться с ними надо по поводу "равноправия", а помогать им, осуществляя равные права совместно. О трудностях инвалида здоровый человек обязан знать и помнить, а зная и помня - обязан думать над своим поведением, чтобы даже случайно эти трудности не усугубить, не причинить лишней боли, - короче, чтобы не унижить человека.

Очень страдала от описанной бестактности Ольга Ивановна Скороходова. В своей книге она рассказывает о подруге, постоянно в квартире слепоглухой женщины "наводившей свой порядок". Любую мелочь приходилось подолгу и безрезультатно искать. Ольга Ивановна, человек исключительно скромный и деликатный, терпеть не могла хотя бы намеков на какие-то "скидки", учитывающие слепоглухоту. Но тут не выдержала: попросила подружку все же помнить, что она не видит и не может после набегов этой подружки восстанавливать свой порядок. Реакция была просто хамской, которую Ольга Ивановна мягко назвала "легкомысленной": а ты, дескать, привыкай к моим привычкам, к моему порядку. Резонно спросить, с какой это стати глубокий инвалид должен приспосабливаться к капризам вполне здоровой идиотки? Не логичнее ли наоборот?

Само собой разумеется, что инвалид не вправе спекулировать на собственной беспомощности, превращая здорового человека в некий обслуживающий автомат. Уважение равных прав, такт, человечность могут и должны быть только взаимными. Инвалид обязан в свою очередь знать и помнить, что необходимость "возиться" с ним, совместно осуществляя равные права, тоже создает здоровому дополнительные трудности, которые не каждый захочет преодолевать даже за деньги, не то что добровольно. Инвалид не меньше, а, пожалуй, даже больше здорового обязан думать над своим поведением, ни в коем случае не позволяя себе инвалидного хамства и барства.

Предположим, слепоглухой живет один, и вынужден обращаться за помощью к соседям, живущим в квартирах рядом. Прежде всего, он не вправе ничего требовать, а может лишь вежливо просить: "Не могли бы вы?.." Если соседи за столом, и его к столу не приглашают, - надо немедленно выйти в другую комнату и там спокойно дожидаться, пока освободятся хозяйка. Недопустимо досаждать пустопорожними разговорами, отры-

вая людей от своих дел просто потому, что тебе приспичило пообщаться "просто так". Желание общения "просто так" - несомненно законное, но обязательно надо спросить, насколько человек свободен, может ли, хочет ли он отдохнуть вместе с тобой.

Вообще, "культура вместежителства" обязательно предполагает культуру, то есть умение и потребность, - уединяться; предполагает готовность в любой момент самому себя занять, ни к кому не приставая. Поскольку инвалид не всегда может уединяться физически, он тем более должен уметь делать это внутренне, хотя бы думать о своем, отключиться на себя. (Я, например, отключаюсь на чтение, слушание музыки через слуховой аппарат, ведение рабочих записей, а иногда и сочинение стихов. С собой у меня всегда "переносной набор занятий", - например, книга, шахматы, письменные принадлежности, плеер с кассетой, - словом, набор, позволяющий мне не скучать, когда окружающим не до меня. Вот почему я никогда не расстаюсь с сумкой или маленьким рюкзаком.)

На культурное уединение способен далеко не каждый инвалид, как, впрочем, и не каждый здоровый. Но это объясняется, конечно же, уровнем общей культуры тех и других, степенью, я бы сказал, "пропитанности", проникнутости духовной культурой всего человечества, а не какой-то ничтожной его части (слепоглохих, паралитиков и т.п.). Опять-таки выходит, что нужна не особая инвалидная "культура", а конкретизация общечеловеческих принципов и ценностей применительно к ситуациям инвалидности и взаимоотношений инвалидов со здоровыми. Подлинная духовность на все человечество одна, и только поэтому - своя у каждого нормально развитого человека, уж там инвалида или нет.

* * *

Пункт пятый - игры. Здесь Р. Макдональд констатирует, что слепоглохим недоступны зрелищные виды игр и спорта, а доступны либо сидячие (настольные, карточные), либо совместные (езда на тандеме). Могут слепоглохие интересоваться и недоступными видами спорта, - например, футболом, - но это абстрактный, отвлеченный интерес.

Констатация факта - это одновременно постановка проблемы. Проблема же, по-моему, заключается в том, как расширить ассортимент игр, доступных слепоглохим. Особенно это важно для детей.

В течение ряда лет в России делаются попытки наладить общение слепоглохих ребятшек со здоровыми. С этой целью детей из Сергиев-Посадского Реабилитационного Центра слепоглохих стали вывозить сначала в обычные пионерские лагеря, а позже - в лагеря общения Детского Ордена Милосердия. Первая такая поездка была в августе 1988 года. Я - один из инициаторов этой работы, и к большой своей радости я убедился, что начать эту работу было в нашей власти, а вот приостановить, не то что прекратить - мы не имеем права. Ребята рвались в лагерь. Их остро интересовала летняя перспектива, и они буквально не давали мне проходу вопросами, когда - в лагерь, куда - в лагерь. Дело это уже вошло в повседневность. От чисто организационных проблем, с этими поездками связанных, я давно устранился. Их сподручнее решать зрячеслышащим официальным лицам. А я просто по мере возможности езжу в лагерь, и там общаюсь с ребятами, независимо от того, кто из них какой инвалид или, слава богу, относительно здоров. Развернулось довольно широкое всероссийское движение детского милосердия, ставшее одной из программ Центрального Совета Союза Пионерских Организаций - Федерации Детских Организаций; в Центральном Совете эту работу курирует замечательный энтузиаст - Галина Владимировна Никанорова. Организуются лагеря

общения, инструктивные сборы, конференции по обмену опытом - на местном и федеральном уровнях. Все это позволяет очень быстро накопить большой опыт, разработать принципы совместной (официально ее чаще называют "социальной") педагогики, - принципы, несоблюдение которых превратило бы в преступную авантюру любую попытку объединить здоровых и больных ребят-шек.

В течение учебного года к слепоглухим ребятам уже давно ездят московские школьники и студенты, причем это все более и более юный народ. В разное время это были комсомольцы (студенты, молодые рабочие) из Строительно-Педагогического Объединения "Радуга" (руководитель - Андрей Андреевич Савельев; эта организация существует и сейчас, спектр ее деятельности широчайший, но слепоглухонемых детишек там не забывают и все, что можно, для них делают; для члена "Радуги", большого моего друга Ирины Владимировны Саломатиной, работа с этими ребятами стала профессией); Школьники и студенты из Ростовского коммунарского отряда "ЭТО" ('Эстетика, Творчество, Общение); Московские школьники из отряда "Лосинка", являвшегося частью "Радуги"; московский же разновозрастный отряд "Контакт"; Сейчас наиболее регулярно в Сергиев Посад ездят ребята из объединения "Эхо", участвующего в движении "Детский Орден Милосердия" (руководитель "Эха" - Дмитрий Бреславский).

Так вот, самая большая наша проблема - содержание общения между слепоглухими и зрячеслышащими ребятами. И тут невозможно переоценить роль игрового контакта. Игра - ведущая форма деятельности, в которой происходит личностное развитие ребят. Но у слепоглухих детей игровая деятельность либо вообще отсутствует, либо находится в зачаточном состоянии, что сказывается на общем развитии самым катастрофическим образом. Во что же, однако, с ними играть?

Надо смелее переделывать, приспособливать существующие "зрячеслышащие" игры. В первую очередь нужны индивидуальные (для небольшого количества участников, особенно для двух) ролевые игры. Нужны подвижные игры с правилами, тоже рассчитанные на небольшое количество участников. Нужно как можно больше всевозможных головоломок и конструкторов. Я мечтаю о том, чтобы одним из основных направлений психолого-педагогической работы были именно совместные игры слепоглухих и зрячеслышащих детей. Тогда у нас было бы больше зрячеслышащих ребят среднего, а еще лучше младшего школьного возраста. Я не уверен, что игровая деятельность - ведущая только у дошкольников, как в советской научной психологии считалось долгое время. Многие наши затруднения со школьниками, особенно в области формирования мотивационной сферы личности, возможно, связаны как раз с недооценкой роли игры, с преждевременным свертыванием игровой деятельности. В лагере ведь ребята, в сущности, только и делают, что играют. Это не те игры, конечно, которые у дошкольников, но это игры, и ребята относятся к ним со страстью, очень серьезно, как к серьезному делу, а не развлечению. И - убежден - правы в таком своем отношении к игре. В этом их поддерживают лучшие мыслители человечества, такие, как Фридрих Шиллер и Карл Маркс.

Маркс в "Капитале" мечтает о том, чтобы люди могли наслаждаться трудом как игрой физических и интеллектуальных сил. На эту мысль Маркса стоит обратить самое пристальное внимание, обсуждая вопрос об отношении труда и игры. Труд и игра могут слиться в одно, могут совершенно совпасть, и результат этого совпадения К. Маркс и Ф. Энгельс еще в "Немецкой идеологии" назвали "самодеятельностью", в отличие от вынужденного труда и от игры как развлечения.

Для Шиллера творчество - не что иное, как высшие формы игры. Игра, по сути дела, в высших своих формах совпадает с

трудом как первой потребностью гармонично развитого человека. Да и каким образом труд может стать первой потребностью, если он противопоставляется игре как нечто вынужденное или вообще принудительное? Потребностью может быть только то, чего хочется. Чтобы труд стал потребностью, он должен быть игрой всех физических и интеллектуальных сил. Так я понял К. Маркса, когда специально изучал его взгляды по этому вопросу. Сейчас пишу об этом очень бегло, но у меня есть рукопись, где все подкреплено цитатно, в сопоставлении, как это ни странно может показаться, с соответствующей работой Ф. Шиллера.

Убежден, что возможны и жизненны массовые игры слепоглухих и здоровых детей. Только они не должны носить зрелищного характера. Участниками должны быть все поголовно. К разработке таких игр надо привлекать детские культурные учреждения - театры юного зрителя, цирки, центры детского и юношеского творчества, детские секции клубов, домов и дворцов культуры. Разумеется, при условии, что в этих учреждениях будут живые, то есть умные и добрые взрослые, а не чиновники. Пока это все только идея, общий замысел, до реализации которого путь не близкий, но уже есть с кем по этому пути двигаться. Это мои друзья, дети и взрослые, так или иначе причастные к совместной педагогике, то есть к целенаправленной организации содержательного и доброго общения здоровых и больных детей.

Если удастся по-настоящему наладить игровую деятельность детей-инвалидов, особенно слепоглухих, почти начисто игры лишенных, то это приведет к резкому росту творческого потенциала и взрослых инвалидов. Игра ведь, особенно ролевая - это предтворчество. И я согласен с Ф. Шиллером, что творчество - результат развития игры, в сущности - ее высшая форма.

* * *

Пункт шестой - "Классовые барьеры".

Будучи марксистом, я привык говорить о классах во всемирно-историческом масштабе. Мне понятно и привычно словосочетание: "Классовое расслоение общества". Но какое такое классовое расслоение возможно среди инвалидов? Что между слепоглухими за "классовые барьеры"?

Никакого, во всяком случае прямого, политического содержания в термин "классы" Р. Макдональд не вкладывает. Для него классы - результат классификации, то есть сортировки, группировки любого материала по любым признакам, - классификации принципиально такой же, как, скажем, в гербарии или коллекции минералов. Он пишет, что "классы образуются в силу таких переменных, как экономические условия, образование, религия, общественный или должностной статус". Получается, что какая-нибудь религиозная секта - класс, и чиновники одного ведомства и одного ранга - тоже класс. То есть класс - это любая более или менее постоянная группа людей, чем бы то ни было, хоть одинаковой инвалидностью, друг на друга похожих. Получается смешная матрешка классификаций: класс людей подразделяется, например, на классы здоровых и инвалидов; класс инвалидов - на классы слепых, глухих, слепоглухих и так далее до тех пор, пока отдельным "классом" не оказывается каждый отдельный человек. Какие же классы выделяет Р. Макдональд в "классе слепоглухих"?

"В малой культуре слепоглухих, - пишет он, - отдельные группировки образуются по таким факторам, как степень владения английским" (я бы уточнил - любым словесным) "языком, свободное владение национальной кинетической речью и другими способами общения. И поскольку численность населения в этой культуре невелика, классовые различия в ней менее значитель-

ны, чем в других культурах".

Сейчас безразлично, классы это или не классы с других теоретических позиций, в другой, например марксистской, терминологической традиции. Сейчас важно, что в непривычных, странных, может быть, даже смешных для марксиста терминах, речь идет о вещах очень серьезных, о различиях весьма существенных.

Английский язык - язык международного общения, в том числе слепоглухих. Материалы всех международных конференций слепоглухих - именно на английском языке; международные издания по проблемам слепоглухих - тоже. Знание английского языка равнозначно поэтому возможности общественной деятельности на международном уровне. Свободно владеющие английским языком слепоглухие составляют, пожалуй, самую элитную группу, с самыми широкими возможностями для общего личностного развития и для общественной деятельности. У нас до последнего времени считалось, что слепоглухому владеть иностранным языком - ненужная роскошь, дай бог и русским-то как следует овладеть. А на западе одна из распространенных профессий у высокообразованных слепоглухих - как раз профессия переводчика. В Стокгольме один слепоглухой полиглот рассказывал, что каждое утро он учит по сто слов, вечером их повторяет, а через небольшое время уже может на этом языке читать. В мире существует группа хорошо знающих друг друга слепоглухих общественных деятелей международного класса. У нас таких еще не было. В Мадриде, а еще больше в Стокгольме и США я горько пожалел, что в студенческую пору элементарно поленился овладеть английским языком.

В каждой стране среди слепоглухих, также как и глухих, интеллектуальную элиту составляют те, кто владеет национальным словесным языком (русским, японским, немецким и так далее) совершенно свободно, как в устной, так и в письменной форме (по Брайлю, "по-зрячему" и тактильно). Более многочисленная группа, представители которой преобладают во всех странах среди слепоглухих и глухих - это владеющие, во всяком случае свободно, только языком жестов. (В США различают два языка - жестовый и знаковый. Как я понял, жесты, по мнению американцев - это скорее не язык, а просто набор сигнальных движений, имитирующих форму или способ употребления предметов. Знаковый язык - это сложная, весьма разработанная система движений, ничуть не похожих, как и слова, на то, что они обозначают. Словарь жестового языка русских глухих занимает четыре тома. Это и есть то, что в Америке называют знаковым языком или кинетической речью, то есть языком движений.) Наконец, в каждой стране есть и совсем обездоленные глухие и слепоглухие, в силу глубокой задержки общего развития и тяжелой умственной отсталости не овладевшие никакими средствами общения, кроме самых примитивных жестов, а иногда и абсолютно никакими.

Но расслоение на эти группы лишь на самый поверхностный взгляд можно объяснить тем, какими средствами общения свободно владеют их представители. На самом деле причина расслоения глубже - в большей или меньшей степени владения общечеловеческой культурой. "Элитой" оказываются люди, полностью преодолевшие самое страшное следствие слепоглухоты - изоляцию от общечеловеческой культуры; люди, ставшие полноценными ее носителями и представителями, а значит полноправными личностями. Они такие же люди, как и все остальные нормальные представители рода человеческого, - только живут в более трудных условиях. Все их особенности объясняются этой затрудненностью жизни среди нормальных людей. Да и сами эти особенности возникли не в процессе образования какой-то особой "малой культуры", а, как раз наоборот, благодаря стремлению возможно полнее слиться, объединиться со всеми другими

представителями общечеловеческой культуры. У "жестовиков", то есть владеющих свободно только кинетической речью, действительно существует, кажется, некая особая "культура" - крайне примитивная. Примерно как у сохранившихся первобытных племен на крайнем севере или в тропиках. "Словесников" же, свободно владеющих национальным и, тем более, международным словесным языком, специальные алфавиты не отделяют, а объединяют со всеми членами общества. Для полноценного индивидуального, один на один, контакта у "словесников" никаких препятствий нет. В этой области ни о каких "барьерах" всерьез говорить не приходится. И культура у "словесников", повторяю, со всеми общая.

Но именно эта общность культуры может поставить такие проблемы с такими барьерами, какие до сих пор, на более низких уровнях развития, не могли присниться ни в каком кошмаре. Кому и насколько верить? С кем и насколько быть искренними, правдивыми? С кем сближаться без каких-либо ограничений, а от кого и насколько держаться подальше? К какой группе принадлежать, с какими группами соблюдать доброжелательную осторожность, а какие группы лучше вообще избегать?

Вырвавшись на простор широкого общения с десятками и сотнями людей, самостоятельно или под давлением отстаивающих самые неожиданные подчас интересы, каждый человек, независимо от состояния здоровья, уж там инвалид или нет, оказывается перед тяжелой проблемой выбора. Это проблема выбора барьеров: какие перед кем возводить, и возводить ли вообще, поверив и доверившись безоговорочно? И можно ли безоговорочно верить хоть одному человеку, - даже самому себе? Возможна ли независимость чувства, мысли и действия, и как ее обеспечить, не обрекая себя на сверхнедоверчивость, а значит - на одиночество?

Если можешь, имеешь возможность выбирать - ты свободная, полноценная личность, принимающая решения и действующая в согласии с внутренним ощущением правоты, а не под чьим-то нажимом. Ощущение правоты может подвести, но это - твоя ошибка, и только ты за нее в ответе, никто кроме тебя. Хотя расплачиваться за твою ошибку приходится и другим, связанным с тобой людям, которых тем больше, чем крупнее масштаб, размах твоей деятельности, твоей личности. Это тяжело. Легче и спокойней передоверить решение, выбор кому-то другому. Не решать самому, а кого-то слушаться, высокомерно при этом гавкая на непослушных, обзывая их дураками. Но... Либо быть послушной марионеткой, либо - личностью. На словах согласны все, что личностью быть лучше, а на деле в сложных ситуациях предпочитают роль марионеток, ибо личностью быть не только лучше, - несравнимо труднее.

Но если всем трудно быть личностью, то насколько же труднее быть личностью в условиях слепоглухоты?! При абсолютной, по существу, физической зависимости от окружающих надо ухитриться не просто сохранить, а создать, даже завоевать, независимость мыслей, чувств и, самое главное, действий, - независимость реально осуществляемого образа жизни.

Всем трудно противостоять нажиму противоречивых мнений окружающих. Слепоглухому противостоять нажиму еще труднее, почти невозможно. Все желают мне добра, все говорят, что они - видят - ситуацию и поэтому их надо слушаться - фактически отказывая мне, как слепоглухому, не могущему в принципе - видеть - ситуацию, в праве на самостоятельность. Но "видят" - то мои доброжелатели одну и ту же ситуацию по-разному - буквально кто в лес, кто по дрова. Кого же мне слушаться?

Предпочел бы - никого. Выслушивать всех, а слушаться - только голоса собственной совести. Но сколько же людей именно за стремление жить по своей совести обзывают меня - бессовестным, предателем лучших своих друзей! И впрямь: послу-

шаю одних - соглашусь; послушаю их противников - тоже соглашусь; окончательно же присоединюсь к третьим, или вообще ни к кому. А первые-то и вторые уже отпраздновали мое с ними согласие, решив наивно, что убедили меня в своей правоте, завоевали на свою сторону. Неудивительно, что обвиняют в предательстве... Всем очень хочется меня убедить, всем кажется, что уже убедили, а на самом деле я еще "перевариваю информацию". "Переварив" - решаю. Довольно часто, узнав что-то новое или переосмыслив старое, меняю свои решения. Ах я бессовестный! Ах я всеобщий предатель!..

А мне бы - только бы себя, свою совесть не предать.

Если бы все вокруг меня довольствовались ролью референтов, не навязывали бы своих мнений, не торопили бы с решением, с кем же, на чьей же я стороне в конце-то концов!..

А, собственно, с каких это пор и почему людям так важно, что именно я решу, с кем буду, а с кем и в чем не буду сотрудничать? Не потому ли, что мне в какой-то мере удастся таки невозможное - быть личностью в условиях слепоглухоты?..

Во всяком случае, нет у меня более постоянной, острой, трудноразрешимой проблемы, чем проблема барьеров, - не "классовых", правда, а просто межличностных. Проблема выбора друзей и сотрудников. Проблема выбора своей группы, а значит, более или менее полного отмежевания от других групп (это неизбежно: не могут все, далеко не всегда мирно сосуществующие, группы быть одинаково "своими"). Проблема ориентировки в отношениях между людьми, между их сплошь и рядом либо неясными (нередко самим носителям), либо противоположными интересами.

Это - общечеловеческая проблема, для слепоглохого особенно важная. Ее решение может привести к разработке особых, особо эффективных способов ориентировки при вечном дефиците информации. Способов, за которые, пожалуй, сказали бы нам "спасибо" и зрячеслышащие. Ибо специфика возможна только на общечеловеческой основе.

* * *

Пункт седьмой - "Сокращенный запас знаний". "Так как слепоглухота является серьезным препятствием на пути к образованию и общению, - пишет Р. Макдональд, - большинство людей данной категории не могут получить огромный объем общей информации, который легко доступен другим. В результате их беседы концентрируются вокруг новостей в жизни друг друга, социального взаимодействия, а так же вокруг таких извечных тем, как пища, погода, хождение по магазинам, специальные средства и аппараты, используемые слепоглухими".

Что верно, то верно. Точно так же дело обстоит и в России, и, очевидно, во всем мире. Но должен сказать, что приблизительно на таком же уровне общается огромное большинство зрячеслышащих. С "огромным объемом общей информации" им явно нечего делать; при всей доступности этого объема он им явно не нужен, а может быть, и в том дело, что овладеть этим объемом все-таки стоит немало труда; во всяком случае, общая культура огромного большинства зрячеслышащих остается на довольно-таки низком, подчас прямо-таки примитивном уровне. Рассуждения путанные, обобщения беспомощные, но тем сильнее самодовольный, наглый нахрап и демагогия, маскирующие внутреннюю неуверенность в себе.

Еще две с половиной тысячи лет назад древнегреческий философ Гераклит изрек, что "многознание уму не научает". Дело не в количестве информации, а в качестве культуры. Иначе получается с "огромным запасом информации", как в известной сказке А. Милна о Винни-Пухе. Когда случилось наводнение, Винни-Пух решил спастись с помощью бочонка из-под меда. Некоторое время Винни-Пух и бочонок из-под меда никак не могли решить, кому из них быть сверху: то ли Винни-Пуху -

над бочонком, то ли бочонку - над Винни-Пухом. Так и с общей информацией любого объема: то ли человек оказывается во власти общей информации, то ли общая информация - под властью человека. Чья возьмет...

Серьезным препятствием к образованию и общению является не сама по себе слепоглухота, а тот исторически возникший непреложный факт, что и образование, и общение традиционно осуществляются с помощью нормальных зрения и слуха. Я лично с удивлением обнаружил у себя несколько лет назад вполне достаточную эрудицию, чтобы ответить на любой вопрос ребенка и многие вопросы взрослых, в том числе огромного большинства окружающих меня зрячеслышащих; вполне достаточное бесстрашие при анализе фактов и их обобщении, чтобы объяснить вразумительно, хотя бы в форме правдоподобного предположения, эмоционально-стрессовые состояния, а так же определить степень вероятности возникновения этих состояний. Конечно, тут мне помогает личный опыт, богатый по части стрессов. Но ведь и с личным опытом может получиться, и сплошь да рядом получается, как у Винни-Пуха с бочонком из-под меда: то ли мы подавлены своим личным опытом, то ли мы сумели научиться чему-то благодаря ему, извлечь из него какие-то уроки. Все дело в том, как человек относится к своему личному опыту: боится его - и потому игнорирует; извлекает из него личную выгоду - и потому всем в нос тычет своим "горьким опытом", дабы пожалели и не требовали слишком многого; исследует ли свой личный опыт во всеоружии всего теоретического и эстетического, а особенно нравственного, образования (имеется в виду не столько официальное образование, уровень которого удостоверяется бумажками типа диплома, сколько вся освоенная личностью духовная культура человечества). Я предпочитаю последний - исследовательский - подход к своему личному опыту, хотя случается скатиться и к первому (боязнь личного опыта, нежелание его анализировать), и даже ко второму (спекуляция на личном опыте, паразитирование с его помощью). Исследование требует мужества, а оно иногда изменяет, тем более, что исследовательский подход далеко не всегда поощряется окружающими - тоже ведь живыми людьми, которым ничто человеческое не чуждо (формула, с помощью которой мы обычно оправдываем свои слабости и малодушное им подчинение, а главное - нелюбовь к правде: вдруг этот исследователь не только в себе, но и в нас раскопает что-нибудь такое-эдакое, какое-нибудь бревно в глазу, которое мы, если вообще замечали, считали соринкой...).

Сейчас о фатальной неизбежности "сокращенного запаса знаний" можно говорить, пожалуй, с изрядной долей условности. Во всем мире накоплен огромный фонд изданной по Брайлю разнообразнейшей литературы, причем это - сливки духовной культуры человечества, художественная и теоретическая классика. Всю издаваемую для зрячеслышащих муру по Брайлю ведь не переиздашь, вот поневоле и приходится отбирать, так что недостаток количества с лихвой может быть компенсирован качеством. Да и недостаток количества весьма условен: накоплено достаточно, чтобы на самое беглое ознакомление не хватило никакой жизни. Уж на что я заядлый читатель, привыкший с детства читать круглые сутки, но я серьезно сомневаюсь, что когда-нибудь прочитаю полностью даже личную библиотеку (книгами забита вся моя двухкомнатная квартира, и каждый год я заказывал, пока издательство "Просвещение" терпело плановую убыточность брайлевской полиграфии, десятки новых названий и почти всю брайлевскую периодику на русском языке). Словом, было бы время и, главное, желание, а запас знаний может быть весьма и весьма солидным.

Произнеся слово "желание", мы действительно подошли, мне кажется, к самому главному. Если чего действительно и не

хватает слепоглухим и зрячеслышащим одинаково, так это желания упорно работать, учиться, овладевать знаниями. А без желания, без потребности в постоянном, буквально ежеминутном труде души, где же взять сколько-нибудь серьезный "запас знаний"? Обычно мы - что слепоглухие, что зрячеслышащие, - норовим обойтись тем запасом культуры, который не могли не накопить против воли: жизнь вынудила накапливать. А размер этого навязанного нам жизнью богатства, особенно у слепоглухих, стремится к нулю. Вот вам и "сокращенный запас знаний" ...

Зрячеслышащий нередко видит, не глядя, слышит, не слушая. Я это называю "включенной невключенностью". Ему остается лишь выбирать из огромного потока впечатлений то, на что по разным причинам нельзя не обратить внимание, не отреагировать. Причины такой разборчивости, стремления к необходимому минимуму - естественное нежелание перенапрячься, во-первых, и более или менее жесткая необходимость как-то включиться в кипящую вокруг тебя человеческую жизнь, более или менее настоятельно требующую твоего участия. К слепоглухому этот стихийный уровень требований жизни - практически нулевой, а поток "раздражителей" почти полностью перекрыт. Пока позволяют оставаться полуживотным-полурастением, слепоглухой и остается.

Таким образом, предельно обостряется проблема мотивации общего человеческого, личностного развития. Особенно духовного - нравственного, художественного и умственного. Необходимо ответить на вопрос: зачем, чего ради развиваться, становиться личностью? Ответить не словами, не проникновенными "объяснениями" (на каком языке, кстати?), а специальной организацией образа жизни, требующего развития, не позволяющего прозябать на уровне, близком к уровню полуживотного-полурастения. Что при нормальных зрении и слухе может происходить стихийно, то при слепоглухоте необходимо специально моделировать, организовывать.

Я переполнен сочувствием к несчастью слепоглухих ребятшек, особенно к их "запасу знаний", поистине кошмарно "сокращенному". Каждому я с радостью отдал бы весь немалый свой. Но первое, с чем я столкнулся, начиная работу в Загорске - это проблема: как сделать, чтобы ребяташки были в состоянии взять, принять у меня мой бескорыстный дар - всю мою духовную культуру, всю мою увлеченность художественной литературой, музыкой и философией? Как сформировать у них те культурные потребности, без удовлетворения которых я не мыслю собственной жизни?

Насколько знаю, эта проблема проблем еще не решена. Человечество в лице огромной армии философов, психологов, педагогов, поэтов, музыкантов, художников, просто родителей любой профессии - бьется над решением этой проблемы. Что касается слепоглухих, то как будто намечается общее решение проблемы в усилиях инициаторов совместной педагогики. Суть дела очень проста.

Мы не хотим, чтобы наши дети шли в дома инвалидов и прочие специальные инвалидные заведения. Мы хотим, чтобы они смогли жить среди нормально видящих и слышащих людей, смогли бы самостоятельно организовать себе необходимую помощь и сами в чем-то помочь, как это всегда происходит в нормальном человеческом общении (под "общечитием" имеется в виду не своего рода гостиница для лиц, не имеющих жилья, а сфера человеческих отношений вообще, умение людей жить с людьми). Именно к этому надо готовить с как можно более раннего возраста. Стратегия подготовки - совместная педагогика, то есть целенаправленная организация содержательного и доброго общения между слепоглухими и зрячеслышащими детьми.

Содержательное - это значит: совместные игры, совмест-

ный труд, совместные походы с кострами и ночевками в палатках, совместное творчество (конструирование, ролевые игры, инсценировки, рукописные издания), ну и так далее - чем разнообразнее, тем лучше. А доброе - значит терпеливое, на взаимопомощи основанное. Поводов же помочь друг другу - сколько угодно, если есть содержание, есть "о чем общаться".

Хочешь не хочешь, а в таком общении потянешься к людям. Хочешь не хочешь, а научишься словесному языку. Хочешь не хочешь, а станешь не инвалидом среди других инвалидов, но человеком среди других людей.

Надо лишить слепоглухих, да и всех вообще людей, права на - личностную - инвалидность, оправдываемую инвалидностью физической. Полноценными людьми с полноценным, в творчестве возникающим и на творчество нацеленным, запасом знаний, обязаны стать все. Быть полноценным человеком - не право, а обязанность. Если не можешь - поможем. Не умеешь - научим. А не хочешь - заставим, вынудим организацией образа жизни, - вовсе не понуканиями, не разговорами. Во всяком случае, в покое не оставим. Не имеем права. Совесть не позволяет. Ведь оставить инвалида в покое - значит бросить человека в беде.

А как же культурное уединение, о котором я говорил выше, на котором настаивал? Уединяясь, человек остается человеком, то есть представителем человечества, личностью. Культурное уединение - одна из вершин и целей развития. Чтобы стать способным на культурное уединение, надо раньше стать способным на культурное - содержательное и доброе - общение. Прежде чем уединиться для самообразования и творчества, надо научиться самообразованию и творчеству у других людей. Культурное уединение - результат культурного общения, которое и должна организовать совместная педагогика. А уж твой запас знаний - твоя забота. Ты его сам себе создашь, участь культурному общению, а затем, по мере необходимости, в культурном уединении будешь этот запас пополнять. Чтобы, пополнив, стать способным на еще более содержательное и доброе, то есть культурное, общение, чем до сих пор.

* * *

Пункт восьмой - "Экономика". Какова она у "слепоглохого населения"? Р. Макдональд пишет:

"Так как при отсутствии слуха и зрения зарабатывать деньги очень трудно, то культура слепоглухих - это культура минимальной материальной обеспеченности. Обычно общественные мероприятия для них возможны только при финансовой и организационной поддержке со стороны общественных организаций, так как слепоглухие не в состоянии платить за развлечения и другие культурные мероприятия, особенно если им еще надо платить за услуги переводчика".

Кстати, в США считается нормальным, если на одного слепоглохого приходится два переводчика - они переводят по очереди и по очереди отдыхают. Это ведь очень большая и крайне утомительная работа. У нас, к сожалению, на одного слепоглохого обычно один переводчик, если вообще вспоминают о его необходимости, - при вечных наших привычных нехватках перевод - первое, на чем экономят. Заметив это, американцы не раз спрашивали у человека, в основном мне переводившего, как он выдерживает такую адскую нагрузку. Он ответил, что за счет отключения от смысла произносимых речей, лишь бы этот смысл дошел до меня. Но жертва не оправдывалась, так как стремление перевести побольше приводило к почти полной неразборчивости дактильной речи переводчика, страдающего, к тому же, полиартритом, - и, пытаясь хоть что-то понять, я выматывался не меньше его. Поэтому, если невозможно обеспечить сменный перевод, лучше освободить слепоглохого от участия в беседе, а содержание ее попозже пересказать, например, по сделанным для памяти заметкам. Но пересказ ни в коем слу-

чае нельзя откладывать в долгий ящик, "на потом"! Откладывание пересказа - очень частая и очень обижающая слепоглухих бестактность. С организаторами конференций и тому подобных встреч надо договариваться о том, чтобы на пересказ обязательно отводилось особое время.

В США я очень скоро стал отключаться от общих бесед, в которых все равно не мог полноценно участвовать. Так же я вел себя и на потсдамской конференции слепоглухих в 1993 году: слушать доклады - чрезмерно утомительно и непродуктивно, переводчик с английского в основном обслуживает, естественно, руководителя делегации, так что и напрямую не общаешься. При таких условиях мое пребывание за границей было для меня крайне тягостно, я чувствовал себя лишним багажным местом, и были серьезные сомнения в целесообразности моего присутствия. Я никогда не рвался за границу только для того, чтобы очутиться за границей и потом хвалиться, что был там-то и там-то. Если уж ехать, то общаться с людьми, а какое же общение, когда не владеешь иностранным языком, и переводом - как тактильным, так и на русский, - тебя обеспечивают по "остаточному принципу", - если останется время, если останутся силы, а известно, что и то, и другое, за границей-то, крайний дефицит. Ради того, чтобы что-то купить да вкусно поесть, ездить стыдно.

Это - мимоходом, по ассоциации с проблемой оплаты перевода. А по существу должен сказать, что материальные затруднения слепоглухих, как и других инвалидов - меньше всего проблема самих слепоглухих, с их слепоглухотой связанная. Это аспект политической проблемы социальной защищенности всех вообще членов данного общества, чья трудоспособность ограничена то ли возрастом, то ли инвалидностью. Бедность не порок, но, конечно, и не добродетель, а гуманность общества, позволяющего прозябать в бедности своим самым беспомощным членам, не может, конечно, не вызывать серьезнейших сомнений. Упрек этот я адресую прежде всего своему - российскому - обществу. В американском обществе по сравнению с нашим уровень социальной защищенности очень высок. Достаточно сказать, что минимальная пенсия по инвалидности там составляла у слепоглухих тысячу долларов в месяц (это как раз соответствовало прожиточному минимуму в момент нашего пребывания в США). За фантастически дорогую и крайне необходимую инвалидам технику платит государство или общественность в лице всевозможных фондов. В общем, есть, кому платить за самое необходимое вместо инвалида.

Проблему заработка, хотя бы невысокого сравнительно со средним уровнем, тоже удастся в общем и целом решать. В национальном центре имени Элен Келлер есть люди, специально отвечающие за трудоустройство слепоглухих после выхода из центра, где они обучаются посильной самостоятельной жизни в условиях своей инвалидности. Учитывается не только, какую, самую примитивную хотя бы, работу сможет выполнять инвалид, не только собственно заработок, но и с кем он сможет общаться на работе. Прежде чем инвалид начнет работать, несколько человек на его будущей работе специально обучаются средствам общения с ним, чтобы проблем с новым рабочим было как можно меньше, и чтобы - главное! - сам рабочий не слишком страдал от одиночества.

Но это речь идет о любой посильной работе, по принципу: "Не до жиру - быть бы живу!" А по большому счету инвалид, как и любой человек, должен иметь такую работу, которая давала бы не только заработок, не только кормила бы, но и развивала бы лично, стимулируя творчество и творческое общение с товарищами по работе. Творчество доступно всем, а не только избранному богом или природой талантливому меньшинству. Инвалидов, и в частности слепоглухих, можно и нужно

трудоустраивать творчески даже при самом низком уровне их развития. Доступный им вид творчества - какой-нибудь народный промысел, - например, изготовление глиняных, деревянных и мало ли каких еще игрушек, всякого рода плетение и прочее, как говорят в России, "рукоделие", требующее хотя бы самой примитивной, да выдумки, а значит и творчества.

Фабрично-заводской, конвейерный, машинообразный, по сути дела превращающий живого человека в робота, труд - убивает личность. Зрячелышащий рабочий как-то спасается от этого, занимаясь всевозможными хобби в свободное от работы время. Слепые тоже имеют такую возможность, особенно, сколько можно судить по русской периодике для слепых, на тех немногих пока предприятиях Всероссийского Общества Слепых, которые в нынешнем переходном хаосе умудрились удержаться на плаву, сохранить хозяйственную стабильность (например, нижегородские предприятия). Там и всякие "рукоделия" в почете, рассматриваются как еще один резерв экономической стабильности. Идеи, так сказать, "ручного творчества" инвалидов носят в воздухе настолько, что на них, как на всех вообще популярных идеях, пытаются иные дельцы даже спекулировать, - морочат голову во всех мыслимых инстанциях заманчивыми проектами, получают на их реализацию хоть какие-то деньги, реализуют же тяп-ляп, для виду, в конце концов еще больше ухудшая и без того безысходное положение доверившихся им инвалидов. Эти инвалиды попадают поистине из огня да в полымя: мечтали заниматься творчеством, вырваться из социальной изоляции, а оказываются в изоляции еще более безнадежной, и им еще говорят, что они сами виноваты, что за них их проблемы никто не решит, никто не обязан их обслуживать... Я сам пережил подобное, тяжелейшее, разочарование, и мне рассказывали, что иной раз бывает еще циничнее: инвалида трудоустраивают фиктивно, забирают трудовую книжку, а потом ни денег, ни работы, ни возможности заработать где-то в другом месте, и документы трудовые еще надо требовать обратно по суду. Делец же, набрав инвалидных "мертвых душ", норовит под это дело ускользнуть от налогов. А проведенный на мякине инвалид может хоть с голоду подыхать.

Всякого рода пособия (пенсии) по инвалидности всегда будут скромными. По крайней мере, в обозримом будущем. Даже в США. Там на рубеже 80-х - 90-х годов пенсия по инвалидности была 12000 долларов в год, а средняя зарплата рабочего, как я вычитал в одной статье О.Т. Богомолова - 25000 долларов в год. Творческий труд оплачивается значительно выше машинообразного, простейшего, монотонного, не говоря уже о духовно-личностных преимуществах творческого труда.

Во всяком случае, проблема заработка напрямую связана с проблемой трудоустройства и организации труда инвалидов. И обе проблемы надо решать вместе, комплексно. Но массовая безработица вполне здоровых людей - едва ли не самая наглядная иллюстрация того, что ничего специфического, кроме особой безысходности, и тут у инвалидов нет. Здоровый хоть бегать может в поисках работы, перебиваться случайно подвернувшимися заработками. А инвалиду или пожилому человеку, чью пенсию по старости инфляция превратила в пыль, даже надеяться особо не на что и не на кого. Между тем любая посильная работа - это самоуважение, а не только заработок. Человек уже не чувствует себя таким беспомощным, таким лишним, что-то зависит и от него, кому-то нужен и он. Здесь не столько проблема суммы благ, которые можно купить, сколько проблема отношения к жизни вообще. И не случайно, как я слышал, пенсионеры - старики и инвалиды, не имеющие возможности ни прожить на пенсию, ни где-то что-то заработать, - ответили на невозможность как-то прожить шквалом самоубийств. Особенно в тех бывших советских республиках, где запрещено

иметь одновременно пенсию и зарплату, - что-нибудь одно, а ведь ни на то, ни на другое по отдельности не прожить. Это приговор нашей безграничной, беспардонной безответственности, с которой мы рушим худо-бедно налаженный быт, даже смутно не представляя себе, как и чем разрушенное заменить. По истине: что имеем - не храним, потерявши - плачем.

Нет, я не за восстановление Советской Власти. Какова бы она ни была, больше нет ее. Идеальной, без малейших пороков, власти не бывает, как не бывает рыцарей без страха и упрека, - это все сказки. Все власти, любые власти, - одна другой хуже, и пусть уж будет, какая есть, если совсем без власти нельзя... Лишь бы налаженные экономические отношения сохранились, и налаживались бы новые. Пусть экономика - а с ней и человеческий быт - эволюционирует по своим внутренним законам. Чего стоит в этой области волонтаризм, россияне знают, пожалуй, как никто в мире. С 1917 года по настоящее время вся российская история - это история экономического волонтаризма. Едва что-то как-то наладится, - и очередной обвал. Все устремляемся то за одним, то за другим журавлем в небе, все кого-то догоняем-перегоняем, а под ноги не смотрим, валимся в первый же овраг, упуская синичку из рук и яростно почесывая все ушибленные места, и это еще слава богу, - в конце концов можно и кровью истечь. Вечно у нас одно вместо другого, а почему бы не одно наряду с другим?.. То колхозы вместо частных крестьянских хозяйств, то фермеры вместо колхозов, - а почему бы не иметь обе формы, кому как удобнее, лишь бы обе нас кормили?.. Мы никак не избавимся от революционной логики передела: поделить, потом переделить по-новому, ради справедливости, а в конце концов оказывается нечего делить... Вот и во Всероссийском Обществе Слепых нашли мудрецы, призывающие к "дележу" собственности общества. Хорошо, что эти мудрецы получили достойный отпор. Возьми они верх, и подавляющему большинству слепых ничего бы не осталось, как вооружиться посохом и отправиться по российским дорогам песни петь, и хорошо, если традиционный мальчик-поводырь найдется. Кто хочет, тому и без всякого дележа собственности никто не мешает пополнять свои финансы хотя бы и таким древним способом. Но пора бы понять, что при любом дележе кто-нибудь да окажется обделенным, и, как показывает наш горький российский опыт, обделенных обычно во много раз больше. Да только ли российский...

* * *

наконец, пункт девятый - язык...

Этой теме Р. Макдональд заслуженно уделяет больше всего внимания. Выписываю, ничего не пропуская, все, что он говорит в своей работе на эту тему - ввиду исключительной важности по сравнению с любой другой.

"Теоретические проблемы языка и слепоглухоты представляют большой интерес. Так как слепоглухие инвалиды, как правило, не имеют возможности взаимодействовать как группа на постоянной основе (в противоположность слепым, которые взаимодействуют как группы уже несколько веков), они не создали отдельный тактильный язык. Вместо этого национальные кинетические языки и мануальные алфавиты" (возникшие как средства общения глухих) "адаптируются для нужд слепоглухих.

Существуют интересные параллели. Например, в течение длительного времени слепые пытались читать рельефные печатные буквы, иными словами, они пытались адаптировать то, что используют зрячие. Кстати сказать, специалисты были против создания специальной системы для слепых". (То есть против создания системы Луи Брайля, ныне давно международной.) "В результате в течение веков глухие были вынуждены "читать" по

губам и учиться разговаривать, таким образом "подстраивая" свое общение скорее к нуждам слышащих людей, нежели к нуждам глухих. Сегодня многие глухие используют кинетическую речь." (Кстати, в Вашингтонском университете глухих имени Галлаудета знаковый язык широко используется как язык преподавания и основное средство общения, полностью приравненный в правах к английскому и любому другому национальному словесному языку.) "Этот способ общения подходит человеку, который пользуется глазами для рецептивного общения.

Я считаю, что слепоглухие постепенно подгоняют кинетическую речь и чтение с помощью пальцев для своих уникальных нужд в области общения. Начинают появляться некоторые новые элементы. Например, слепоглухой, который пользуется азбукой глухонемых, и который вместе с тем свободно владеет брайлевским алфавитом, часто вводит брайлевские формы в язык глухонемых в тех случаях, когда он общается с человеком, тоже знакомым с брайлевским алфавитом." (В России тоже идет этот процесс. Наиболее развитые слепоглухие предпочитают, например, цифры обозначать на основе дактильного алфавита и цифровой системы Брайля, а не на основе громоздкого пальцевого и двуручного счета глухих. Владующие системой Брайля знают, что цифры в ней отличаются от некоторых букв только специальным цифровым знаком. Если этот знак отбросить, получатся буквы: 1 - а, 2 - б, 3 - ц, 4 - д, 5 - е, 6 - ф, 7 - г, 8 - х, 9 - и, 0 - ж (или, чтобы гласных букв получилось больше, - так легче запоминать, - о). В дактильной речи все эти цифры можно обозначать сочетаниями соответствующих дактильных букв, и даже особого цифрового знака в общем-то не надо, потому что из контекста общения обычно легко отличить слово от числа.) "К тому же многие глухие люди, которые пользовались исключительно кинетической речью, в тех случаях, когда они теряют на некоторое время зрение, все больше прибегают к чтению брайлевских текстов.

По нашему мнению, если бы у слепоглухих было больше возможностей контактировать друг с другом на продолжающейся основе, они постепенно создали бы свой тактильный мануальный язык, который отвечал бы их нуждам лучше всего. И хотя этот тактильный язык будет основан на разговорной речи и кинетических языках, в нем постепенно будут разрабатываться универсальная грамматика и синтаксис, типичные для самостоятельного языка".

Словом, как говорят русские: "Спасение утопающих - дело рук самих утопающих". Достигнув с помощью здоровых определенного уровня развития, инвалиды рано или поздно неизбежно пытаются взять свою судьбу в свои руки. Речь не о том, чтобы в конце концов совсем обойтись без здоровых, полностью от них обособившись. Это было бы верхом глупости, это было бы тем, что один мой друг метко назвал "инвалидным шовинизмом". Речь о том, что никто никогда не сможет лучше самих инвалидов, разумеется полноценно развитых, понять и учесть инвалидную специфику постановки, а значит и решения, общечеловеческих проблем. Но, подчеркиваю и готов подчеркивать миллионы раз: любые аргументы "изнутри" инвалидности могут иметь непреложную силу только в том случае, если опираются, на теоретическую, эстетическую и нравственную - словом, духовную культуру, которая для всех людей, независимо от состояния здоровья, одна. Это значит, что без помощи здоровых, без духовной культуры здоровых инвалидам себя никогда не понять, хотя точнее всего понять себя могут, разумеется, только они. Не опираясь на выстраданную человечеством мировую духовную культуру, инвалиды - да и кто угодно - способны лишь на безграмотный, беспомощный, бессвязный лепет. Или на "инвалидно-шовинистический", фашистский по сути дела, бред.

Мне пришлось за всю свою жизнь довольно близко познакомиться

с этим бредом, даже наблюдать его зарождение. Основная "идея" - дуализм двух миров: мира зрячеслышащих и мира слепоглухих. Оба "мира" непримиримо враждебны друг другу. Высокоразвитые слепоглухие - "элита предателей", перешедших на сторону зрячеслышащих. Я горжусь тем, что признан русскими слепоглухими шовинистами самым главным таким "аристократом-предателем". Честь эта, правда, совершенно не соответствует моим скромным заслугам, но постараюсь ее оправдать в течение всей остающейся мне жизни. И никогда не примирюсь со зрячеслышащими проходимцами, лезущими в мессии - вожди и спасители - примитивной массы слепоглухих.

Бредовая идея двух враждебных друг другу миров только таким проходимцам и выгодна. Всем же нормальным людям, и здоровым, и инвалидам, нужны не "фюреры", а просто друзья. Как можно больше надежных друзей.

Я принципиальный противник идеи дуализма миров вообще. В каких бы отношениях ни находились эти "миры" - в дружеских или непримиримо враждебных, - сама по себе идея такого дуализма, само по себе признание такого дуализма обособляет инвалидов от здоровых, противопоставляет их друг другу. А целью-то должно быть как раз обратное - объединение инвалидов и здоровых на основе равноценности и полноправности участия в жизни единого человеческого общества. Такой цели может соответствовать только монистическая идея одного - на всех людей одного - мира, с одной культурой на всех, при каком угодно разнообразии форм и проявлений этой единой общечеловеческой культуры. Вот почему я в принципе против идеи об особой инвалидной культуре. Если эту антигуманную в сущности, ибо обособляющую вместо объединения, идею разделяет гуманист, все равно, слепоглухой или зрячеслышащий, - для меня это верный признак того, что гуманист плохо понял, осознал сам себя, свои гуманистические цели. Что ж, наше счастье, что громадному большинству людей присуща естественная человечность, повседневно реализуемая, хоть и не осознаваемая как гуманизм, как мировоззренческая теоретическая система. А для такого осознания одних добрых чувств мало. Нужен-то "брак" человечности с духовной культурой человечества, который я имел в виду выше, говоря о проблеме точного и ясного понимания инвалидами самих себя.

С позиций сознательного научного гуманизма проблема языка имеет громадное, прямо-таки ключевое значение. Ясно, что пока слепоглухие не овладеют вообще никаким языком, даже "кинетическим", то есть языком движений, до тех пор ни о какой полноценности и полноправности со зрячеслышащими в каком бы то ни было отношении речи быть не может. Такие, лишенные всяких средств общения, слепоглухие могут быть лишь объектом обслуживания родственниками, благотворителями и государственной системой социальной защиты. Никому из них ничего не нужно. Их жалко, негуманно уничтожать; вот их и содержат, поддерживают их бессмысленное существование. Ничего больше.

Пока слепоглухой лишен речи, хотя бы кинетической, он лишен какого бы то ни было, даже самого примитивного, сознания. Он не может быть членом человеческого общества, он чужд какой бы то ни было культуры, а потому, строго говоря, он и не человек. Он - просто существо, которое вынуждены содержать из элементарной человечности, просто потому, что оно, к сожалению, существует. Именно к сожалению, ибо никакой радости от его существования ни ему, ни окружающим быть не может. Слепоглухих в таком состоянии уже давным-давно назвали "полуживотными-полурастениями".

Проблема особого языка слепоглухих, равно как и глухих, могла вообще возникнуть только потому, что большинству этих инвалидов - это эмпирический факт - не удается полноценно овладеть сложнейшим национальным языком, в котором закреплена

на и продолжает закрепляться, развиваясь, вся мировая духовная культура. При том примитивном, убогом образе жизни, что большинство инвалидов вынуждено вести, им с такой культурой, пожалуй, и делать нечего. Как, впрочем, и здоровым. Много ли среди здоровых найдется людей, способных наслаждаться произведениями великих мыслителей, писателей и других гигантов духа? А каков уровень духовной жизни (если такой жизнью вообще живут), таков и уровень сознания, таков и повседневный используемый язык. У любого народа есть язык художественной и философской классики, а есть языковый ширпотреб, которым проваляются в быту, которым во многих случаях, к сожалению, вообще обходятся, никаким другим языком не владея.

Когда пытаются обосновать идею о возможности и правомерности особой инвалидной культуры (и даже целого "класса" инвалидов "малых культур"), ссылка на систему Брайля убедительной кажется лишь на первый взгляд. Очевидна полная внешняя непохожесть письменности для слепых, созданной Луи Брайлем, на письменность для зрячих любого народа. Что говорить, линейный шрифт, хотя бы и рельефный, очень сильно отличается от точечного. Но в одном принципиальном отношении письменность для зрячих и письменность для слепых, разработанная Луи Брайлем, совершенно тождественны. Они обе адекватны мировой духовной культуре. Величайшее значение изобретения Брайля в том и состоит, что благодаря ему слепые преодолели вековой барьер, отделявший их от мировой духовной культуры. Главное - в функциональной адекватности системы Брайля системам зрячих. А то, что система Брайля так сильно отличается от систем зрячих - дело вынужденное. Просто оказалось невозможно добиться главного - функциональной равноценности - и в то же время сохранить внешнее сходство. Само собой разумеется, что сохранению внешнего сходства помешало именно различие в способах восприятия у зрячих и слепых. Это факт, который мне и в голову не придет отрицать. Просто этот факт я не считаю таким уж принципиальным по сравнению с главной задачей, которую решил Луи Брайль своей системой, - сделать мировую духовную культуру доступной слепым.

Сделать мировую духовную культуру доступной любому человеку, безразлично, инвалид он или нет, - это и есть главная, да, пожалуй, и единственная, задача любого подлинного гуманиста. Вряд ли кто решится оспаривать этот тезис. Теперь взглянем с этой точки зрения на проблему особого кинетического языка слепоглухих.

Во всем мире кинетические языки, насколько мне известно - бесписьменные. На них не переведено ни одного классического произведения художественной и какой-либо иной литературы. Поэтому кинетический язык может быть равноценен лишь языковому ширпотребу, но никак не любому развитому словесному языку, главная функция, смысл существования которого - служить инструментом сохранения и развития мировой духовной культуры.

Значит ли это, что кинетический язык не нужен, даже вреден, ибо отгораживает своего носителя от развитого словесного языка и, следовательно, от мировой духовной культуры? До поездки в США я бы ответил на этот вопрос утвердительно, ни секунды не колеблясь. Поездка в США заставила меня несколько уточнить свои взгляды на этот счет.

Есть в русском языке пословица, что синица в руках лучше журавля в небе. (В английском языке ей соответствует пословица: "Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра".) Кинетическая речь вполне может служить такой синицей в руках ("яйцом сегодня"), точно также, как и обычный словесный языковой ширпотреб. Лучше хоть как-то общаться, чем вообще никак. Нельзя же, мечтая о приобщении к вершинам духовной культуры, лишать возможности хотя бы самого элементарного общения! Это

было бы просто преступно. И ни один подлинный гуманист не совершит такого преступления сознательно. А неосознанно мы его, пожалуй, совершали, когда запрещали жестовое общение глухих и слепоглухих детей. Это все равно, что запрещать пользоваться устной речью на том основании, что вся мировая духовная культура закреплена письменно.

Нельзя ли на жестовом языке ускоренно одолеть весь этот культурный ширпотреб, который все равно не минуешь на пути к вершинам духа? В США, насколько я мог понять, идут именно этим путем. Но как потом перевести ребенка на словесные рельсы, научить его писать и читать на языке, которым он до сих пор никогда не пользовался? Как преодолеть неизбежное поначалу неприятие нового, непривычного, и к тому же очень громоздкого способа общения? А если сразу заменить кинетическую речь алфавитной, по существу уже письменной, то рискуем задержать - и, судя по всему, задерживаем, - овладение бытовой культурой и основами общежития. Ведь письменная речь малыша просто еще не по силам... Вся мировая педагогическая практика восстает против обучения письменной речи раньше устной.

Куда ни кинь, везде клин. Дашь волю языку жестов - рискуешь остановкой духовного развития на уровне культурного ширпотреба. Попробуешь обойтись без языка движений - рискуешь не дать вообще никаких средств общения, поскольку устная речь из-за глухоты недоступна, а перепрыгнуть через нее сразу к письменной - нельзя без громадных, ничем не оправданных и невозможных потерь для развития личности. Но может ли кинетическая речь заменить устную? Это же все-таки совсем другой язык, совсем не тот, на котором придется читать и писать! А весь фокус нормального речевого развития как раз в том, что читать и писать ребенок учится на том самом языке, на котором до этого несколько лет говорил.

Вот он - камень преткновения. Ранооглохшие ребята, из-за ранней глухоты не успевшие заговорить на языке, который был должен стать родным, так и не могут им овладеть по той же самой причине, по которой зрячеслышащие школьники не могут овладеть иностранным языком. Это чужой язык, совершенно им не нужный в повседневном общении. Они на нем не говорили, не говорят, говорить не собираются, а тем более не думают на нем читать и писать. Мы лезем к ребенку с совершенно ненужной ему вещью, - ненужной в том смысле, что он сам в ней проку не видит. То, что мы, взрослые, считаем эту вещь необходимой, - наше дело. Ребенок этой необходимости не чувствует, и пока не прочувствует - никаких усилий к овладению не приложит. Причем этого юного воробья не проведешь на мякине искусственного заинтересовывания, заманивания; на мякине каких бы то ни было высосанных из пальца методических ухищрений. Он лучше нас умеет пальцы сосать. И ему подавай настоящую, железную необходимость, от которой, как ни вертись, не отвертись. Есть она, есть, настоящая необходимость. Мы, взрослые, видим ее. Но как дать увидеть, почувствовать, восчувствовать ребенку?..

Во всяком случае, ограничиваться кинетическим языком, не пытаясь научить словесному - такое же преступление, как не учить вообще никакому средству общения, никакому языку. Нельзя оставлять человека неграмотным. И тут два пути. Первый - все же разработать эффективную методику перевода ребенка с кинетического языка на словесный, тот, который, не случись беды - ранней глухоты - стал бы родным. А второй путь - искать, изобретать, придумывать какой-то полноценный заменитель устной речи, который позволил бы заговорить на том же языке, на котором скоро придется читать и писать. Какой путь лучше? Оба хороши. Надо идти по обоим одновременно.

Я полностью согласен с Р. Макдональдом, что в области

разработки средств общения, наиболее подходящих именно слепоглохим, еще практически ничего не сделано. Если Родерик прочтет когда-нибудь эти мои строки, он, должно быть, здорово будет удивлен: где это он позволил себе такое смелое высказывание? Да там, где говорит, что слепоглохие вынуждены обходиться средствами общения, как бы взятыми напрокат у слепых и глухих. Отсюда как раз и следует, что собственно для слепоглохих ничего еще не изобретено. Но искать, изобретать стоит только такое средство общения, которое сделает мировую культуру хоть немного более доступной. Об обособлении, отделении от "мирового духа" слепоглохота и так позаботилась больше некуда! В этом деле союзники слепоглохоте не нужны - сама справляется. А вот серьезных противников, способных помешать слепоглохоте в деле обособления от культуры, да так, как сумел помешать слепоте Луи Брайль, - таких противников пока еще не видно.

Идти надо путем Луи Брайля, а не того русского царского министра просвещения (верней, мракобесия), который в печальном знаменитом циркуляре запрещал учиться "кухаркиным детям". Не все ли равно, кто были родители? Всем детям надо помочь стать образованными, культурными людьми, не так ли?

* * *

Живу трудно, зато насыщенно, полноценно, несмотря на слепоглохоту. Это и есть счастье. Именно такого трудного счастья желаю всем - и слепоглохим, и зрячеслышащим. Легкого счастья не бывает. Мечта о легком счастье - самый страшный самообман.

Не надо забывать, что слепоглохота - ужасное горе, великое несчастье. Это беда, а не диковинная особенность диковинного народа со своей диковинной "культурой". Этнографические параллели тут неуместны. Как ни старайся, реальной трагедии не замажешь ими. Трагедия не перестанет быть трагедией от того, что ее объявили национальной особенностью. Не надо обманывать ни себя, ни людей, будто нет беды, а есть некая странность, к которой просто надо привыкнуть, приспособиться.

Идея особой инвалидной культуры - это малодушная попытка уйти от реальных проблем, спастись от них в уважительном интересе этнографа к чуждым обычаям и нравам. Это капитуляция перед обособлением от здоровых людей, к которому приводит всякая инвалидность, которому (обособлению) как раз и надо бы объявить беспощадную войну. Нельзя победить врага, боясь и отказываясь прямо взглянуть ему в лицо. Надо иметь мужество называть вещи своими именами, а не маскировать утешительными аналогиями. Слепоглохота - это враг слепоглохих и их зрячеслышащих друзей. Врага надо знать, внимательно изучать, исследовать. Не для того, чтобы вдруг сдать на "милость" врага, объявив слепоглохих особым "народом" с особой "культурой", а для того, чтобы хотя бы духовно слепоглохие стали зрячеслышащими, если невозможно - физически.

Но и к задаче объединения со здоровыми в один мир, к задаче жить со здоровыми одной жизнью, возможны два противоположных подхода. Думаю, стоит поближе критически присмотреться к ходячему идеалу "настоящего человека", особенно отчетливо отраженному в нашей литературе Н. Островским и Б. Полевым. Кто он - "настоящий человек", настоящий вопреки инвалидности? Не тот ли несчастный, который все свои проблемы, с инвалидностью связанные, старательно прячет от окружающих, а может быть, и от самого себя, изо всех сил, через силу пытается вести образ жизни здоровых?..

Весь пафос настоящего человека, то, чем он начинает и кончает - в страстном призыве: "Снова в строй!" (Э. Асадов). Мне лично тут спорить не с чем. Это ведь и мой пафос. Спор начинается из-за форм реализации этого призыва, из-за спосо-

бов возвращения "в строй".

Я серьезно подозреваю, что больше всего распространен, как я его определил еще в студенческие свои годы, "ложногероический" способ. Это когда любой ценой, во что бы то ни стало, стараться - _походить_ - на "всех" внешне, подменяя существо дела формой. Когда мы, нынешние слепоглухие психологи, были студентами факультета психологии МГУ, мы много спорили из-за того, ходить или нет на лекции и общие семинары. Для некоторых из нас главным было вести такой же образ жизни, как "все" студенты, сколь бы катастрофически это ни сказывалось на учебе. Я настаивал на решительном отказе от традиционных, слепоглохому совершенно непосильных, форм вузовской учебы. Чтобы получить сколько-нибудь полноценное высшее образование, нам нельзя было учиться так, как учатся зрячеслышащие студенты. Это я отчетливо понимал уже тогда, настаивая, например, на отдельных семинарах с использованием специальной аппаратуры общения. Но я не мог еще и предположить, что весь сыр-бор фактически загорелся из-за вопроса об общей стратегии личностного преодоления инвалидности, - из-за вопроса о путях личностной самореабилитации.

Гнаться ли за максимальным внешним сходством со здоровыми в чем бы то ни было, или не смущаться никаким, даже самым резким, внешним, по форме, несходством, лишь бы сравняться в главном, а именно: в высоте и глубине культуры? Конкретнее: игнорировать ли инвалидность, делая вид, будто ее нет, или внимательно изучать ее, выискивая лазейки для достижения подлинной, а не внешней, полноценности, не смущаясь никакими внешними различиями? Я еще в студенческие годы стихийно встал на второй путь, тогда же приступив к художественному исследованию "недозволенных", с точки зрения "ложного героизма", своих настроений.

Насколько радикальной оказывается вынужденная таким подходом ревизия традиционной внешности жизни здоровых, можно судить хотя бы по тому, что прежде всего мне пришлось очень и очень критически отнестись к "зрячеслышащей" морали, к "зрячеслышащим представлениям о том, например, что "прилично", а что "неприлично". Недаром это одна из центральных проблем моей ранней лирики. Слепоглухота вынуждает, при серьезном, не "ложногероическом", отношении к делу, преодолеть традиционный разрыв между моралью и нравственностью. Видимость (мораль) приходится приводить в строжайшее соответствие с сутью, с законом существования по-человечески (нравственностью). Вот какой революцией оборачивается отказ от "полноценности" по видимости - в пользу полноценности по существу.

Р. Макдональд, сколько могу судить по его работе, стихийно ищет полноценности именно по существу. Он отчетливо понимает или чувствует, что слепоглухие не могут и не обязаны вести такой же, по форме, образ жизни, как и зрячеслышащие. Мы не видим, не слышим, а потому не можем и не обязаны соблюдать все, обязательные для зрячеслышащих, правила поведения. Это факт. Именно этот факт старается довести до сознания своих читателей Р. Макдональд. Именно над этим фактом хочет заставить он их призадуматься. Именно с этим фактом призывает считаться, его, этот факт, убеждает постоянно учитывать в общении со слепоглухими. В этом пункте мне остается лишь присоединиться к Р. Макдональду. Ведь от непонимания того, что я не всегда могу вести себя подобно зрячеслышащим, я сам очень и очень страдал. Сейчас-то меня уже никто не пытается учить "приличному" поведению. А если кто наберется нахальства, я знаю, как поставить его на место. Научился. Пришлось научиться.

Но, настойчиво обращая внимание на этот неопровержимый факт, Р. Макдональд ударился в другую крайность - воюя с иг-

норированием специфики, он в свою очередь явно игнорирует всеобщность проблем, если вообще осознает ее. И приходит к идее о якобы возникающей особой, "малой культуре слепоглухих". К идее, по моему глубокому убеждению, совершенно ложной, закрепляющей, а не ослабляющей, изоляцию слепоглухих от общечеловеческой культуры. Я благодарен Р. Макдональду за честную и смелую констатацию трудностей слепоглухих, но с теоретической интерпретацией этих трудностей, воспринятой им, очевидно, из господствующей в его обществе философии позитивизма, согласиться не могу. Я не только за стихийное, но и за сознательное, осознанное стремление к полноценности по существу, а не по форме.

Нам не до жиру, не до формы, не до формального подражания зрячеслышащим! Быть бы живу, уцелеть бы лично!

Но это значит, что в ситуации слепоглухоты, как, видимо, ни в какой другой, приходится строго отличать подлинную человеческую культуру от мнимой, ложной. И если бы хотя бы некоторые, хотя бы единицы из нас, эту задачу решили, они оказали бы неоценимую услугу духовному развитию человечества. Они бы тем самым выплатили весь неоплатный долг зрячеслышащим, чьими самоотверженными усилиями они получили возможность нормального человеческого, личностного развития.

А пока этот наш нравственный долг во всем мире растет.

1989 - 1995

=====